

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

— 6639 —

Томъ тридцать осьмой.

— 6639 —

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Ноября 20 дня 1861 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Виленской Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ *Порфирій*.

5. О НАДПИСАНИИ ПСАЛМОВЪ (а).

КНИГА ПЕРВАЯ.

—

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ДРУГУ.

Со всею (б) готовностію принялъ я твое, человекъ Божій, приказаніе, и меня и тебя равно вызывающее на трудъ, и вникалъ въ надписанія псалмовъ. Ибо сего и требовалъ ты отъ насъ — изслѣдовать (в) усматриваемый въ нихъ смыслъ, чтобы для всѣхъ сдѣлалось явнымъ, что можетъ въ нихъ руководить (г) насъ къ добродѣтели. Посему, съ великимъ

(а) При переводѣ сего творенія печатное изданіе случаемо было съ тремя рукописями, хранящимися въ московской Синодальной бібліотекѣ, одною пергаменною X или XI вѣка N 71, и двумя, писанными на бумагѣ, XVI вѣка N 289 и 434.

(б) По всемъ синод. рукописямъ читается: *μετά πίσσης*.

(в) По всемъ рукопис. *διερευνησάσαι*.

(г) По рукоп. N 289 и 434 *ὀδηγήσαι*.

вниманіемъ перечитавъ всю книгу псалмовъ, призналъ я необходимымъ не изслѣдованіемъ надписаній начать, но касательно всего вообще псалмопѣнія изложить напередъ нѣкоторый способъ (д) къ искусному уразумѣнію мыслей, по которому естественнымъ образомъ уяснится для насъ понятіе о надписаніяхъ. Почему прежде всего надлежитъ уразумѣть цѣль сего писанія, къ чему она клонится; потомъ, въ слѣдъ за симъ, рассмотреть то направленіе мыслей къ предположенному, какое показываютъ и порядокъ, удобно служащій (е) къ познанію цѣли, и отдѣлы всей книги, опредѣляемые особыми цѣкими очертаніями при пятичастномъ раздѣленіи всего заключающагося въ псалмахъ пророчества. По предварительномъ же въ надлежащей мѣрѣ уразумѣніи сего содѣлается для насъ понятнѣе польза, извлекаемая изъ надписаній (ж), и раскрываемая уразумѣніемъ напередъ изслѣдованнаго. Поэтому съ сего должно начать обзорніе.

ГЛАВА I.

Конецъ добродѣтельной жизни—блаженство. Ибо все, въ чемъ тщательно преусиѣваемъ,

(д) По рук. читается: *ἐξέτασις* вмѣсто: *ἐποθέσις*, *μεθόδου* вмѣсто: *ἔργου* (кромѣ N 279), *προκινθόδοι* вм. *ἐπιθέοδοι*.

(е) По рук. *ἐδδρακτικὴ*.

(ж) По рукоп. N 71. *ἐπιγυαφόν*.

непремѣнно что нибудь имѣеть цѣлю. И какъ у врачебнаго искусства въ виду здравіе, а цѣль земледѣлія—заготовленіе потребнаго для жизни: такъ пріобрѣтеніе добродѣтели служитъ къ тому, чтобы живущему добродѣтельно содѣлаться блаженнымъ; это — верхъ и предѣлъ всего, что умопредставляетъ себѣ, какъ благо. Посему и то, что, въ подлинномъ и собственномъ смыслѣ, усматривается и умопредставляется подъ симъ высокимъ понятіемъ, справедливо будетъ называться естествомъ Божественнымъ. Такъ и великій Павелъ именуетъ Бога, всѣмъ богословскимъ именованіямъ предпоставивъ имя: Блаженный, когда въ одномъ изъ посланій выражается такими словами: *блаженный и единъ сильный Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, единъ и истинный безсмертіе, и во свѣтъ живый непреступный, Егоже никтоже видѣлъ есть отъ чловѣкъ, ниже видѣти можетъ: Ему же честь и держава вѣчная* (1 Тим. 6, 15. 16.)! Всѣ сіи высокія понятія о Божествѣ, по моему разсужденію, могутъ служить опредѣленіемъ блаженства. Если кого спросятъ: что такое блаженство? то не погрѣшитъ, въ отвѣтъ благочестивомъ послѣдовавъ слову Павлову, и сказавъ: блаженно, что въ собственномъ смыслѣ и первоначально такъ называется, или превысшее всего естество; а въ людяхъ нѣкоторымъ образомъ дѣлается и именуется блаженнымъ, что таково

по причастію истинно Сущаго, и принадлежать въ нихъ естеству того, чего они причастны. Посему вотъ опредѣленіе человѣческаго блаженства: оно есть уподобленіе божеству. И какъ, что истинно благо, или превъше блага, то одно и блаженно и вождельно для естества, и причастіемъ сего все дѣлается блаженнымъ; то божественное псаломское писаніе въ вѣской благоискусной и естественной послѣдовательности прекрасно указываетъ путь къ сему единому, въ простомъ, но видимому, и безхитростномъ ученіи разнообразно и много-различно излагая способы къ приобрѣтенію блаженства. Посему и изъ самаго перваго псалма можно замѣтывать мысль о семъ предметѣ, такъ какъ слово, дѣля добродѣтель трепачастно, каждому отдѣлу, въ приличной вѣской соразмѣрности, приписываетъ блаженство, ублажая то отчужденіе отъ зла, какъ служащее началомъ стремленія къ лучшему, то за симъ поученіе въ высшемъ и божественнѣйшемъ, какъ производящее уже навѣкъ къ лучшему, то наконецъ чрезъ сіе въ совершенныхъ достигающее до пресвѣтлѣнія уподобленіе Божеству, ради котораго и предшествующія состоянія называютъ блаженными, послѣднее же гадательно разумѣется подъ образомъ престолицѣтущаго древа; ему уподобляется усовершенная добродѣтелию жизнь.

ГЛАВА 2.

Чтобы имѣть намъ точнѣйшее свѣдѣніе объ ученіи о добродѣтеляхъ, какое преподается во всемъ исаломскомъ руководствѣ, хорошо будетъ, какъ бы цѣкое искусственное слово въ послѣдовательномъ порядкѣ изложивъ напередъ для себя самихъ, подробно опредѣлить прежде всего, какъ возможно любителю добродѣтельной жизни пребывать въ добродѣтели. Ибо въ такомъ случаѣ узнаемъ слѣдствія предварительно указуемаго намъ ученія. Посему, кто намѣренъ обратиться къ добродѣтели, тому надлежитъ прежде различить въ словѣ жизнь (3) благоприличную и укоризненную, обозначивъ каждую особенными признаками, чтобы понятіе о нихъ не было затемнено ничѣмъ общимъ и не смѣшивалось. Между знаками особенности каждаго изъ сихъ образовъ жизни имѣются, можетъ быть, и какіе нибудь иные, но болѣе общими другихъ, по нашему предположенію, служатъ слѣдующіе: веселіе, доставляемое ими людямъ, удѣляется то чувству, то разуму; такъ какъ порокъ услаждаетъ чувство, а добродѣтель веселитъ душу. При семъ естественно будетъ одобренію и оужденію удалять мысль

(3) По рук. читается *τη λόγῃ τὸν βίον*.

слушателей отъ худшаго и сроднять съ лучшимъ, потому что охудженіе дурной жизни возбуждастъ ненависть къ пороку, а похвала дѣламъ добрымъ увлекаетъ пожеланіе къ болѣе одобрительному. Потомъ, чтобы похвала жизни доброй дѣйствовала сильнѣе, и порицаніе жизни худой было поразительнѣе, надлежитъ приводить на память самихъ, какъ возбуждавшихъ удивленіе добродѣтелию, такъ осужденныхъ за порочность; потому что представляемые примѣры изъ ихъ жизни производятъ нѣкое напряженіе и твердость въ душевномъ расположеніи, когда надежда достигнуть одинаковой чести съ доблестными привлекаетъ душу къ добродѣтели, а охудженіе осужденныхъ возбуждастъ къ удаленію и отчужденію отъ одинакихъ съ ними предначинаній. При всемъ же этомъ необходимо будетъ для каждаго изъ сихъ случаевъ изложить подробное нѣкое ученіе, которое и укажетъ лучшее, и отвратитъ отъ худшаго, къ лучшему руководя слухъ какими либо правилами и совѣтами, и отъ худаго удерживая словами, внушающими отвращеніе.

Но и по строгомъ различеніи этого, поелику съ трудомъ пріемлется естествомъ все то, что чуждо удовольствіи (разумѣю же удовольствіе, угодное тѣлу; потому что душевное веселіе далеко отстоитъ отъ безсловеснаго и рабскаго сластолюбія), а особеннымъ признакомъ той и другой, и добродѣтельной и порочной, жизни

признаи (и) мы прежде то, что порокъ льститъ въ насъ чувствуищамъ плоти, добродѣтель же душевнымъ веселіемъ дѣлается въ преуспѣвшихъ; то у возводимыхъ нынѣ въ высшую жизнь, для которыхъ судить о прекрасномъ представляется еще способнымъ чувство, душа, какъ неприготовленная опытомъ и непривыкшая къ такому уразумѣнію, не имѣетъ пока (i) и достаточныхъ силъ усматривать доброе. А что вовсе не извѣстно, къ тому, хотя оно и всего прекраснѣе, пожеланіе наше остается неподвижнымъ; безъ предшествующаго же пожеланія nebudeтъ никакого удовольствія отъ такой вещи, къ которой не чувствуемъ пристрастія; потому что путемъ къ удовольствію служитъ пристрастіе. Посему для невкусившихъ еще чистаго и божественнаго удовольствія необходимо надобно придумать нѣчто такое, почему были бы приняты и уроки добродѣтели, будучи услаждены чѣмъ либо увлекающимъ чувство. Такъ обычно поступать и врачамъ, когда какой либо горькій и противный вкусу цѣлительный составъ дѣлаютъ они непротивнымъ для больныхъ, приправивъ сладостію меда.

Если же въ сказанномъ нами вполне изло-

(и) По рукоп. *ἐπίγονον*.

(i) По рукоп. N 71 *οὐκ* вмѣсто *οὐκ*.

жепо руководство къ добродѣтельной жизни, и именно, какъ сперва должно отдѣлить одинъ отъ другаго противоположныя роды жизни, потомъ каждый изъ нихъ обозначить особеннымъ признакомъ, послѣ того одинъ родъ почитать словомъ, другой же чрезъ оужденіе сдѣлать отвратительнымъ, и примѣрами мужей знаменитыхъ усилить мысль о каждомъ родѣ, частными же правилами указать путь, ведущій къ добру, и отвратить отъ худаго, и что въ добродѣтели суроваго и требующаго мужескихъ силъ, сдѣлать это пріятнымъ для младенчествующихъ, усладить чѣмъ либо увеселяющимъ наше чувство; то время уже уразумѣть, какимъ образомъ изъ разсмотрѣннаго сего изложенія открывается намъ все заключающееся въ псалмахъ ученіе, удерживающее отъ порока и привлекающее къ добродѣтели.

ГЛАВА 3.

Итакъ сперва (ибо начинаемъ съ послѣдняго) всмотримся въ это примышленіе, по которому псалмопѣвецъ столько суровый и напряженный образъ добродѣтельной жизни, столько загадочное, исполненное тайнъ ученіе, столько неизреченное и прикровенное неизглаголаннныи созерцаціями богословіе сдѣлалъ до того постижимымъ и сладостнымъ, что ученіе сіе

изучается не только совершенными мужчинами, у которых очищены уже душевные чувствительности, но дѣлается собственнымъ достояніемъ женскаго терема; какъ одна изъ игрушекъ, доставляетъ удовольствіе младенцамъ, престарѣлымъ же служить вмѣсто жезла и отдохновенія; и кто веселъ, тотъ даръ сего ученія почитаетъ своею собственностію, а кто по какому либо обстоятельству въ грустномъ расположеніи, тотъ думаетъ, что ради него подается таковая благодать писанія. И путешествующіе, и плывущіе моремъ, или занятые какими либо сидячими работами, и вообще всѣ, въ чемъ бы то ни было упражняющіеся, и мужчины, и женщины, здоровые и больные, почитаютъ для себя утратою — не имѣть въ устахъ своихъ сего высокаго ученія. Даже и ширь, и свадебныя торжества среди радостей въ семь любомудрій замѣтываютъ для себя часть увеселенія; не станемъ же и говорить о божественномъ на всенощныхъ бдѣніяхъ пѣнощній псалмовъ и объ изучаемомъ церквами въ нихъ любомудрїи.

Какое же это примышленіе къ сказанному и божественному наслажденію, которое великій Давидъ вліялъ въ свои наставленія, и которымъ содѣлалъ, что уроки его такъ охотно прїемяются естествомъ человѣческимъ? Всякій, можетъ быть, готовъ сказать причину, по которой съ удовольствіемъ занимается псалмами.

Сладкозвучіе рѣчи, скажетъ иный, — вотъ причина наслажденія, съ какимъ перечитываются псалмы. А я, какъ сіе ни справедливо, утверждаю, что не должно оставлять сего безъ изслѣдованія; ибо кажется мнѣ, что любомудріе сладкозвучіемъ означаетъ нѣчто большее, нежели какъ понимаютъ это многіе. Что же хочу этимъ сказать? Слышалъ я одного мудреца, который о нашемъ естествѣ велъ такое слово; — человѣкъ есть малый міръ, заключающій въ себѣ все, что есть въ великомъ мірѣ. А устройство вселенной есть нѣкая музыкальная стройность, во многихъ видахъ и разнообразно по какому-то порядку и ладу сама съ собою согласенная, сама себя поддерживающая и никогда не нарушающая сего согласія, хотя и усматривается нѣкое великое различіе существъ, если брать каждое отдѣльно. Что бываетъ съ смычкомъ, который, искусно касаясь струнъ, разнообразіемъ звуковъ производитъ наслаждающій гласъ, какого, конечно, не составилось бы, если бы во всѣхъ струнахъ былъ однообразный звукъ; такъ и входящее въ составъ вселенной, при разнообразіи существъ, отдѣльно усматриваемыхъ въ мірѣ, по какому-то на всегда установленному и непарушному ладу, само себя касаясь, и производя согласіе частей съ цѣлымъ, оглашаетъ вселенную этимъ всестройнымъ сладкопѣніемъ, слышателемъ котораго бываетъ умъ. Какъ

нимало непользующійся этимъ (в) слухомъ, но простирающійся далѣе плотскихъ чувствлищъ, и возносящійся горѣ, такъ слушаетъ онъ пѣснопѣніе небесъ, какъ, по моему мнѣнію, слышалъ и великій Давидъ, когда, по усматриваемому въ небесахъ искусному и всепремудрому движению, уразумѣвалъ, что *повѣдаютъ* они славу производящаго въ нихъ это Бога (Ис. 18, 2.).

Ибо дѣйствительно съ таковымъ ладомъ выводимая пѣснь неизслѣдимой и нескazanной Божіей славѣ есть это согласіе всей твари съ самой собою, слагаемое изъ противоположностей. Противоположны же между собою покой и движеніе; и они взаимно срастворены въ естествѣ существъ; и въ нихъ самихъ усматриваемъ какое-то неизъяснимое смѣшеніе сихъ противоположностей, такъ что и въ движеніи оказывается покой, и въ неподвижномъ—присподвижущеся. Хотя всегда движется все, что на небѣ, или вращаясь съ неподвижнымъ кругомъ, или увлекаясь въ противную сторону подвижными тѣлами (*διὰ τῶν πλανητῶν*); но взаимное между собою расположеніе небесныхъ тѣлъ всегда покоится, и пребываетъ тождественнымъ, изъ того порядка, въ какомъ состоитъ оно, никогда не переходя въ какой

(в) То есть тѣлеснымъ.

либо другой, а всегда, какимъ было, такимъ и оставался. Посему соединеніе покоящагося съ движущимся, повсюду совершающагося въ нѣкомъ однажды установленномъ и ненарушимомъ согласіи, есть мусикійская нѣкая стройность, съ какою совершается складно и чудно сложенное нѣспонѣніе всеѣмъ обладающей Силѣ. Его-то, кажется мнѣ, услышавъ и великій Давидъ, сказалъ въ одномъ изъ псалмовъ, что хвалятъ Бога все силы, какія на небесахъ, и звѣздный свѣтъ, и солнце, и луна, и небеса небесъ: и вода яже превыше небесъ (Пса. 148, 3. 4.); а далѣе перечисляетъ и все, что есть въ твари; потому что взаимное единодушіе и сострастіе всего, направляемыя въ порядкѣ, чинности и послѣдовательности, составляютъ первую, первообразную и истинную мусикію. Ее-то, по неизреченному закону премудрости, Правитель вселенной художественно предназначаетъ тѣмъ, что вѣчно совершается въ премудрости.

Посему, если порядокъ цѣлаго міра есть мусикійская нѣкая стройность, *художникъ и создатель* которой, какъ говоритъ Апостоль, (Евр. 11, 10.) Богъ; а человекъ есть малый міръ, но онъ же самый дѣлается и подобіемъ Приведнаго міръ въ стройность; то разумъ, что усматриваетъ въ великомъ мірѣ, тоже самое видитъ и въ маломъ; потому что часть цѣлаго непремѣнно однородна съ цѣлымъ. Какъ

осколокъ небольшого стекла, въ прозрачной своей части, подобно зеркалу, показываетъ солнечный кругъ, сколько вмѣщаетъ малость прозрачной частицы: такъ и въ маломъ мірѣ, разумѣю человѣческое естество, видна вся мусикія, усматриваемая во вселенной, частию соотвѣтствующая цѣлому, сколько вмѣщается цѣлое въ части. Показываетъ же это и устройство орудій нашего тѣла, искусно приспособленное природою къ упражненію въ музыкѣ. Видишь ли эту свирѣль — дыхательное горло, эту подшорку у струнъ — небо, эту, какъ бы на струнахъ и смычкомъ, игру языка, щекъ и рта?

Итакъ, поелику все, что согласно съ естествомъ, любезно естеству, а музыка, какъ показано, согласна съ нашимъ естествомъ; то по сему великій Давидъ къ любомудруму учению о добродѣтеляхъ присоединилъ и сладкопѣніе, въ высокіе догматы вливъ, какъ бы вѣкую сладость меда, при помощи которой естество наше пѣкоторымъ образомъ изучаетъ (1) и врачуетъ само себя. А врачествомъ естеству нашему служить стройность жизни, какая, по моему мнѣнію, пригровенно внушается сладкопѣніемъ. Ибо, можетъ быть, сіе самое служить призваніемъ къ высокому

(1) По рукоп. N 71, читается *δραθεωρεσι*.

состоянію жизни, къ тому, что живущихъ добродѣтельно нравъ не долженъ быть грубымъ, страннымъ, со всѣми разногласнымъ, не издавать, какъ и струна, сверхъ мѣры высокаго звука, потому что стройность струны, будучи доводима до излишества, непременно нарушается; но и напротивъ того не долженъ ослаблять своей силы до непомѣрности сластолюбіемъ, потому что душа, разслабленная такими страстями, дѣлается глухою и нѣмою; и все прочее также должно при времени повышать и понижать, имѣя въ виду, чтобы у насъ въ нравахъ сохранялись всегда стройность и добрый ладъ, безъ непомерной распушенности и чрезмерной натянутости. Почему о Давидовыхъ преспѣваніяхъ въ сей божественной мусикіи свидѣлствуетъ исторія, именно же, что нѣкогда Саула, который неистовствовалъ и изступалъ изъ ума, Давидъ исцѣлялъ отъ страсти игрою на гусяхъ, такъ что Саулъ снова возвращался умомъ въ естественное состояніе. Почему явствуетъ изъ этого, на что указываетъ загадочно значеніе сладкопѣнія, именно же, что оно внушаетъ намъ утишать въ себѣ страстные движенія, различно возбуждаемыя житейскими обстоятельствами. Но не надлежитъ оставлять безъ вниманія и того, что не по правиламъ пѣснописцевъ, чуждыхъ нашей мудрости, составлены сін пѣснопѣнія, потому что не въ тонѣ реченій заклю-

чается сладкогласіе, какъ можно сіе видѣть у тѣхъ, у кого ладъ поражается отъ извѣстнаго сочетанія слоудареній, — когда тонъ звуковъ понижается и возвышается, сокращается и удлиняется. Напротивъ того Давидъ, придавая божественнымъ словамъ неподготовленное и безискусственное сладкогласіе, хочеть сладкопѣіемъ, при извѣстномъ теченіи рѣчи, истолковать смыслъ сказуемаго, когда самый тонъ голоса открываетъ, сколько возможно, мысль, заключающуюся въ реченіяхъ. Посему такая это приправа сѣбди, которою, какъ бы сладостями какими, придается пріятность пищѣ уроковъ.

ГЛАВА 4.

Согласно съ предложеннымъ нами искусственнымъ возрѣніемъ, благовременно уже будетъ подвергнуть въ словѣ разсмотрѣнію самый пиръ добродѣтелей. Ибо во первыхъ можно найти, что добродѣтель ясными признаками отличается отъ порока, такъ что разность той и другаго съ противоположнымъ неслитва. Изъ веселія, доставляемаго намъ ими, дѣлается виднымъ отличительное свойство жизни добродѣтельной и порочной; порокъ увеселяетъ тѣлесныя чувства, а добродѣтель — душу; почему находимое по симъ признакамъ свойство подлежащаго безошибочно и несомнительно.

И это не по иному чему, но по мыслямъ, усматриваемымъ съ перваго взгляда, и при обзорѣни, проникающемъ до глубины, можно находить во многихъ мѣстахъ псалмопѣнїя, особливо же въ псалмѣ четвертомъ, гдѣ Давидъ называетъ тяжкосердыми тѣхъ, которые ложь и суету не отличаютъ (м) отъ истины (Пса. 4, 3.), но любятъ неосуществимое, постоянное же и достойное любви презираютъ. Одна святость, сказано у Давида, дѣйствительно достойна удивленїя, а все прочее, чего домогаются люди, какъ блага, таково только въ предположенїи; оно само въ себѣ несуществуетъ, но въ суетномъ только мнѣнїи человѣческомъ представляется имѣющимъ бытїе. И чтобы яснѣе раскрыть ученїе о семъ, говорить Пророкъ далѣе, что многіе ограничиваютъ благо вещами видимыми, говоря: то только благо, что можетъ нѣмъ показать чувству. *Мнози, по слову Пророка, глаголютъ: ктоavitъ намъ блага (7)?* Но кто имѣетъ въ виду добродѣтель, тотъ презираетъ это рабское сужденїе о прекрасномъ. Во свѣтѣ видить онъ прекрасное; обозначаетъ же симъ именемъ божественное и высокое веселїе. А свѣтомъ называетъ онъ свѣтъ возсіяющїи отъ лица Божїя, въ естество котораго не мо-

(м) По рукоп. читается: *μη διακρίνοντας*.

жетъ проникать чувство. *Знаменася на насъ,* сказано, *святъ лица Твоего, Господи (7).* Ибо подъ лицемъ Божиимъ, усматриваемымъ въ нѣкихъ (и) чертахъ, кажется мнѣ, Пророкъ разумѣеть не иное что, какъ добродѣтели; потому что ими отличается образъ Божества. И сказавъ это, указываетъ совершенный признакъ добродѣтели: *далъ еси веселіе въ сердцѣ моемо (8),* вмѣсто души и ума именуя сердце; потому что уму не свойственно услаждаться приманками порока. Веселію же сердца противопоставляетъ Пророкъ это вещественное и житейское изобиліе (о), утверждая, что у имѣющихъ въ виду настоящее цѣнителемъ прекраснаго бываетъ чрево. Ибо сказавъ, что у таковыхъ умножились пшеница и вино (8), подъ именемъ части совокупилъ въ словѣ услажденія чрева и всѣ удовольствія иршествовъ, занимающія первое мѣсто въ числѣ всякихъ вещественныхъ развлеченій, попеченіе о которыхъ не приводитъ ни къ какому успѣшному концу. Ибо въ естествѣ человѣческомъ для мгновеннаго наслажденія нѣтъ никакого хранилища, въ которомъ бы могли мы запасать для себя удовольствіе, со всеѣмъ тщаніемъ приобрѣтенное. Но когда сластолюбцамъ кажется,

(и) По рукоп. N 71 читается: *ἐν χαρακτήροσι τισί.*

(о) По рукоп. *ἐυθηνίαν.*

что овладѣли они чѣмъ-то, какъ обманчивый какой-то призракъ, мгновенно исчезаетъ и обращается это въ ничто. и по удаленіи таковой мечты остается одинъ ея слѣдъ—стыдъ, отпечатывающій въ нихъ глубокий и неизгладимый образъ того, что произошло, такъ что, подражая въ некускусѣ ловцамъ, можно по слѣдамъ распознать природу звѣря. Ибо ловцы, когда добыча невидима, по слѣду узнаютъ животное.

Поэтому, если свинья, или левъ, дастъ о себѣ знать собственными своими слѣдами, то, конечно естественно и свойству удовольствія дѣлаться извѣстнымъ по оставленному имъ слѣду. Но слѣдъ его есть стыдъ; слѣдовательно и удовольствіе, отпечатывающее въ душѣ такой слѣдъ, безъ сомнѣнія, есть или стыдъ, или то, чѣмъ производится стыдъ. Но это было уже нами разсмотрѣно въ предшествовавшемъ сему мѣстѣ; ибо по предположенному должно было показать пзъ неаимѣнія, какой конецъ того и другаго рода жизни, и добродѣтельнаго и порочнаго. Посему, сказавъ въ поименованномъ (п) выше неаимѣ, что конецъ добродѣтели миръ, упокоеніе и веселіе единообразное, неизмѣющее ничего общаго съ страстями, преуспѣвающее въ упованіи на общеніе съ Богомъ. Пророкъ противоположное сему, какъ

(п) Рукоп. N 71 *ἐν τῷ προσηρημένῳ ψαλμῷ.*

здѣсь далъ видѣть самымъ умолчаемъ, такъ и во многихъ мѣстахъ псалмонѣнія, возвѣщаютъ громко, говоря: *беззаконницы изжеснутся, и сѣмя нечестивыхъ потребится* (Пса. 36, 28); и: *любяй неправду, ненавидитъ свою душу. Одождитъ на ртаники сѣмя* (Пса. 10, 5. 6.). А есть тысячи и другихъ мѣсть сему подобныхъ; да и вся книга псалмовъ наполнена похвалами добродѣтели и осужденіемъ живущихъ порочно. И напоминая историческихъ событій, направленное къ двумъ цѣлямъ, возбуждаетъ соревнованіе добродѣтелию благопекусныхъ лицъ, и ужасъ лукавствомъ осужденныхъ. Ибо когда возбуждаетъ тебя примѣромъ къ добродѣтели, говорятъ: *Моисей и Ааронъ во іереехъ Ею, и Салулъ въ призывающихъ имя Ею: призываху Господа, и Той послушаше ихъ. Въ столпѣ облачнѣ глаголаше къ нимъ* (Пса. 98, 6. 7.). А когда указываетъ на худый конецъ порока, описываетъ страданія осужденныхъ за лукавство. *Отверзеша земля и коже Давана, и покры на сонлицѣ Аврона: пламень попали ртаники* (Пса. 105, 17. 18.). И: *сотвори имъ яко Мадіаму и Сисаръ. Положи князи ихъ яко Орива и Зива, и Зевеа и Салмана вся князи ихъ* (Пса. 82, 10. 12.), и многое иное сему подобное. Все же частныя внушенія отъ начала до конца громко повторяетъ тебѣ псалмонѣніе, ни въ чемъ не оставляя безъ побужденія (р) къ прекрасному, ра-

(р) По рук. N 71 *τὴν προτροπὴν.*

ди чего чловѣку необходимо избѣгать порока. Все сопряжено съ правилами, ведущими къ прекрасному: потому что пріобрѣтеніе добраго дѣлается удаленіемъ отъ противоположнаго и истребленіемъ его. Но излишнимъ было бы дѣломъ выставять все это въ точности, когда для читающихъ сіе писаніе явна заботливость слова о подобномъ сему.

ГЛАВА Б.

Весь составъ псалмовъ дѣлится на пять частей. И въ сихъ отдѣлахъ есть нѣкое неку- ственное расположеніе и распредѣленіе. Объемъ сихъ отдѣловъ дѣлается явнымъ, одно- образно заключаея нѣкими славословіями Бо- гу, которыя можно знать по указанному у насъ раздѣленію псаломѣнія. Число же псаломѣній въ каждомъ отдѣлѣ слѣдующее: въ первомъ ихъ сорокъ, во второмъ тридцать одно; въ третьемъ семнадцать, въ четвертомъ столько же, въ пятомъ сорокъ и пять (е). Посему пер- вая часть, начавшись съ перваго псалма, окан- чивается сороковымъ, у котораго послѣднія слова: *благословенъ Господь Богъ Израилевъ отъ сына, и до сына: буди, буди* (Пса. 40, 14.), вто- рая же—семьдесятъ первымъ, у котораго ко-

(е) По рук. N 71 *λέγε καὶ ἠσυχάνουτα*

онецъ слѣдующій : *благословенъ Господь Богъ Израилевъ, творяй чудеса единъ, и благословенно имя славы Его во вѣкъ и во вѣкъ вѣка: и исполнится славы Его вся земля: буди, буди* (Пса. 71, 18. 19.); третія—восемьдесятъ осьмымъ, и заключается подобнымъ же образомъ; ибо конецъ псалма таковъ: *благословенъ Господь во вѣкъ: буди, буди* (Пса. 88, 53.). Заключеніемъ четвертаго отдѣла служитъ псаломъ сто пятый, котораго конецъ подобенъ кощу прочихъ отдѣловъ: *благословенъ Господь Богъ Израилевъ отъ вѣка и до вѣка: и рекутъ вси людіе: буди, буди* (Пса. 105, 48.). Пятая же часть простирается отъ сего псалма до послѣдняго, у котораго конецъ : *всякое дыханіе да хвалитъ Господа* (Пса. 150, 6.).

Посему время теперь кратко сказать о томъ искусственномъ порядкѣ, какой примѣтили мы въ сихъ отдѣлахъ. Въ первомъ отдѣлѣ Пророкъ живущихъ порочно удерживаетъ отъ неумѣстнаго заблужденія, привлекаетъ же къ избранію лучшаго, чтобы не слѣдовали они болѣе (т) оболщеніямъ печестивыхъ, не стояли твердою ногою на дурной стезѣ грѣха, не предавались пороку, постоянно и глубоко въ нихъ укоренившемуся, но прилѣплялись къ закону Божественному, при поученіи себя въ ономъ преуспѣвъ въ непогрѣшительномъ ше-

(т) По рукописямъ: *μηδὲ ἐπιπορεύονται.*

ствѣн, такъ чтобы подобно древу, укоренился въ нихъ навѣкъ къ лучшему, поддерживаемый божественными ученіями. Посему первое вступленіе на путь добра (у) есть удаленіе отъ противоположнаго, слѣдствіемъ чего бываетъ общеніе съ лучшимъ.

Вкусившій уже добродѣтели и собственнымъ опытомъ уразумѣвшій свойство добра, бываетъ таковъ не потому, что какою-то необходимою и по вразумленіямъ другимъ отвлекается отъ пристрастія къ пороку, и обращаетъ взоръ къ добродѣтели, по потому что паче всего жаждетъ лучшаго; ибо непреодолимое и сильное желаніе исамонѣвецъ уподобляетъ жаждѣ, пріискавъ между животными породу наиболѣе чувствительную къ жаждѣ, чтобы сила пожеланія паче выразилась примѣромъ животнаго, чрезмѣрно жаждущаго. И животное сіе называется *слень* (Исаи. 41, 2), естество котораго утучняется тѣмъ, что употребляетъ въ пищу ядовитыхъ звѣрей. А какъ сови снхъ звѣрей горячи и воспалительны; то слень, паѣвшисъ и отравившисъ ихъ сокомъ, по необходимости чувствуетъ въ себѣ сухость. И потому съ болышею жадностію желаетъ воды, чтобы уврачевать происходящую отъ та-

(у) По рукописямъ: *ταὺς θεῖαις διδασκαλίαις ἐπαγομένη ἢ ὄντι πρῶτη πρὸς τὸ ἀγαθὸν εἰσοδος* и пр.

кой ниши сухость. Посему, кто по первой части немощна предначалъ добродѣтельную жизнь, вкушеніемъ позналъ сладость вождѣлшнаго, истребилъ въ себѣ великіи пресмыкающіи видъ похотѣнія, и вмѣсто звѣрей зубами цѣломудрія пожираетъ страсти; тотъ общенія съ Богомъ возжаждетъ наче, или столько же, какъ и елень *желаетъ на источники воды* (Псал. 41, 2). А достигшему источника послѣ чрезмѣрной жажды естественно столько поглотить воды, сколько станетъ пожеланія и силъ вмѣстить. Но кто принялъ въ себя желаемое, тотъ полонъ того, чего желалъ; потому что содѣлавшееся полнымъ не пустѣетъ снова, подобно полнотѣ въ тѣлѣ; и питіе не остается недѣйственнымъ само въ себѣ, а напротивъ того Божественный Источникъ, въ комъ бы онъ ни былъ, въ Себя претворяетъ къ Нему прикоснувшагося, и сообщаетъ тому собственную Свою силу.

ГЛАВА 6

Но Божеству собственно принадлежатъ сила надзора надъ существами и дѣйственность. Посему, кто имѣетъ въ себѣ, чего желалъ, тотъ самъ дѣлается надзирателемъ и прозираетъ въ естество существъ. Потому третьему отдѣлу немощна положено такое начало, на основаніи котораго писаніе (Псал. 72) изслѣ-

дуетъ иначе, какимъ образомъ правда суда Божія сохранится при видимомъ житейскомъ безурядствѣ, когда всего чаще не по достоинству произволеній достается людямъ благоденствіе въ настоящей жизни; потому что въ одномъ и томъ же нерѣдко можно усмотрѣть двѣ крайности, а именно: человекъ дошелъ до послѣдней ступени порока, и стоитъ на самомъ верху благоденствія. Иной, смотря на него, колеблется какъ-то мыслию: не лучше ли для естества человѣческаго то, что называется худшимъ? И напротивъ того не худо ли то, что причисляется къ долѣ лучшаго? Ибо, если справедливость хвалится, но ревнующій о ней живетъ несчастно; охуждается же порокъ, но возревновавшимъ о немъ доставляетъ достаточное наслажденіе всѣмъ, что желательно для людей; то почему должно признать, что выборъ восхваляемой добродѣтели предпочтительнѣе для жизни осуждаемаго порока? Посему, кто возвышенъ разумомъ, и какъ бы съ высокой какой башни простраетъ око на отдаленные предметы, тотъ видитъ, въ чемъ состоитъ разность порока и добродѣтели, а именно, что судъ о нихъ совершается не по настоящему, но по послѣднему. Ибо кто дальновиднымъ и прозорливымъ окомъ души, какъ настоящее, уразумѣвъ то, что въ унованіи уготовано добрымъ, оставляетъ въ сторонѣ все видимое, проникаетъ же душою внутрь

небеснаго святилища, тотъ посмѣвается неразсудительности людей, судъ о прекрасномъ малодушно предоставляющихъ чувственности. Посему псалмопѣвецъ говорить: *что бо ми есть на небеси? и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли* (Пса. 72, 25). Въ той же части псалмовъ, съ удивленіемъ возвеличивая и превознося словомъ небесно, а что на землѣ, и вождельно очамъ несмысленныхъ, то презрительно и съ осмѣяніемъ уничижая и представляя отвратительнымъ, подобно тому, какъ если кто изъ родившихся въ темницѣ тотъ мракъ, въ которомъ воспитанъ и выросъ, почитаетъ великимъ нѣкимъ благомъ, потомъ, вкусивъ пріятности быть подъ открытымъ небомъ, оуждаетъ прежнее свое сужденіе, говоря: *какимъ зрѣлищамъ солнца и звѣздъ и всей небесной красоты, но невѣдѣнно лучшаго предпочиталъ я привычній мнѣ мракъ, и псалмопѣвецъ потому же самому оуждаетъ въ словѣ неразсудительное мнѣніе о прекрасномъ, говоря о себѣ, что онъ былъ скотенъ* (22), пока видѣлъ благо только въ земномъ. Но когда сталъ съ Богомъ (Богъ же Слово), и наставленъ на правый путь, а вождемъ для него дѣлается правое совѣтомъ Слово, и увидѣлъ въ добродѣтели славу, какою бывають восхищаемы обращающіе взоры къ небу; тогда употребляетъ оныя реченія, изъ которыхъ одно всякое у людей благо вмѣняетъ въ нѣкое

чудо, а другое съ презрѣніемъ отзывается о ничтожествѣ и суетности обманчивой заботы о жизни. Все же изреченіе таково: псалмопѣвецъ говоритъ: *скотенъ былъ у Тебе (22)*, означая таковыми словами неразумное пристрастіе. Потомъ присовокупляетъ: *и азъ вышу съ Тобою (23)*. Сказавъ же сіе, указываетъ и способъ единенія съ Богомъ, чтобы и мы дознали, какъ тотъ, кто прежде былъ *скотенъ*, послѣ сего вступаетъ въ единеніе съ Богомъ; ибо говоритъ: *удержалъ еси руку десную мою (23)*. Божією помощію называетъ направленіе разумнія къ дѣламъ правымъ. *И совѣтовалъ Твоимъ наставилъ мя еси (24)*; потому что наставленіе къ прекрасному не бываетъ безъ Божія совѣта: *и со славою пріалъ мя еси (24)*. Прекрасно стыду противопоставляетъ славу, которая какъ бы пѣкосою колесницею и крыломъ служить для пріемлемаго подъ Божию руку, какъ скоро отчуждитъ кто себя отъ дѣлъ постыдныхъ. И такимъ образомъ псалмопѣвецъ присовокупилъ къ сказанному: *что бо ми есть на небеси? и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли?* Такъ конечно поступаютъ донинѣ многіе изъ людей, хотя въ ихъ власти и таковыя блага на небѣ, однако же признаютъ они достойнымъ молитвы просить себѣ у Бога сихъ мечтательныхъ обольщеній, владѣнія чѣмъ нибудь, или почести, или богатства, или жалкой этой ничтожной славы, за какою

съ безуміемъ гоняется человѣческій родъ. А приобрѣтающій блага небесныя въ слѣдъ за тѣмъ присовокуняетъ: *лишь же прильпятся Богови благо есть, полагати на Господа упованіе мое* (28), показывая, что нѣкоторымъ образомъ тотъ входитъ въ единеніе съ Богомъ, кто прильпится къ Нему упованіемъ, и дѣлается съ Нимъ одно.

ГЛАВА 7.

И такъ, въ третьемъ отдѣлѣ, по совершеніи таковаго восхожденія въ высоту, до такой мѣры вознесенный мыслію и вступивъ еще на высшую степенъ, человѣкъ дѣлается самъ себя больше и выше въ четвертой части, какъ бы, подобно Павлу, восшедши на третіе нѣкое небо и ставъ выше пройденныхъ дотолъ высотъ; потому что вступаетъ туда, не какъ простой человѣкъ, но какъ прильпившійся уже къ Богу и вступившій съ Нимъ въ единеніе. Слово же, начиная слѣдующую часть, говоритъ такъ: *молитва Моисею, человеку Божию* (Цса. 89, 1). Ибо таковъ уже этотъ человѣкъ, что не самъ назидается закономъ, но для другихъ дѣлается истолкователемъ закона. Таковъ былъ опый великій Моисей, о которомъ слышимъ, что добровольно отвергъ опъ царское достоинство, какъ бы нѣкій прахъ, отрясенный ступнею ногъ (Евр. 11, 24—27)

будучи сорока лѣтъ, отлучилъ себя отъ общенія съ людьми, и живя одинъ самъ съ собою, въ безмолвіи неразвлекаемо погружался въ созерцаніе невидимаго; послѣ чего озаренъ былъ свѣтомъ неизреченнымъ (Исх. 3, 2), и отрѣшилъ душевныя стоны отъ кожаной и мертвой обуви; египетское войско и мучителя истребилъ одна за другою послѣдовавшими казнями. Израеля же отъ мучительства освободилъ свѣтомъ и водою. Для него послѣ Египта все время было однимъ непрерывнымъ днемъ, потому что ночь не отемняла его мракомъ (ф), но дневномъ шествіи сіяніе лучей смѣнялъ другой свѣтъ, снова воссіявавшій изъ облака, такъ что, хотя по необходимому круговращенію скрывалось отъ нихъ солнце, однако же оставался непрерывный и непрестанный свѣтъ отъ сіянія столпа, безъ промежутка времени (х) слѣдовавшій за сіяніемъ лучей солнечныхъ. Горькую и неіемую воду усладилъ онъ деревомъ, и камень для жаждущихъ претворилъ въ источникъ, за земную пищу вознаградилъ небесною; острозрителемъ былъ въ Божественномъ мракѣ, и видѣлъ въ

(ф) Слѣдующее въ переводѣ дополненіе читается въ изданіи Патрологіи Paris 1858 г. и въ синодальныхъ рукописяхъ № 434 и 289.

(х) По рукописи X 71 читается: ἀδιάσπαστος.

цемъ Невидимаго, описалъ нерукотворенную скиню, достойно уразумѣлъ украшеніе священства, пріялъ богописанныя скрижали, и по сокрушеніи ихъ, истесалъ снова, носилъ на лицѣ знаменія явившейся ему Божіей силы, и свѣтлостію лица, какъ бы нѣкимъ сіяніемъ лучей, заставляялъ отвращать взоры недостойныхъ съ нимъ встрѣчи, осудилъ на сожженіе огнемъ и на поглощеніе землею возставшихъ противъ священства, истребилъ поругавшихъ Божественную благодать, волхвованіе Валаамово обратилъ въ благочестіе; и кончина его, какъ повѣствуется, была выше жизни; возшедши на вершину горы, ни слѣда, ни памяти земной скорби не оставилъ онъ міру, отъ времени не переѣхнулъ прекрасныхъ чертъ лица. но въ измѣняемомъ естествѣ сохранилъ неизмѣнность красоты. Онъ-то служитъ началомъ въ четвертомъ восхожденіи, и вмѣстѣ съ собою возноситъ того, кто, пройдя уже три указанныя прежде степени, содѣлался великимъ. Ибо кто на сей высотѣ, тотъ нѣкоторымъ образомъ стоитъ на общемъ предѣлѣ измѣняемаго и неизмѣняемаго естества, и соотвѣтственно сему посредствуетъ между крайностями. Богу принося мольбы за измѣнившихся по причинѣ грѣха, поминваніе же передавая отъ Превышей власти имѣющимъ нужду въ поминваніи. Почему и изъ сего можемъ дознать, что, чѣмъ болѣе далекъ кто отъ

перстнаго и земаго, тѣмъ наче приближается къ Естеству, превосходящему всякій умъ, и благотворностію угодяется Божеству, дѣлая то, что свойственно естеству Божественному; свойственнымъ же называю благотворить всякому, имѣющему нужду въ благотвореніи, въ той именно мѣрѣ, въ какой то для него потребно.

Такую мысль нашелъ я въ этомъ псалмѣннѣ, имѣющемъ сіе надписаніе: *молитва Моисею человеку Божію*. Послѣку надъ человѣчествомъ возобладало зло грѣха, и отторгнутое отъ единенія съ добромъ, погрязло оно въ противоположныхъ страстяхъ, и вознмѣло нужду въ чьемъ либо ходатайствѣ предъ Могущимъ воззвать его изъ погибели; то мѣсто ходатая заступаетъ Божій человѣкъ, испрашивающій извиненія наденію соплеменныхъ и преклоняющій Божество на милость къ погибшимъ. Ибо немедленно какъ бы оправдывается предъ всемоющимъ ему, и говоритъ, что одному Богу свойственно быть твердымъ во всякомъ добрѣ и всегда одинаковымъ, человечество же подлежитъ превратности и измѣненію, никогда не пребываетъ въ томъ же, восходитъ ли къ лучшему, отпадаетъ ли отъ общенія съ лучшимъ. Посему просятъ, чтобы непреложное содѣлалось прибѣжищемъ во спасеніе блуждающему во всякомъ родѣ.

Вотъ точныя слова псалма: *Господи прибѣ-*

еще былъ еси налѣ въ родѣ и родѣ (Пса. 89, 2.). Почему это сказано? Потому, продолжаетъ, что Ты прежде твари, объемлешь все вѣчное протяженіе: отъ того мгновенія, когда естество вѣка воспріяло свое начало, и до того мгновенія, когда придетъ конецъ; конецъ же нескончаемаго безпредѣльность: *прежде даже горалѣ не быти и созданаея земли и вселенный, и отъ вѣка и до вѣка*, говоритъ псалмопѣвецъ, *Ты еси* (3). А человѣческой родъ, по измѣняемости своего естества съ высоты благъ совлеченный до низости и понозновенности грѣха, униженъ. Посему, говоритъ Пророкъ, Ты, непоколебимый, простри руку понозпущшемуся. Чѣмъ Ты по естеству, тѣмъ пребывая и для насъ, съ той высоты, какаѣ у Тебя, *не отврати человека во смиреніе грѣха* (4). Потомъ Пророкъ дѣлается служителемъ Владычнаго слова, и произноситъ человѣколюбивое изреченіе, говоря: потому что *и реклѣ еси: обратитесь сынове челоуѣчестіи* (4). А таковое слово заключаетъ въ себѣ особенное ученіе; ибо обращено къ естеству, и въ немъ предлагается врачевство отъ золь. Послику вы, говоритъ оно, будучи измѣнчивы, уклонились отъ добра, то воспользуйтесь обращеніемъ снова къ добру; и откуда признали, туда опять возвратитесь; такъ какъ въ произволеніи людей свободно избирать для себя (ц), что хо-

(ц) По рукописемъ читается: *τὸ εὐαγγέλιον ἴσχυει*.

тятъ, доброе ли то, или дурное. Послѣдующее за симъ содержитъ другое ученіе. Ибо сказано: *яко тысяща лѣтъ предъ очима Твоима Господи яко день вчерашній, иже мило иде. Уничженія ихъ лѣта будутъ* (5. 6.). Чему же научаемся изъ сего догматически? Тому, что для преступающаго по обращеніи снова къ добру, если жизнь его была изъязвлена тысячами прегрѣшеній, сконченіе злыхъ дѣлъ кажется подобнымъ тысящѣ лѣтъ; но какъ скоро онъ обратился, Богъ ни во что́ ему невмѣняетъ сего; потому что Божіе око взираетъ всегда на настоящее, не вмѣняетъ же прошедшаго; напротивъ того признается сіе у Бога за одинъ день, или за часть ночи (ч), которые прошли и миновались. Порочный же поступокъ въ настоящемъ, хотя согрѣшающими ставится онъ въ ничто, предъ очами Божіими тоже, что множество лѣтъ. Ибо сказано: *уничженія ихъ лѣта будутъ*. Прекрасно же и прилично Пророкъ прегрѣшенія именуетъ *уничженіями*; потому что дѣлающій худое обыкновенно какъ-то погрѣшительный свой поступокъ почитаетъ за ничто, и для каждаго злаго дѣла находитъ какія-либо оправданія, такъ что о каждомъ готовъ сказать: и похоть ничто, и гнѣвъ ничто, и все сему подобное ничто; по-

(ч) В рукописи N 71 читается: *ἀντὶ μίης ἡμέρας ἢ μέρους ἡμέρας*.

тому что это движенія естества, а естество Божіе дѣло. Посему не признаеть ничего этого (ш) чѣмъ либо худымъ и Назирающій жизнь человѣческую. Потому и Пророкъ говоритъ, что *уничженія ихъ*, когда они еще въ произволѣніи дѣлающаго, а немнновались, въ очахъ Божіихъ признаются каждое за множество лѣтъ. А чтобы паче преклонить Бога на милость, Пророкъ снова изображаетъ словомъ скоротечность естества нашего. Ибо, въ примѣрѣ представляя сіе взору, ясно сказуетъ, что надлежитъ думать о бѣдности нашего естества, объ утрѣ и вечерѣ, то есть, о юности и старости; утромъ трава, и цвѣтъ, и появленіе въ свѣтѣ. А что остается послѣ сего, когда съ возрастомъ истошилась влага, растеніе отцвѣло, и сродная красота исчезла? сухость и увяданіе. Ибо такъ говоритъ слово: *утро, яко трава мимо идетъ, утро процвѣтетъ, и преидетъ* (щ), *на вечеръ отпадетъ, ожестыетъ и изсхнетъ* (б). Вотъ естество человѣческое! Въ послѣдующихъ же за сими словами Пророкъ еще болѣе оплакиваетъ человечество, говоря, что гнѣвомъ истошастся жизнь человѣческая, какъ бы вѣтромъ какимъ, обуреваемая прираженіемъ ярости. Явно же,

(ш) По рукописямъ читается: *тх*, а не *тхс*.

(щ) Такъ читается въ синод. рукописяхъ.

что гнѣвомъ и яростію означаетъ ту мятежную дѣятельность, отъ которой у людей происходитъ какъ оскудѣніе жизни, такъ и смятеніе покоящагося. Выражено же сіе такъ: *яко исчезохомъ гнѣвомъ Твоимъ, и яростію Твоею смутихомся* (7). И въ слѣдъ за тѣмъ къ словамъ симъ присовокупляетъ, что человѣческому пороку не прилично дѣлаться зрѣлищемъ для Бога, и пречистому лицу не долженъ являться оскверненный грѣхами вѣкъ нашъ; объясняя же такую мысль словами, выражается такъ: *положилъ еси беззаконія наша предъ Тобою* (8). Если иной приведетъ въ большую ясность рѣчь сію, дополнивъ словомъ: для чего?—то смыслъ изреченія будетъ таковъ: Тебѣ прилично имѣть предъ очами хорошее; а беззаконное не достойно того, чтобы Тобою было видимо. Посему сдѣлай человѣчество таковымъ, чтобы небыло оно не достойнымъ Твоего воззрѣнія, а напротивъ того, вѣкъ нашъ сталъ достойнымъ явиться предъ Тобою. А что съ нами теперь, то *все дніе наши оскудѣша* (9); потому что не быть въ Тебѣ значитъ вовсе небыть (ъ); налъ къмъ превозможетъ владычество гнѣва, жизнь тѣхъ не состоятельна, походитъ на тѣнь, подобна паутинной

(ъ) Дополненное въ переводѣ читается въ изданіи Патрологіи Paris 1858 и въ рукописяхъ Синодальной бібліотеки.

ткани. Какъ она бываетъ видна, пока остается связною; но, если кто наложитъ руку, немедленно, отъ прикосновенія перстовъ распавшись, уничтожится: такъ и жизнь человѣческая, не состоятельными усиліями, какъ бы изъ воздушныхъ иѣкинхъ нитей всегда соплетаемая, напрасно старается соткать себѣ (ы) ткаць неосуществимую, которой если коснется кто твердымъ помысломъ, то избѣжитъ прикосновенія и обратится въ ничто сей напрасный трудъ; потому что все чего домогаются въ этой жизни, есть мечта, а не сущность. Мечта—честь, достоинство, родъ, надменіе, пышность, богатство, и все сему подобное, въ чемъ поучаются науки этой жизни. Потому-то все подобное имѣеть нужду въ урочевателѣ Богѣ. Таковъ, думаю, смыслъ сказаннаго тѣмъ, кто говоритъ: *дніе лѣтъ нашихъ въ низше седмьдесятъ лѣтъ, аще же въ силахъ, осмьдесятъ лѣтъ, и множае ихъ трудъ и болѣзнь* (10), не потому, что для живущаго сверхъ этой мѣры жизнь многоболѣзненна, но потому что и сей столько краткой жизни большая часть проходитъ въ трудѣ и болѣзни: младенчество — болѣзнь, юность — трудъ, жизнь въ срединѣ болѣе изобилуетъ болѣзнями, а старость самую сѣдиною и морщинами пре-

(ы) По рукописямъ читается: *εαυτφ*.

имущественно свидѣтельствуеть о множествѣ трудовъ.

Пророкъ примышляетъ и другой еще способъ, которымъ бы Божество могло быть умилостивлено къ людямъ; смыслъ же сказуемаго таковъ: бремя грѣховъ нашихъ навлекаетъ великое наказаніе, но состоятельность естества нашего маломощна, и не вынесетъ гнѣва, заслуженнаго прегрѣшеніями. Но когда налагаемое на насъ въ наказаніе было бы сносно, тогда и сего достаточнымъ оказалось бы для вразумленія претерпѣвающихъ. Поэтому, если и легкаго воздаянія будетъ довольно для вразумленія и наказанія, кто выдержитъ державу гнѣва? Или какое число возможетъ измѣрить страхъ ярости? Посему, если гнѣвъ не выносимъ, сносенъ же образъ дѣйствія, соединенный съ человѣколюбіемъ; то десницу Твою тако скажи намъ, чтобы дѣлаемое Тобою намъ вразумленіе могли мы принять, какъ дѣло премудрости, а не какъ наказаніе (б). Такъ послѣ изложеннаго нами напередъ смысла, умѣстно будетъ привести и самыя богодухновенныя рѣченія, которыя читаются такъ: *яко приде кротость на ны, и накажемся. Кто вѣсть державу гнѣва Твоего? и*

(б) Въ Патрологіи, Париж. 1858 г. и въ рукописяхъ вмѣсто: *δουκ ἐν τῇ μωρία* читается: *οὐκ ἐν τιμωρίᾳ*.

отъ страха Твоего ярость Твою исчисти? Делницу Твою тако скажи ми, и окованныя (б) сердцемъ въ мудрости обрати (10. 11. 12.). Прекрасно же и то изреченіе, которое непосредственно за симъ присовокуплено къ сказанному. Пророкъ говоритъ: по немощи естества, величіе грѣва, какое движеть на насъ грѣхъ, не выносимо, между тѣмъ имѣемъ нужду во вразумленіи: да вразумить же насъ лучше спасеніе посредствомъ обращенія, нежели наказаніе по грѣхамъ нашимъ. Потому обрати насъ Господи, — ни мало не отлагая сего до времени благодати: ибо словомъ: *доколь* означаетъ ускореніе благодати. И продолжаетъ: *улоленъ буди на рабы Твоя (—13);* потому что примиришься не съ чужими, но съ собственными Своими рабами, потомъ, какъ сподобившійся уже благодати и увидѣвшій оный свѣтъ, которымъ просвѣщается тма блуждающихъ въ жизни сей, и которымъ начинается день добродѣтельной жизни, говоритъ: *исполнихомся завтра милости Твоея, и возрадовахомся и возвеселихомся: во вся дни наша возвеселихомся (э) (14. 15.),* потому что радость, почерпаемая въ Тебѣ, послѣдовала за временемъ, проведеннымъ въ униженіи грѣха, и лѣта порока мно-

(б) Въ рукописяхъ: *τους πλεθύνετους.*

(э) Такъ читается по рукописямъ.

вались. Такъ разумѣемъ сказанное: *за дни въ няже смирилъ ны еси, лѣта въ няже видѣхомъ злая* (15). Такъ ободряетъ просвѣщаемыхъ обращеніемъ, называя чадами дѣлъ Божіихъ; ибо говорить: *призри на рабы Твоя, и на дѣла Твоя* (16); указываетъ на происшедшихъ отъ Авраама патріарховъ, потому что они въ подлинномъ смыслѣ дѣла Божіи;—*и настави сыны ихъ* (16), ибо, совершающіе дѣла Авраамовы дѣлаются чадами патріарховъ, за добродѣтели присвояемые въ родство ими. Потомъ папослѣдокъ посредствомъ чистоты соединяетъ Бога съ человѣчествомъ, умоляя, чтобы свѣтлость Божія посредствомъ чистой жизни возсіяла и въ нашемъ мірѣ; ибо говорить: *буди свѣтлость Господа Бога нашего на насъ* (17); чтобы всѣ начинанія жизни нашей приносили спасительный плодъ, и все, что ни дѣлаемъ, клонилось къ одной цѣли. Потому, сказавъ во множественномъ числѣ: *и дѣла рукъ нашихъ исправи на насъ*, подъ словомъ: *дѣло* совокупивъ многое, продолжаетъ: *и дѣло рукъ нашихъ исправи*; потому что разнообразная и многовидная попечительность о добродѣтеляхъ дѣлается многомошною, доставляетъ спасеніе преуспѣвающему.

Такъ Пророкъ разумѣніе восходящихъ съ нимъ вмѣстѣ возноситъ на четвертую степень исаломскаго восхожденія, и поставляетъ выше всякой сусты, о какой заботятся многіе въ настоящей жизни, показывая имъ, что подоб-

ная паутинь и несостоятельная вещественной жизни обольстительность не приводит осуетившихся ни къ какому доброму концу (ю).

ГЛАВА В.

Въ слѣдъ за симъ способнаго идти за нимъ до высоты и твердымъ крыломъ расторгшаго смеленія житейскихъ паутинь Пророкъ въ пятой части псалмовъ возводитъ, какъ бы на какую вершину, на высочайшую степень созерцанія. Едва опушившіеся и неокрѣвшіе при слабомъ и не быстромъ полетѣ, подобно мухамъ, лакомясь личкостями настоящей жизни, какъ мрежами какими, оцѣтаются и опутываются сѣтїю таковыхъ нитей, разумѣю, забавы, почести, славу и различныя пожеланія, и какъ бы обернутые паутиными какими ткацями, дѣлаются добычею и пищею этого звѣря, уловляющаго ихъ такими вещами. А если кто по естеству быстръ, какъ орелъ, не уклоннымъ окомъ души взираетъ на лучъ свѣта, и, простираясь въ высоту, приблизится къ такимъ паутинымъ ткацямъ; то при одномъ взмахѣ крыль въ стремительности полета уничтожаетъ все сему подобное, что ни приблизилось бы къ крыламъ. И таковаго возвышенный Пророкъ, восхитивъ

(ю) По двумъ синод. рукоп. XVI в. читается: *αυθόν*.

съ собою, ведетъ на вершину пятаго восхожденія, въ которомъ заключается какъ бы вся полнота и главизна человѣческаго спасенія, ибо въ объясненномъ выше псалмѣ словами Моусеевыми изложивъ пространно любомудрое ученіе объ измѣняемомъ и неизмѣняемомъ, и именно, что одно всегда пребываетъ тѣмъ, что оно есть, а другое непрестанно дѣлается тѣмъ, чѣмъ оно не есть; потому что измѣненіе есть переходъ изъ того, какимъ есть, въ то, какимъ не есть, и показавъ, что естество наше свободно одною и тою же силою, какъ низпадаетъ во зло, такъ чрезъ обращеніе снова возводится къ добру, и потому возможно свѣтлости Божіей снова возсіяты въ жизни человѣческой, теперь открываетъ въ словѣ всю благодать, подаваемую намъ Богомъ, многообразно представляя ее взору тѣхъ, которые съ высоты смотрятъ на чудеса Божіи. Ибо не удовольствовался тѣмъ, чтобы въ одномъ видѣ показать благодать, а напротивъ того въ различныхъ видахъ изображаетъ бѣдствія, въ какія впади мы, по наклонности къ злу, и многообразно описываетъ оказываемое намъ Богомъ содѣйствіе въ добрѣ, чтобы прензбыточествовали поводы къ благодаренію, когда по мѣрѣ благъ избыточествуетъ благодарность къ Богу.

Начиная слово, Пророкъ немедленно говоритъ: *исповдайтесь Господеви, яко благо, яко*

въ свѣтъ милость Ею (Пса. 106, 1.), подъ исповѣданіемъ разумѣя теперь благодареніе, а не возвѣщеніе, повелѣваетъ за одну единственно благодать прославлять Бога, означая симъ то, что все доброе и спасительное, содѣланное для людей Богомъ, совершенно по благодати и благодости, а нами не подано ни какой причины къ оказанію намъ добра. Напротивъ того мы пребываемъ во всякомъ пороцѣ, Богъ же не оступаетъ отъ собственнаго Своего естества, но что Онъ есть, то и творить; такъ какъ благому по естеству не естественно было бы содѣлать что либо иное, кромѣ свойственнаго Ему. *Да рекуть, говорить Пророкъ, избавленіи Господель, ихже избави изъ руки врага, и отъ странъ собра ихъ, отъ востокъ, и западъ, и сѣвера, и моря (2. 3.).* Слово благовѣствуетъ сіе о всецѣломъ возвращеніи къ добру человѣческаго рода; ибо въ семъ изреченіи словомъ избавленіе означаетъ воззваніе изъ плѣненія. Богъ же въ искупленіе за одержимыхъ смертію Себя Самаго даль имѣющему державу смерти. И послѣку все были подъ стражею смерти; то, какъ очевидно, всехъ искунаеть сею цѣною, такъ что по совершеніи искупленія цѣлаго рода, никто не оставленъ подъ владычествомъ смерти; потому что и невозможно кому нибудь пребывать въ смерти, когда нѣтъ уже смерти.

Посему слово, цѣлую вселенную раздѣливъ

но положенію на четыре части, ни одной изъ нихъ не оставило не участвующею въ Божіемъ избавленіи, и говоритъ: *отъ востока и запада, и съвера и моря, моремъ* означая югъ. Посему, вкратцѣ представивъ благотворность, съ какою Богъ дѣйствовалъ на весь человѣческій родъ, послѣ сего въ нѣсколько пріемовъ описываетъ паденіе людей въ зло и Божіе руководство каждаго изъ падшихъ къ лучшему, говоритъ же такъ: *заблудиша въ пустыни безводный* (4), т. е. оставивъ путь (а путь есть Господь), блуждали внѣ Божія надзора въ пустынѣ, которая вся была (я) суха, не увлажена и лишена духовнаго орошенія. А посему блуждая, гдѣ не проложено пути, не возмогли обрѣсти града Божія, въ которомъ обитель достойныхъ. Ибо сказано: *града обительнаго не обрѣтоша: алчуще и жаждуще* (4. 5). Какъ скоро отъ недостатка пищи оскудѣла ихъ сила, зло въ нихъ достигло высшей степени. Да и какъ быть пищѣ въ землѣ иссохшей и безплодной? Чѣмъ утолить жажду въ мѣстѣ безводномъ? Явно же, что пророчество пазываетъ не хлѣбъ пищею, и не воду питіемъ, а подъ пищею разумѣтъ истинное брашно и подъ питіемъ *духовное* оно *пиво* (1 Кор. 10, 3. 4). А тѣмъ и другимъ бываетъ Господь, предлагая Себя, соотвѣтственно нуж-

(я) По рукоп. N 71 вмѣсто *δύη* читается: *ήη*.

дѣ требующихъ и дѣлаясь пищею для алчущихъ, и источникомъ для жаждущихъ. Посему какое нашлось избавленіе отъ таковой тѣсноты, отъ скитація по пустынѣ, отъ бѣдствованія въ странѣ безводной, отъ расслабленія производимаго голодомъ? Подлинно чудо! Одинъ гласъ, обращенный къ Богу, претворилъ все въ добро. Ибо сказано: *воззваша ко Господу, внигда скорбѣти имъ, и отъ нужды ихъ избави я: и настави я на путь правъ, вниги во градъ обительный* (Псал. 106, 6, 7). Путемъ, отъ котораго уклонились, Пророкъ называетъ Самаго Господа. Путь же сей говорить въ Евангеліи: ни кто не приходитъ ко Мнѣ, если Отецъ Мой не восхощетъ привлечь его (Іоан. 6, 44). Посему Богъ изводитъ на путь заблудшихся, и Отецъ Самъ дѣлается *градомъ обительнымъ*, какъ говоритъ Апостоль: *о Немъ живемъ и движемся и есмь* (Дѣян. 17, 28). Посему Пророкъ сподобившимся сихъ милостей кстати присовокупляетъ увѣщаніе воздать благодареніе: *да исповѣдятся Господеву милости Его, и чудеса Его сыновомъ человеческимъ* (Псал. 106, 8), то есть, благодаренія да не скрываютъ въ молчаніи по непризнательности, но да съ благодареніемъ провозглашаютъ милость, по которой Богъ душу твою содѣлалъ исполненною благъ: ибо Пророкъ говоритъ: *насытилъ есть душу твою, и душу алчущу исполни благъ* (9).

Пророкъ еще другимъ способомъ представляетъ взору бѣдствія нашего естества, и изображаетъ Божіе человѣколюбіе, по которому естество наше уготовляется къ лучшему. А смыслъ сказуемаго Пророкомъ таковъ: человечество, удалилось отъ свѣта, и склонилось ко грѣху, и не въ прямомъ уже оно положеніи, но отчуждено отъ жизни истинной. Ибо сказано: *сидящія во тмѣ и снѣи смертныи, окованныя нищетою и желѣзомъ* (10). Удерживаемое тяжкими оковами стало человечество недвижимо изъ области зла; оковами же служить обнищаніе въ добръ, подобно какому-то желѣзу, обложившее собою сердца. И началомъ всему этому было непослушаніе Божію закону, и отверженіе совѣта Всевышняго. Сіе означаетъ Пророкъ, говоря: *яко преторчили словеса Божія, и совѣтъ Вышняго раздражиши* (11). За симъ жизнь таковыхъ людей, какъ и естественно, постигли трудъ и смиреніе. Трудъ, какъ лишившихся пищи, смиреніе, какъ невосхотѣвшихъ пребывать въ единеніи съ Всевышнимъ; ибо Пророкъ говоритъ: *смириси въ трудѣхъ сердце ихъ* (—12), а оставленіе силы (ѳ) не иное что есть, какъ изнеможеніе; потому что пайдется ли какая помощь безъ силы, почему и сказано: *изнемогша, и не бы*

(ѳ) Такъ читается по рукописемъ и во изданіи Патрологіи.

помогаая (12). Но Пророкъ опять однимъ словомъ бѣдствіи сія премѣнилъ въ веселіе; ибо говоритъ: *воззваша ко Господу, виегда скорбѣти имъ, и отъ нуждъ ихъ спасе я* (13). И уничтожаетъ тму, сокрушаетъ смерть, расторгаетъ узы (v). *Изседе я, сказано, изъ тмы, и сныи смертныя, и узы ихъ растерза* (14). А посему, продолжаетъ Пророкъ, да проповѣдуется съ благохваленіемъ милость, что сокрушена неизбѣжная стража смерти, огражденная, какъ говоритъ Пророкъ, вратами мѣдными и верями желѣзными (а). Ибо таковою почитаема была сила смерти, пока явленіемъ жизни (б) истинной не уничтожена держава смерти, потому что все, находившееся внутри оной, оставалось не имѣющимъ возможности бѣжать, задерживаемое какъ бы какими-то желѣзными верями и несобрушимыми вратами. Но *сокруши, сказано, врата мѣдная, и верей желѣзныя сломы* (16). А сіе значить, что путь беззаконія ихъ уничтоженъ и жизнь пріуготована къ бла-

(v) По рукописи N 71 читается: сокрушаетъ заблужденіе, расторгаетъ узы невѣрія.

(а) По рукописи N 71 сіе читается: что сокрушено заблужденіе идолослуженія, на подобіе мѣдныхъ вратъ и желѣзныхъ верей, удерживающее впадшихъ въ него.

(б) По той же рукописи читается: и такою почитасма была смертоносность его (заблужденія), пока съ появленіемъ жизни истинной не уничтожена его держава и пр.

гочестію; и уничтоженіемъ оныхъ вратъ означается возвращеніе жизни къ праведности, ибо сказано: *воспріятъ я отъ пути беззаконія ихъ* (17).

Пророкъ и иначе еще изображаетъ въ словѣ бѣдственное состояніе человѣчества; выражаетъ же ту мысль, что беззаконіе есть смиреніе. И говоритъ это прекрасно; потому что съ таковымъ понятіемъ согласуется одно мѣсто у другаго Пророка, который говоритъ о беззаконіи, что сидитъ оно на талантѣ свища, (Зах. 5, 7. 8), показывая тѣмъ, что порокъ есть что-то тяжелое и стремится въ низъ, а что, по подобію Божию, на высотѣ, то увлекаетъ въ свою бездну; ибо сказано: *беззаконій бо ради своихъ смиришася* (Пса. 106, 17), и потому отвратились отъ всесильной оной нищи, о которой слово сказуетъ первоначальнымъ: *отъ всякаго древа, еже въ раи, съидѣю съѣси* (Быт. 2, 16). Какъ полноту всякаго блага именуется тамъ оно *всякимъ древомъ*, такъ здѣсь истинную и всесильную съѣдь именуется *всякимъ брашномъ*, отвращеніе отъ котораго производитъ изнеможеніе, оканчивающееся смертію. Сказуетъ же такъ: *всякаго брашка вознишася душа ихъ, и приближишася до вратъ смертныхъ* (—18). И гласъ къ Богу снова бѣдствіе сіе обращаетъ въ торжество; ибо сказано: *воззваша ко Господу внигда скорбыти имъ*,

и отъ нужды ихъ спасе я (—19). Пророкъ пересказываетъ и образъ спасенія, и это сказаніе есть прямое Евангеліе. Ибо говорить: *посла Слово Свое, и исцѣли я, и избави я отъ растлѣній ихъ* (—20). Видишь живое и одушевленное Слово, во спасеніе погибшихъ посылаемое и избавляющее отъ тлѣнія подвергшагося тлѣнію! Какой Евангелистъ такъ открыто провозгласилъ сіе таинство? Посему да восхваляется, сказано, милость испытавшими на себѣ благодѣяніе, и хвала за благодѣяніе да содѣлается пѣснопѣніемъ. *Да пожрутъ Ему жертву хвалы, и да возвѣстятъ дѣла Его въ радости* (—22). Послѣ сего снова представляетъ Пророкъ страданія, и снова послѣ страданій присовокупляетъ слово о Божіей милости. Сказуетъ же о безразсудствѣ людей, что оставивъ постоянную и неволнепную чловѣческую жизнь, по произволенію содѣлались жителями моря. Ибо говорить: *сходящии въ море въ корабляхъ* (—23), и вмѣсто того, чтобы *дѣлать рай* (Быт. 2, 15), въ которомъ прежде были поставлены, *творящии дѣланіе подъ водами*. Моремъ же называетъ вещественную эту жизнь, возмущаемую великими вѣтрами искушеній, и волнуемую одна за другой непрестанными страстями. Ибо говорить: *творящии дѣланія въ водахъ многихъ: ти видѣша дѣла Господня, и чудеса Его во глубинѣ* (Пса. 106, 23. 24); потому что, будучи погружены

въ порочность жизни (в) и многократно претерпѣвая жестокія душевныя крушенія, видѣли надъ собою дѣла человеколюбія Спасающаго насъ изъ глубинъ. Ибо сказано: *рече, и ста духъ буренъ* (—25). Сію мысль относить должно не къ Богу, а ко врагу; потому что голосъ сопротивника производитъ *духъ буренъ*. И бурю называется сильный вѣтеръ, непрямо дующій, но кружащійся сильнымъ вихремъ, который, когда стремительно ударитъ въ воду, море, какъ отъ какого-то брошеннаго большаго камня, сею тяжестію будучи приведено въ смятеніе (г), по необходимости разсѣкается силою дуновенія, потому что вода, гдѣ только врѣжется налегшій на нее вѣтеръ, отъ поражающей ее тяжести и здѣсь и тамъ отбрасывается вверхъ. Поэтому Пророкъ продолжаетъ ясно представлять сіи страшныя явленія, а именно, что вмѣстѣ съ тѣмъ, — какъ врѣзывается духъ бурный, возносятся волны морскія, *восходя до небесъ и нисходя до безднъ* (26). Ибо дѣйствительно подыатіе въ высоту такихъ волнъ, разумѣю же волны страстей, дѣлается причиною нисхожденія въ бездну. А бездною, какъ

(в) Вмѣсто: *ἐν τῇ καρδίᾳ* по рукописямъ и по изданію Патрологіи читается: *ἐν τῇ κακίᾳ*.

(г) По рукоп. N 71 вмѣсто *ἐποκλύθη* читается: *ἐποκλύσθη*.

дознали мы, во многихъ мѣстахъ Писанія называется жилище демоновъ. Волнуемые сямъ смятеніемъ и обуреваніемъ волнь, отъ омраченія дѣлаются малосмысленными, отъ неприяности такого плаванія, какъ бы отъ опьянѣнія, отяжелѣвъ головою. Ибо сказано: *смятошася, подвигошася яко пійный* (27). Однажды же утративъ благоразуміе, не даютъ они въ себѣ мѣсто никакой мысли о спасеніи; напротивъ того мудрость ихъ прежде всего терпитъ крушеніе, и погибаетъ. Посему сказано: *и вся мудрость ихъ погложена бысть* (27).

И для нихъ опять, при такомъ множествѣ золь, прекращеніемъ невыносимаго бѣдствованія бываетъ воззваніе къ Богу. Сказано: *и воззваша ко Господу внигда скорбяти ихъ, и отъ нужды ихъ изведе я* (28). И немедленно буря премѣнилась въ благопріятный и попутный вѣтеръ, и утихастъ отъ волненія приведенное въ безмолвіе море. Сказано: *и повель бури, и ста въ тишину, и умолкоша волны ея* (29). А словомъ: молчаніе Пророкъ, можетъ быть, даетъ разумѣть, что волны суть нѣкія произволеніемъ одаренныя силы, какими обнаруживаетъ себя то отступническое естество, которому Господь сказалъ въ Евангеліи: *молчи, престани* (Марк. 4, 39.). А тихимъ вѣтромъ пазываетъ благодать Духа, которая, при управленіи кормиломъ и плаваніемъ Слова, подъ умными вѣт-

рилами (д) вводитъ душу въ Божественную пристань: ибо сказано: *и настави я въ пристанище хотѣнія Своего* (30). Послѣ сего Пророкъ снова повелѣваетъ людямъ и церкви иѣспословить благодать, изображая словомъ едва не настоящее состояніе церкви, а именно, что на сѣдалищѣхъ начальствующихъ проповѣдуются сіи чудеса Божіи, которыми утверждается вѣра въ слушающихъ. Ибо сказано: *да вознесутъ Ею въ церкви людскій, и на сѣдалищи старецъ восхвалятъ Ею* (32). Пророкъ присовокупляетъ и причины благодареній, а именно, что отъ Бога рѣки и появляются, и исчезаютъ: уничтожаются потоки порока, исходяща же добродѣтелей орошаютъ мѣста дотогѣ сухія. Ибо говоритъ: *положилъ есть рѣки въ пустыню, и исходяща водниа въ жажду* (33). Рѣками называетъ притоки страстей, и исходящаи водными — непрерывныя ряды худыхъ дѣлъ; потому что люди, присовокупляя всегда лукавое къ лукавому, подобно какому-то потоку, удлиняютъ цѣпь пороковъ. Но сказано еще: *и землю плодоносную обрати въ сѣность* (34). Ибо душа, многоплодная для злыхъ дѣлъ, будучи претворена, стала жаждущею, какъ приправленная Божественною солю ученія, чтобы не умножалась болѣе порочность живущихъ.

(д) Въ рукоп. N 289 и 434 читается: *дѣи тѣхъ хотѣній твоихъ.*

будучи питаема дурными притоками водъ, а душа, осоленная и жаждущая, воспріявъ блаженную жажду и паводившись собраниемъ добродѣтелей, содѣлалась озеромъ. Ибо сказано: *положилъ есть пустыню во езера водная, и землю безводную во исходища водная* (35). И сіе-то дѣлается градомъ, который населяють алчущіе правды. Ибо никто изъ утратившихъ вкусъ и пожеланіе нищи, съ душою пресыщенной порокомъ, не поселяется близъ сего озера и сихъ водъ. Они же засѣваютъ *села* и насаждаютъ *винограды*. Такими загадочными наименованіями означаетъ Пророкъ Божій заповѣди и добродѣтельное житіе; потому что заповѣдь есть сѣмя будущаго плодоношенія, а добродѣтель—виноградная лоза, изливашая вино изъ словесныхъ гроздовъ въ чашу премудрости. Сіе же не иное что есть, какъ обиліе благословенія. Посему Пророкъ говоритъ: *и благослови я, и умножишася злыя: и скоты ихъ не умали* (38). Скотами называетъ покорное служеніе душевныхъ движеній, когда каждое изъ нихъ въ насъ способствуетъ добродѣтели. Раздражительность — добрый скоть, когда бываетъ подъ ярмомъ разсудка. Другой добрый скоть—пожеланіе, нѣкоторымъ образомъ на хребтѣ держащее и посящее душу, даже возводящее въ высоту, какъ скоро бразды ума направлены горѣ. И все прочіе скоты умножаются благословеніемъ, какъ скоро слу-

женіе ихъ намъ содѣйствуетъ чему либо великому.

Потомъ Пророкъ въ продолженіи слова излагаетъ краткую перечень всего сказаннаго. Ибо, многими чертами изобразивъ страданія и представивъ взору Божіи благодаренія, теперь заключивъ тоже въ краткую рѣчь, снова повторяетъ въ словѣ, когда говоритъ: *и умалшася и озлобшася отъ скорби золъ и болѣзни* (39), *умаленіемъ* означая маловажность и совершающееся съ высоты и величія низведеніе до низости; ибо малое по попятію означаетъ самое маловажное; а подъ озлобленіемъ разумѣетъ освоеніе съ зломъ. *Скорбію* же и *болѣзнію* вездѣ называетъ конечную утрату благъ, какъ въ другомъ псалмѣ описываетъ подобное сему, говоря: *объяша мѣ болѣзни смертныя, бѣды адовы обрѣтоша мѣ, скорбѣ и болѣзнь обрѣтохъ* (Пса. 114, 3.). *Болѣзнями смертными* и *бѣдами* назвавъ грѣхи, указываетъ и предѣлъ, къ которому окончательно приводитъ свойство грѣха, и который есть не иное что, какъ скорбь и болѣзнь. Такъ Евангеліе словомъ: *плачь и скрежетъ зубомъ* (Матѣ. 24, 51.) означаетъ тоже самое.

Потомъ въ слѣдъ за симъ присовокупляетъ Пророкъ: *изліеся уничиженіе на князи ихъ* (Пса. 106, 40.). А тѣмъ учить, что быть въ Сущемъ, значитъ быть дѣйствительно; но если что отпало отъ Сущаго, то оно уже и не въ

бытіи; потому что быть въ порокѣ не значить въ собственномъ смыслѣ быть. Посему-то порокъ самъ по себѣ не существуетъ, дѣлается же порокомъ небытіе добраго дѣла. Посему, какъ тотъ, кто въ Сущемъ, пребываетъ въ бытіи, такъ, кто доходитъ до ничтожества (а таковъ порокъ), тотъ уничтожается, по выраженію Псалмопѣвца. Подобное сему словопотребленіе приведено какъ-то въ общую извѣстность обычаемъ такъ говорить. О нищѣ, принятой плотию, говоримъ, что она оплототворилась, и о винѣ, вылитомъ въ воду, что оно оводяшилось, и о желѣзѣ, которое въ огнѣ, выражаемся, что оно стало огненнымъ. Такъ и о томъ, кто отпалъ отъ Сущаго, говоримъ, что онъ, пришедши въ ничтожество, уничтожился. Посему уничтоженіе есть небытіе въ добрѣ. Оно же, постигни князей порока, то есть первыхъ людей, подобно зловредному нѣкому потоку, *изліяся* и на преемниковъ рода. Посему, такъ какъ естество обнищало, лишившись сего достойнаго, разумнаго жизни, чловѣкъ приведенъ въ бѣдность татемъ, будучи окраденъ Божіа благословенія; то Пророкъ говоритъ посему: *и положесе убогу отъ нищеты* (41). *Ибо Ею нищетою мы обогатились* (2 Кор. 8, 9.). И Пастырь добрый *положи я, не какъ звѣрей, но яко овцы отечества* (Пса. 106, 41.). Отечествомъ же именуеть Пророкъ собраніе включаемыхъ въ божественный спл-

сокъ (с), какъ и Павелъ говоритъ: *изъ Нею же всяко отечество на небесныхъ и на земли именуется* (Ефес. 3, 15). Потомъ Пророкъ при-
 совокупляетъ: *узрятъ правии и убоятся* (ж) (Иса. 106, 42.), научая сказаннымъ и правого, чтобы и онъ, взирая на сіе челоуѣколюбіе, убоялся; потому что страхъ служить не малымъ охраненіемъ благъ, памятованіемъ прежде бывшаго для послѣдующаго времени уцѣломудривая и того, кто въ страсти. Послику страхъ превозмогаеть, и не дасть въ насъ мѣста всякой склонности къ злу, пораждаемой нетвердостью воли; то сказано: *всякое беззаконіе заградитъ уста своя* (42). Какъ блаженна та жизнь, въ которой уста беззаконія, какъ нѣкій источникъ грязи, навсегда заградятся, и челоуѣческой жизни не будутъ уже осквернять зловоніемъ! Вотъ верхъ благъ, вѣщцы надеждъ, предѣлъ всякаго блаженства — естеству не возмущаться болѣе порокомъ, по всякому беззаконію (а имъ можетъ быть и изобрѣтатель беззаконія, потому что и сіе можетъ означаться собирательнымъ словомъ: *всякое*) заградять тѣ уста, которыхъ гласъ первоначально содѣлался для людей свѣдно смертною. Посему, когда изъято будетъ все противо-

(с) По рукописемъ читается: *εις τὸν Θεὸν κατάλογον.*

(ж) По общинновещному чтенію: *и возвеселятся.*

ложное добру, тогда наступитъ для насъ то состояніе, къ истолкованію котораго не пайдется ни одного слова, но о которомъ свидѣтельствуеть слово Божіе, что оно выше и чувствованія и вѣдѣнія. Къ сему Пророкъ, какъ бы нѣкую печать, прилагаетъ въ концѣ слѣдующія слова: *кто премудръ и сохранитъ сія, и уразумѣютъ милости Господни* (43). Послѣднюю дѣятельность премудрости двойка, одна изслѣдываетъ и отыскиваетъ полезное, а другая хранитъ найденное; то Пророкъ хочетъ, чтобы одно дѣло премудрости, разумѣю отыскиваніе, тогда прекратилось. Ибо къ чему исканіе, когда искомое уже у насъ? Повелѣваетъ же пребывать въ дѣйствіи одной остальной дѣятельности, чтобы могло сохраниться приобрѣтенное благо, при содѣйствіи намъ въ этомъ премудрости. Что же это за премудрость, и какое это храненіе благъ?—Не безъ разумѣнія пользоваться Божиимъ человеколюбіемъ. Ибо разумѣющій, чего сподобился, не пренебрежетъ блага, котораго удостоенъ. А безъ разумѣнія приѣмлющій милость, тернитъ то-же, что слѣпые, которые, взявъ въ руки жемчужину, или изумрудъ, или какой либо драгоценный камень, бросаютъ, какъ простой камень, произвольно линая себя обладаніемъ, но невѣдѣнію красоты.

ГЛАВА 9.

Сии пять отдѣленій псалмовъ, представивъ себѣ въ нѣкоторомъ послѣдовательномъ порядкѣ, какъ бы нѣкими ступенями, одна надъ другой возвышающимися, разграничили мы по сказаннымъ признакамъ, а именно, что окончательное выраженіе каждаго отдѣла составляетъ нѣкое пресѣченіе рѣчи и основную мысль, выражающую въ себѣ предѣлъ предъидущаго славословіемъ и благодарственнымъ изрѣченіемъ, состоящимъ изъ словъ: *благословенъ Господь во вѣкъ: буди, буди* (Пса. 88, 53). Ибо ими означается нѣкое, непрестанно продолжающееся, благодареніе; потому что Писаніе, сказавъ однажды: *буди*, не заключило симъ благословенія, но двукратнымъ повтореніемъ сего реченія узаконяетъ вѣчное благодареніе. Въ каждой же части псалмовъ, распределенныхъ на сии отдѣлы, Писаніе дало замѣтить особое нѣкое благо, въ которомъ подается намъ отъ Бога блаженство, въ нѣкоемъ послѣдовательномъ порядкѣ усматриваемыхъ каждымъ благомъ постоянно возводя душу къ высшему, пока не достигнетъ высочайшаго изъ благъ.

Это же есть хвала Богу, воздаваемая всѣми святыми (3), какъ выражаетъ мысль сію по-

(3) Слова: *бъ мнѣтъ вло мнѣтъ* въ рукописяхъ не читаются.

сладній псаломъ, говоря: *хвалите Бога во святыхъ Его* (Пса. 150. 1.), гдѣ словами: *утверженіе силы* обозначается неотъемлемость блага, и словами: *силы Божіи* дастся разумѣть, что надъ естествомъ не владычествуетъ уже порокъ. Когда человѣческая сила въ состояніи наконецъ совершать хвалу *по множеству величествія Его* (2), велегласіемъ уподобляясь уже трубамъ (и), не маловажное что либо возглаголющая, по сказанному: *хвалите Господа во гласъ трубныхъ* (3), когда въ обилии и разнообразіи добродѣтелей подражаетъ она стройности вселенной по мѣрному складу пѣснопѣнія, дѣлается предъ Богомъ органомъ (Писаніе же въ нѣкоемъ шпосказательномъ значеніи именуется это *псалтирю и цеслями* (3)); а послѣ сего, отложивъ всякое земное мудрованіе (i), все неиздающее гласа и послушанія, въ велегласіи тимпановъ, съ небесными ликами сочетаваетъ звукъ собственныхъ струнъ (струнами же, натянутыми въ органѣ, будутъ въ каждой добродѣтели непоползновенность и непреклонность къ пороку; отчего произойдетъ прекрасное созвучіе кимвала и струнъ); когда звукъ кимваловъ возбудитъ усердіе къ Божественному ликостоянію (чѣмъ, кажется

(и) По рукописи, читается: *τὰς σάλπιγγας*.

(i) Такъ читается въ рукописи. N 71.

мнѣ, объяснить Пророкъ связь нашего естества съ Ангелами, именно говоря: *хвалите Господа въ кимвалѣхъ добромасельхъ* (5), потому что таково собраніе, разумію, естество ангельское и человѣческое), когда человѣческое естество будетъ возведено въ первоначальный (к) свой жребій, и при взаимномъ своемъ столкновеніи издастъ сладостный гласъ благодаренія, и другъ черезъ друга и другъ послѣ друга непрестанно будутъ воспѣвать благодарность, приносимую Богу за человеколюбіе (такъ какъ на сіе указываетъ соединеніе кимвала съ кимваломъ: одинъ кимваль есть премірное естество Ангеловъ, а другой кимваль— разумная тварь, человекъ, только грѣхъ раздѣлилъ ихъ другъ съ другомъ): посему, когда человеколюбіе Божіе оба лика снова сопряжетъ между собою: тогда, изъ двухъ ставъ одно, возмасьтъ оную пѣснь, какъ говоритъ великій Апостоль: *всакъ языкъ исповѣсть небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, яко Господь Исусъ Христосъ въ славу Бога Отца* (Фил. 2, 10. 11.). По совершеніи сего, когда врагъ уничтоженъ, звукъ кимваловъ сихъ, издаваемый общимъ собраніемъ, провозгласитъ побѣдную пѣснь. А по конечномъ уничтоженіи и приведеніи врага въ небытіе, во вѣки вся-

(к) Слово: первоначальный дополнено по рукописямъ.

кимъ дыханіемъ равночестно совершаться будетъ непрерывная хвала Богу. Ибо такъ какъ *не красна похвала во устьяхъ грѣшника* (Спр. 15, 9.), грѣшника же тогда не будетъ, потому что небудетъ и грѣха; то, безъ сомнѣнія, въ вѣкѣ томъ *всякое дыханіе* восхвалитъ Господа (6).

По сему таковъ путь къ блаженству указанъ намъ симъ высокимъ любомудріемъ въ псалмахъ и путеводимыхъ нами на высоту возводитъ оныя всегда къ тому, что еще важнѣе и выше въ добродѣтельномъ житіи, а именно человеку указываетъ возможность достигнуть такой мѣры блаженства, что о превышающемъ сію мѣру и разумъ не въ состояніи по какимъ нибудь догадкамъ и предположеніямъ заключить что либо, и слово не находятъ, что сказать о слѣдующемъ за нею по порядку, да и самая надежда, которая во всемъ простирается далѣе и далѣе, оставляя позади себя наше пожеланіе, какъ скоро приближается къ превышающему упованіе, остается въ бездѣйствіи, а что выше сего, то лучше чаемаго, какъ свидѣтельствуемъ и самое любомудріе псалмопѣнія, усмотреннымъ въ немъ порядкомъ. Оно съ первыхъ же словъ, какъ бы пѣкую дверь и входъ въ блаженную жизнь, отверзаетъ намъ въ удаленіи отъ зла (ибо сему учатъ первыя реченія псалмопѣнія, началомъ блаженства называя отчужденіе отъ зла), потомъ предла-

гаеть заблуждающимъ руководство закона , обѣщая въ слѣдствіе таковой жизни угодленіе всегда зеленѣющему дереву, и показавъ горести идущихъ противоположнымъ путемъ, послѣдующими за тѣмъ восхожденіями пользующагося сямъ руководствомъ возводитъ на самый верхъ блаженства. Ибо сіе показываетъ тебѣ смыслъ послѣдняго псалма, по которому, при восклицаніи вступившихъ въ союзъ и общій ликъ ангеловъ и чловѣковъ, совершится единое торжество (1), и вес вознесетъ согласную хвалу Богу, равно въ твердости силы воспріявъ непреклонность къ пороку, и *величествію Ею* , какъ бы велегласною какою трубою вознося благохвалебный гласъ. Когда въ одинъ ликъ устронтея вся тварь пзъ веѣхъ горнихъ и дольнихъ, и тварь разумная, даже раздѣленная нынѣ грѣхомъ и несогласная между собою, по нашемъ согласіи, подобно кимвалу издастъ добрый гласъ; когда стекутся вмѣстѣ и ангельское и наше естество, пзъ слиянія сего составившійся Божій полкъ, при пораженіи враговъ, провозгласитъ побѣдную пѣснь Побѣдителю: тогда отъ всякаго дыханія вознесетя хвала, на всегда продолжающая милость, и своимъ приращеніемъ непрестанно увеличивающая блаженство, разумію то истин-

(1) Переведено по рукописи N 71.

ное блаженство, при которомъ бездѣйственно гадающее о вѣдѣніи разумѣніе, бездѣйствительна также и упованіемъ поощряемая наша дѣятельность; заступитъ же ихъ мѣсто неизреченное, недомыслимое, всякаго разумѣнія превысшее состояніе, котораго и око не видѣло, и ухо не слышало, и сердце человѣческое не вмѣщало (1 Кор. 2, 9.). Ибо такъ Божественный Апостоль опредѣлилъ блага (м), уготованныя въ святыхъ.

—

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Послѣ сего сдѣланнаго нами разбора псалмовъ, время войти въ разсмотрѣніе и надписаній, потому что и они подають намъ не малое пособіе въ пути къ добродѣтели, какъ можно дозпать сіе изъ самаго смысла въ надписанномъ. Да и необходимо прежде обзорѣнія псалмовъ первоначально и вкратцѣ сдѣлать искусное нѣкое объясненіе надписаній, чтобы и изъ сего стало для насъ наиболѣе явнымъ, что вся цѣль богодухновеннаго сего ученія — возвести разумѣніе къ истинному блаженству.

(м) Такъ читается по рукописи N 71.

заступленіи утреннемъ (21), или о *Маелевъ* (52), или о людехъ отъ святыхъ удаленныхъ (55), или да не растлиши (74), или въ столпописаніе (59), или то и другое вмѣстѣ (56 и 58), или о *Соломонъ* (71), или пѣсь о возлюбленномъ (44), или о тайныхъ сына (9), или во исповданіе (99): или какое ибудь историческое обстоятельство, напримѣръ: когда былъ въ вертепъ (141), или вегда посла *Саулъ*, еже умертвити его (58), или вегда быша въ пустыни (62), или о словесахъ *Хусіевыхъ* (7), или вегда излжи лице свое предъ *Авимелехомъ* (33), или вегда пріити *Зифеелъ* (53), или вегда пріити *Доику Идулейску*, и возвьстити *Саулу* (51), или во дни, когда избави его *Господь* отъ руки всѣхъ врагъ его, и изъ руки *Саули* (17), или вегда возвратися *Иосѣ*, и порази дебрь солей, дванадцать тысяць (59), или вегда вкити къ пелку *Иовану Пророку*, егда вниде къ *Вирсавіи* (50). У нѣкоторыхъ псалмовъ надписаніемъ служитъ еврейское слово: *аллилуія*, и притомъ написанное или дважды, или однажды. У другихъ же псалмовъ въ надписаніи тоже слово сочетается съ именами нѣкоторыхъ Пророковъ, напримѣръ: *аллилуія Анея и Захаріи* (145), *аллилуія Тереміи и Іезекіиля*. Есть еще и другой видъ надписанія, напримѣръ: или *сынолѣ Кореевымъ* (41), или *Идишу* (38), или *Асафу* (49); надъ однимъ псалмомъ по преимуществу надписывается: *мо-*

литва Моисея, человека Божия (89). Въ псалмахъ, по церковнымъ спискамъ имѣющихъ надписанія, какія и донинѣ сохраняются, а остающихся безъ надписанія у Евреевъ, находимъ слѣдующее различіе: въ однихъ означается какое либо число дней недѣльныхъ, напримѣръ: *единыя отъ субботъ* (23), или *четвертыя субботы* (99) или *въ день субботный* (91), или *предсубботный* (92); а другіе заключаютъ въ надписаніяхъ иный смыслъ, о которомъ вовсе умолчано у Евреевъ.

ГЛАВА 2.

Уяснивъ себѣ это раздѣленіе надписаній, полезно будетъ слѣмать напередъ общее иѣкое истолкованіе надписаній, имѣющихъ между собою сходство, а потомъ по порядку войти въ изслѣдованіе видимыхъ разностей. Посему вообще разсужденіе о надписаніи имѣетъ двоякую цѣль. Или дѣлается оно для указанія предлагаемаго въ псалмѣ, чтобы, изучивъ цѣль псалмонѣнія, удобнѣе дознать намъ смыслъ, заключающійся въ реченіяхъ; или нерѣдко надписаніе и само по себѣ обучаетъ чему либо слухъ, заключающимся въ реченіяхъ смысломъ указывая на какое-либо преслѣваніе въ добродѣтели. Лучше же сказать въ каждомъ родѣ взгляда на надписанія цѣль одна—воз-

вести къ чему либо доброму, хотя бы (н) въ сказанномъ, по видимому, указывалось нѣчто историческое, хотя бы приписано было одно простое имя. Ибо божественное Писаніе употребляетъ историческія сказанія не для того только, чтобы сообщить намъ познаніе о событіяхъ, изъ которыхъ дознаемъ какія либо дѣянія и страданія жившихъ въ древности, но чтобы преподать намъ нѣкое ученіе о жизни добродѣтельной, если историческій взглядъ замѣненъ будетъ высшимъ разумѣніемъ. Посему, согласившись, что такое понятіе должно имѣть намъ о надписаніяхъ (о), слѣдуетъ, какъ сказали мы предварительно, изложить напередъ общій смыслъ надписаній, имѣющихъ между собою сходство, и сдѣлать частный разборъ тѣхъ, которыя изложены съ какою либо разностію.

Итакъ, поелику надъ большею частію псалмовъ надписывается реченіе: *въ конецъ*; то должно, думаю, о семъ знать: какое объясненіе дано по разумѣнію прочихъ, толковавшихъ сіе же писаніе. Вмѣсто сего: *въ конецъ*, нѣкто говоритъ : побѣдодавцу ; другой : побѣдная пѣснь, а еще иной: на побѣду. Такъ какъ концемъ всякой борьбы бываетъ побѣда, которую

(н) По рук. вмѣсто: *καί* читается: *κατ*.

(о) По рук. вмѣсто: *πρὸ τῶν ὑμῶν* читается *πρὸ τῶν ἐπι-
ουμένων*.

имѣя въ виду, вступающіе въ подвиги начинаютъ ратоборство; то кажется мнѣ, что выраженіе: *въ конецъ* краткимъ реченіемъ возбуждаетъ къ усердію подвизающихся за добродѣтель на поприщѣ жизни, чтобы, взирая на конецъ, т. е. на побѣду, надеждою получить вѣнцы облегчали они трудъ подвижничества, что, какъ видимъ, и нынѣ бываетъ на ристалищахъ: вѣнецъ, предварительно показываемый вступающимъ между собою въ борьбу на поприщахъ, дѣлаетъ, что ихъ тщательность о побѣдѣ сильнѣе трудовъ, ожидающихъ въ борьбѣ, но похищаемыхъ изъ вида ожидаемою славою. Послику поприще для борьбы открыто всѣмъ, и поприщемъ служитъ обыкновенная человѣческая жизнь, и на немъ одинъ сопротивникъ — порокъ, разнообразно въ коварныхъ нападеніяхъ преодолевающей ратоборствующихъ; то добрый иѣступъ душъ напередъ для сего указываетъ тебѣ на конецъ твоихъ подвиговъ, на украшеніе изъ вѣнцевъ, на привѣтствіе съ побѣдой, чтобы, взирая на этотъ конецъ, и ты опирался на Побѣдодавца, и уготовлялъ себѣ побѣдное провозглашеніе. Всѣ же тѣ понятія изъ ученія о добродѣтели, какія изъ сего слѣдуютъ, безъ сомнѣнія, ясны для тѣхъ, которые по сему началу смотрятъ и на послѣдующее. Ибо извѣстно, что сколько въ душѣ страстей, столько у враговъ способовъ привязаться къ намъ и напасть на насъ;

пoмысль, подобно нѣкому члену души, часто выводится или изъ своего состава, и получаетъ неправильное положеніе, если человекъ не приуготовитъ себя упражненіемъ и не преуспѣетъ достигнуть безопасности и непреткновенности въ сихъ борьбахъ законнымъ подвижничествомъ, какъ говоритъ Апостоль (2 Тим. 2, 5.), приобрѣтшии себѣ побѣду, которая есть конецъ подвиговъ.

А что еще надписывается вмѣстѣ съ выраженіемъ: *въ концѣ*; то служитъ нѣкоторымъ наставленіемъ и совѣтомъ къ одержанію побѣды, и при помощи ихъ не безуспѣшнымъ остается то, о чемъ приложено стараніе. Ибо выраженіе: *о илущихъ измѣнитися* (Пса. 68.) предполагаетъ претвореніе души въ лучшее состояніе; значеніе слова: *мелевъ* (Пса. 52) возбуждаетъ подвижника къ сильному усердію, указуя на ликостояніе послѣ ожидающихъ насъ трудовъ (п); ибо такъ объясняется прочими толковниками самое реченіе, и *мелевъ* переводится словомъ: ликованіе. И сіе: имѣть въ виду *тайное*, сложить пѣснь о возлюбленнѣмъ, пѣть о заступленіи утреннѣмъ, имѣть предъ очами *осьмой* день, взирать на *наследствующую*, постараться стать внѣ сродства Ко-

(п) Переводъ, начиная съ слова: предполагаетъ, дополненъ по рукописамъ.

реева, и это важное повелѣніе Давида: *да не растлиши*, которое далъ онъ оруженосцу, устремившемуся на убіеніе Саула—все сіе со-вѣтуетъ намъ слово въ образецъ великодушія сдѣлать столпописаніемъ въ душѣ каждаго. И кто вникнетъ со тщаніемъ, тотъ во всемъ сему подобномъ найдетъ, что это нѣкіе подвижническіе уроки, дѣлаемые подвижникамъ ихъ наставникомъ о томъ, какъ кому достигать конца, то есть побѣды. А также, если при выраженіи: *въ конецъ* надписывается что-либо историческое; то и сіе къ тому же клонится, а именно, чтобы мы историческими примѣрами паче укрѣплялись къ борьбамъ. Вотъ смыслъ выраженія: *въ конецъ*.

ГЛАВА 3.

И надписанія: псаломъ, пѣснь (*одѣ*, *ѡμνος*), хвала, и молитва имѣютъ между собою такое различіе: псаломъ есть сладкопѣніе при игрѣ на музыкальномъ орудіи. Пѣснь (*одѣ*) есть произношеніе словъ при устномъ пѣніи. Молитва есть обращенное къ Богу испрашиваніе чего-либо полезнаго. Пѣснь (*ѡμνος*) есть благохваленіе, возносимое Богу за блага, какія уже имѣемъ. Хвала (*αινος* или *αιμους*; ибо тѣмъ и другимъ словомъ означаетея одно и то же) заключаетъ въ себѣ похвалу Божиимъ чудесамъ.

Ибо похвала есть не иное что, какъ усиленіе хвалы.

Но въ надписаніяхъ названія сін нерѣдко какимъ либо сочетаніемъ между собою соединяются такъ, что изъ двухъ названій по соединеніи дѣлается одно: или *псаломъ пѣсни* (Пса. 91), или *пѣснь псалма* (Пса. 82), или *въ пѣснехъ псаломъ* (Пса. 66), или, какъ дознаемъ у Аввакума, и *молитва съ пѣснью* (Авв. 3, 1). Смысль же надписаній сихъ, по которому возводимся ими къ добродѣтели, есть слѣдующій: псалтирь— такое музыкальное орудіе, которое издастъ звукъ изъ верхнихъ частей своего состава; и музыкальное произведеніе, разыгрываемое на семъ орудіи, называется псалмомъ. Посему увѣщавающее къ добродѣтели слово самымъ видомъ орудія выражаетъ особую мысль: имъ повелѣвается, чтобы жизнь твоя была псалмомъ, который не земными звуками (а подъ звуками разумѣю помышленія) изглашается, но изъ горняго и небеснаго производитъ чистый и внятный звукъ. Услышавъ же пѣснь (*ὠδή*), гадательно дознаемъ видимое благоприличіе жизни. Какъ отъ музыкальныхъ орудій достигается до слуха одинъ звукъ сладкопѣнія, самыя же реченія пѣснопѣнія не выражаются членораздѣльными звуками, а въ пѣсни бываетъ то и другое: слышны и складъ пѣнія, и вмѣстѣ съ пѣніемъ выводимая сила реченій, которая по всей необходимости бываетъ не-

извѣстна, когда сладкопѣніе производится одними музыкальными орудіями: такъ бываетъ и съ упражняющимися въ добродѣтели. Нѣкоторые, внявъ умомъ умозрительному и созерцательному любомудрію о сущемъ, неявно для многихъ преусиѣвають въ добродѣтели, заключая доброе въ собственномъ своемъ сознаніи, а которые, по мѣрѣ рачительности, преусиѣвають въ самомъ образѣ жизни, тѣ благоприличіемъ во внѣшнемъ, какъ бы словомъ какимъ, обнаруживаютъ и другимъ благоустройство своего поведенія. Посему, когда въ добрѣ преусиѣваетъ кто тѣмъ и другимъ способомъ, и любомудріе нравственное сходится съ умозрительнымъ, тогда бываетъ *пѣснь псалма*, или *псаломъ пѣсни*. А когда предметомъ похвалы бываетъ что-либо одно изъ сего, тогда или умопредставляемое благо выражается только *псалмомъ*, или нравъ и благоприличіе въ видимомъ изъясняется пѣснію.

Пѣснь же (*ὑμνος*) или хвала, соединяемая съ пѣснію (*ὠδή*), служитъ урокомъ для насъ не прежде отваживаться на богомысліе, какъ содѣлавъ жизнь свою достойною такого дерзновенія. Некрасна, сказано, похвала во устьехъ грѣшника (Сир. 15, 9.). Грѣшнику же рече Богъ: *вскую ты повѣдаси оправданія Мои?* (Пса. 49, 16.). Также и слова: *молитва съ пѣснію*, внушаютъ намъ тоже, а именно, сперва заботиться о жизни, чтобы не оказаться кому не-

стройнымъ и разногласнымъ въ начинаніяхъ, а потомъ уже приступить съ молитвою къ Богу. И, мнѣ кажется, что Господь сказавшимъ Ему: *научи ны молитися* (Лук. 11, 1.), подавъ такую мысль, а именно, что молитва преспѣваетъ не словами, а жизнью, когда сказалъ: *аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ небесный грѣхи ваши* (Матѣ. 6, 14.). Когда же пишется просто: *хвала*, тогда понятіе сіе содержитъ въ себѣ нѣкое свидѣтельство о восписующемъ хвалы Богу; потому что не иному кому принадлежитъ хвалить Бога, а только, какъ сказано: *хвала Давиду* (Пса. 144.); изъ чего можно дознать, что если и мы содѣлаемся подобными ему, то получимъ тогда дерзновеніе хвалить Бога.

А *въ пѣсняхъ псаломъ* (Пса. 60.) возводитъ насъ въ высшее состояніе, которое зналъ и божественный Апостоль, какъ говорить о себѣ Коринтянамъ, что воспѣваетъ онъ то *духомъ*, то *умомъ* (1 Кор. 14, 15.). Почему псалмопѣніе, совершаемое умомъ, объясняетъ сказанное прежде слово, что видимое должно быть (р) достойно сокровеннаго, чтобы пѣснь приводила къ догадкѣ о такой мысли. Псалмопѣніе же, совершаемое однимъ духомъ, ука-

(р) По рук. вмѣсто: *τὸ δοκίμν* читается: *τὸ δειν*.

зываетъ на преимущественное состояніе святыхъ, когда приносимое ими Богу лучше извѣщенія видимымъ; потому что это, какъ сказано, *псаломъ* не въ какихъ либо пѣсняхъ (*ὕμναις*), выражающихъ силу умопредставляемаго словами, но въ пѣсняхъ (*ᾠδαίς*), выражаемыхъ не словомъ. А это по моему сужденію урокъ намъ, что надлежитъ знать о пѣсни (*τῆ ᾠδῆς*). Ибо дознаемъ, что жизнь высокая, мудрствованіе о горнемъ, возбужденіе нашего орудія помышленіями небесными и выспренними есть пѣснь (*ᾠδὴ*) Богу, преусиѣвающая не силою словъ, но превосходною жизнію.

А когда къ слову: *въ пѣсняхъ* Пророкъ приписываетъ слово: *разума* (Пса. 53. 54.), тогда, мнѣ кажется, подаетъ нѣкій совѣтъ, не безъ разсужденія избирать реченія, употребляя въ славословіе Богу, чтобы въ неосмотрительномъ какомъ либо стремленіи, даже непримѣтивъ того, не приписать Божію величію неприличныхъ понятій. Такова на примѣръ мысль, что награды живущимъ по Богу состоятъ въ благополучіи настоящей жизни: таково мнѣніе, будто бы и по суду Божію прекрасно то, что таковымъ кажется человѣческому чувству. Можно найдти и много подобныхъ симъ мыслей, допускаемыхъ неразумными въ ихъ понятіяхъ о Богѣ. А тебѣ потребенъ разумъ знать о Немъ только то, что, будучи произнесено, не послужитъ въ хулу. Приличное

служить Ему въ похвалу выше того, что можетъ быть изобрѣтено человѣческимъ естествомъ. Для насъ же такъ вождельно пайди и не то, что должно о Немъ знать, но то, что не можетъ Онъ быть сравниваемъ ни съ чѣмъ отличнымъ отъ Него.

Что разумѣемъ мы о хвалѣ Давиду, а именно, что тому только, кто подобенъ ему, принадлежитъ хвала Божія, тоже, кажется мнѣ, должно знать и о молитвѣ, когда услышимъ слова: *молитва Давиду*, а именно, что должно и намъ стараться жизнь свою уподобить его жизни, чтобы пріобрѣсти дерзновеніе молиться.

Такъ должно сказать и о надписаніи: *молитва нищяго, егда уныетъ, и предъ Господемъ проліетъ моленіе свое* (Пса. 101.). Потребно намъ усильное восхожденіе къ Богу, чтобы уразумѣть, въ чемъ мы обнищали; ибо не придемъ въ вождельніе истинныхъ благъ, если не поймемъ своей въ нихъ нищеты. Но какимъ-то одушевленнымъ и внутреннимъ содѣлается гласъ молитвы, когда узнаемъ, въ чемъ мы обнищали, когда придемъ въ уныніе отъ замедленія въ исполненіи желасмага, и въ такомъ случаѣ изліется моленіе наше, вмѣсто словъ, слезами изъ очей.

Такъ понимай и надписаніе: *молитва Моисеа чловька Божія* (Пса. 89.), а именно, что при-

ступить къ Богу съ молитвою можно не иначе, какъ развѣ кто, отрѣшась отъ сего міра, содѣлается человѣкомъ единого Бога.

ГЛАВА 4.

Надписаніе же: *о измѣнитися хотящихъ* (Пса. 59.), по моему мнѣнію, имѣетъ тотъ смыслъ, что одно Божіе естество не подлежитъ превратности и измѣненію; потому что, какъ недопускающее вовсе зла, не имѣетъ, на что и воспользоваться смѣль превращеніемъ; въ лучшее превратится Оно не можетъ, нѣтъ ничего такого, для чего допустило бы Оно измѣненіе; такъ какъ нѣтъ ничего, что было бы лучше Его, и во что могло бы Оно перемѣниться. Но мы—люди, подлежа превратности и измѣняемости, по измѣнчивой дѣятельности въ томъ и другомъ, дѣлаемся или худшими, или лучшими:—худшими, когда удаляемся отъ общенія съ добромъ, и опять лучшими, когда измѣняясь возвращаемся къ лучшему. Посему, такъ какъ превращеніемъ вовлечены мы во зло, необходимо намъ доброе измѣненіе, чтобы въ слѣдствіе онаго произошелъ въ насъ переходъ къ лучшему. Сіе явствуется изъ связи приписаннаго къ словамъ: *о измѣнитися хотящихъ*. Ибо Писаніе не только подаетъ совѣтъ о томъ, что должно измѣниться, но предлагаетъ и нѣкоторый способъ преуспѣть въ

такомъ дѣлѣ, въ нѣсколькихъ примѣрахъ показывая переходъ къ лучшему.

Полное же чтеніе надписанія слѣдующее: *въ конецъ, о измѣнитися хотящихъ, въ столпописаніе Давиду, въ наученіе; внигда сожеже средоричіе сирійское, и Сирію совалскую, и возвратися Иоавъ, и порази дебрь солей дванадцать тысяць. Изъ приведенныхъ словъ видно, что Писаніе, говоря: въ столпописаніе Давиду, въ наученіе, содержитъ въ себѣ нѣкоторое наставленіе и совѣтъ: потому что не было бы приложено слова: *наученіе*, если бы не къ наставленію клонилась рѣчь. И сіе: *въ столпописаніе* показываетъ, что слово это должно имѣть глубоко и неизгладимо напечатлѣннымъ въ памяти, чтобы въ душѣ столпомъ была память, а письменами на столпѣ служили примѣры добрыхъ дѣлъ. Сими то примѣрами были доблестные подвиги главнаго вождя Давидовой силы, въ слѣдствіе которыхъ враги терпятъ двоякое бѣдствіе, то истребленные (с) огнемъ, то пораженные въ битвѣ. Ибо какъ Сирія, лежащая между рѣками, такъ и сосѣдній съ ними удѣлъ Сиріишь истребляются огнемъ; а также въ дебри солей побиты многія тысячы. Но въ точности излагать историческій ходъ событій было бы продолжительно, и вмѣстѣ*

(с) По рукописямъ читается: *δολαρηθίντων* а не *παραδοθίντων*.

излишне. Ибо что большее приобрятемъ мы, изучая въ связи изложеніе сихъ происшествій? Напротивъ того думаю, что лучше кратко объяснить въ словѣ, къ чему ведетъ загадочный смыслъ историческаго воспоминанія, чтобы такое столпописаніе послужило намъ въ наученіе для нашей жизни.

Что же значитъ сказанное мною? Пророкъ, Сирією наименовавъ цѣлый народъ, дѣлитъ его на двѣ части, обозначая каждую особыми чертами, одна часть называется средорѣчіемъ сирійскимъ, а другая именуется Сирією совальскою; сожигается же та и другая; а потомъ, по возвращеніи главнаго воеводы, дебрь солей осуждается на преданіе смерти двѣнадцати тысячъ. Посему представимъ себѣ, что видъ Сиріи двойкій: одни изъ Сиріянъ отсюду окружены рѣчными потоками, и это тѣ, которые со всѣхъ сторонъ одержимы страстями; другіе близки къ Совѣ, а симъ именованіемъ означається въ Писаніи мучительство сопротивной силы. Посему и для насъ послужить сіе путемъ измѣненія на лучшее, если двойкое это племя порока будетъ истреблено очистительнымъ огнемъ. Какъ добродѣтель оставляетъ замѣчательныя черты въ жизни и въ разумѣніи; такъ и порокъ усматривается въ томъ и другомъ. Беспорядочность жизни, вокругъ объемлющая душу потоками страстей, называется средорѣчіемъ, а разумѣніе, по

извращеннымъ догматамъ близкое къ князю міра, именуется Спрією совальскою; за истребленіемъ ихъ свѣтоноснымъ и очистительнымъ словомъ слѣдуетъ то, что бесплодная и соленая земля, то есть воинство сопротивныхъ силъ, сокрушена ударомъ воеводы. Ибо не будетъ у насъ побѣды надъ врагами, если начальникъ воинствъ не превозможетъ силою руки. А за гибелью враговъ естественно слѣдуетъ миръ. И таково послѣдствіе побѣды, которое имѣя въ виду, писаніе, какъ на столпахъ, написуеть въ памятяхъ нашихъ повелѣніе: *измѣнитися*, въ историческихъ примѣрахъ показывая освобожденіе отъ страстей. Лучше же сказать, урокъ объ измѣненіи яснымъ содѣлается для насъ, если послѣдуемъ прочимъ толковникамъ, изъ которыхъ одинъ, вмѣсто слова: *измѣненіе*, приписалъ къ псалму: о цвѣтахъ; а другой: о лиліяхъ (т). Слово: о цвѣтахъ, показываетъ переходъ отъ зимы къ веснѣ, что означаетъ прехожденіе отъ порока къ добродѣтельной жизни. Видъ лиліи объясняетъ, во что надлежитъ произойти измѣненію; ибо чрезъ измѣненіе дѣлающійся свѣтлымъ явно принимаетъ свѣтлый и бѣлоснѣжный видъ изъ чернаго и потемненнаго. Поэтому по силѣ

(т) Такъ переводится другими въ написаніи псалма 44-го слова: *шошаннимъ*, у 70-ти переведенное: *о измѣнаемыхъ*.

всякаго надписанія, въ которомъ читается: *о измѣнитися гонящихъ*, должно, какъ думаю, въ псалмѣ находить для себя совѣтъ о томъ, что всегда должно молитвою и тщательною жизнію (у) достигать измѣненія на лучшее.

ГЛАВА 5.

Надписаніе: *о тайныхъ* (Пса. 9.) внушаетъ намъ съ точностію преусиживать въ боговѣдѣніи; потому что погрѣшительное мнѣніе о Божествѣ — крайнее паденіе для души. Чѣмъ воспользуется человекъ отъ блага, не имѣя самаго блага? Посему-то надписаніе предлагаетъ тебѣ, какъ бы пѣкій свѣтильникъ, сіе ученіе, занимающееся изслѣдованіемъ тайнъ боговѣдѣнія, въ которомъ главное—вѣра въ Сына; ибо такъ говоритъ и надписаніе: *о тайныхъ Сына*. Дѣйствительно тайно то, что недомыслимо, невидимо, превыше всякаго доступнаго разумѣнію примышленія, и къ чему приблизившійся вѣрою достигаетъ конца побѣды.

Явно и основаніе надписанія: *о наследствующей* (Пса. 5.); потому что Пророкъ о душѣ ни спадшей изъ своего жребія, когда для преступника зановѣли зашло солнце, приноситъ Богу сіе моленіе, чтобы на утро снова отло-

(у) Переводъ дополненъ по рукописямъ.

жила она тму, и удостоилась услышать оный сладкій гласъ, который изречеть стоящимъ одесную: *приидите благословеннїи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствїе отъ сложенїя мїра* (Матѹ. 25. 34.).

Не погрѣшитъ противъ истицы, кто въ томъ же смыслѣ пойметъ и сіе надписанїе: *о заступленїи утреннелъ* (Пса. 21.): пбо Писавїю обычно утромъ именовать утреннюю зарю, то есть время, служащее взаимнымъ предѣломъ ночи и дня, съкоторымъ ночь исчезаетъ и начинается день. И поелику во многихъ мѣстахъ Писанїя подъ загадочнымъ именемъ тмы разумѣется порокъ, то, когда по Божїю заступленїю совершится въ насъ восхожденїе добродѣтельной жизни, тогда достигнемъ побѣды, какъ говоритъ Апостоль: *отложивъ дѣла темная, и яко во дни, благообразно ходя* (Римл. 13, 12. 13.).

Близко къ изслѣдованному основанїе надписанїя: *о осмый* (Пса. 11.). Ибо вся попечительность о добродѣтельной жизни имѣеть въ виду будущей вѣкъ, начало котораго, имѣющее послѣдовать за чувственнымъ временемъ, круговращающимся въ седмицахъ дней, называется осмымъ днемъ. Посему надписанїе: *о осмый* подаеть совѣтъ не имѣть въ виду настоящаго времени, но взирать на осьмый день. Ибо, когда прекратится это скоротекущее и проходящее время, въ которое одно приходитъ въ бытїе, а другое разрушается; когда минуетъ,

ся потребность приходить въ бытіе, и не будетъ уже разрушаемаго, потому что уповаемымъ воскресеніемъ претворится естество въ нѣкое иное состояніе жизни; когда прекратится и это преходящее свойство времени, потому что не будетъ уже силы приводящей въ бытіе и разрушеніе: тогда, безъ сомнѣнія, кончится и эта седмица, измѣряющая время, заступитъ же ся мѣсто осьмый день, то есть послѣдующій вѣкъ, который весь составляется однимъ днемъ, какъ говоритъ нѣкто изъ Пророковъ, уповаемую жизнь назвавъ *днемъ великимъ* (Іоил. 2. 11.), потому сей день освѣщать будетъ нечувственное солнце, но истиный Свѣтъ, Солнце правды, которое въ пророчествѣ именуется *востокомъ* (Зах. 6, 12.), потому что никогда не скрывается на западѣ.

То же самое разумѣемъ мы и въ надписаніяхъ: *о точильнѣхъ*; потому что точно есть орудіе винодѣлія; изъ выжимаемыхъ въ немъ гроздовъ выходитъ вино. Но если вино вытекаетъ изъ гроздовъ гнилыхъ, или незрѣлыхъ, то оно скоро портится и дѣлается негоднымъ къ питію, прелагаясь въ какое-то зловоніе, или въ нѣчто качествомъ подобное уксусу, и при другой какой-либо порчѣ измѣняется въ служащее къ зарожденію червей. Но если въ точно вложенъ гроздь добраго качества и зрѣлый; то изъ грозда потечетъ вино сладкое и благовошное, въ которомъ съ продолженіемъ

времени возрастать будутъ добротность и благоуханіе. Посему, о чемъ же внушаетъ намъ, сколько можно, нанначе заботиться эта загадка о гроздѣ? О томъ, чтобы обогащалась наша сокровищница человѣческаго ума, а эта сокровищница есть надежда (Ф); въ ней хранится всякій запасъ для нашей жизни. Въ такомъ же случаѣ свойство гроздовъ сдѣлается для насъ извѣстнымъ, если будутъ видимы сперва вѣтви, а потомъ виноградная лоза, держащая на себѣ грозды и вѣтви. А сіе содѣлается по словамъ Господа, изрекающаго: *Азъ есмь лоза, вы же рождіе* (Іоан. 15, 5.). Ибо если дѣйствительно, и плодоноса и возрастаю, какъ говоритъ Апостоль, *въ Немъ* пребываемъ *укоренени* (Кол. 2, 7.); то уразумѣемъ изъ сказаннаго, что отъ насъ, созданныхъ въ Немъ, и безъ Него недостойныхъ питающей насъ влаги, требуется гроздь дѣлъ, который не окисленъ и не доведенъ до терпкости гнѣвомъ, не дошелъ до гнилости и не раснался отъ какого-либо сластолюбія. Въ точнѣ каждой души (а точномъ служить совѣсть) гроздь дѣлъ дастъ намъ вино на послѣдующую жизнь, и каждому по всей необходимости должно вкушать отъ собственныхъ своихъ трудовъ, какіе бы они ни были. Посему блаженны тѣ дѣлатели, которыхъ вино,

(Ф) Дополненіе въ переводѣ сдѣлано по рукописямъ.

вкусенное ими, веселитъ сердце; напротивъ того жалки и достойны слезъ тѣ, у которыхъ вино, по выраженію Моисея, дѣлается яростію змѣвъ—(Второз. 32, 33), предложившись въ ядовитое качество и отъ розги содомской принося плодъ въ нагубу. Посему, если имѣешь въ виду осмый день; то помни, говоритъ Пророкъ, о точилахъ въ добродѣтеляхъ; да точила, по слову притчи, источаютъ тебѣ вино благовонное (Притч. 3, 10.).

ГЛАВА 6.

А надписаніе: о *Маелевъ*, яснѣе переданное переложившими реченіе сіе на эллискій языкъ, придастъ какую-то ревность подвижникамъ добродѣтели, указывая имъ на конецъ подвиговъ, говоря, что одержавшимъ верхъ въ борьбахъ предстоятъ ликованія и веселія; такъ какъ въ этомъ смыслѣ протоковано оное слово: *Маелевъ*, которое переводится словомъ: ликованіе, что знаемъ изъ исторіи о побѣдѣ Давида, когда въ единоборствѣ съ сямъ юношею назъ Голиаѳъ, съ ликованіемъ встрѣтивъ двѣ славятъ отважнѣйшій Давидовъ подвигъ. Такъ надписаніе: о *Маелевъ* выражаетъ, что всякая побѣда надъ сопротивниками, приобретаемая трудомъ и пролітіемъ пота, сопровождается веселіемъ и ликованіемъ, потому что всякая разумная тварь присоединяется къ побѣдите-

лямъ, какъ бы входя съ ними въ одинъ стройный ликъ. Было нѣкогда, что словесное естество составляло одинъ ликъ, который взиралъ на единого ликоначальника, и исполненіемъ заповѣди приводилъ себя въ согласіе съ тою стройностію ликовъ, какую ликоначальникъ устанавливалъ своимъ движеніемъ (х). Но послѣ того какъ это Божественное согласіе ликовъ разстроилъ вторгшійся грѣхъ, и подъ ноги первыхъ людей, ликовавшихъ вмѣстѣ съ Ангельскими силами, подливъ нѣчто содѣлавшее ихъ поплзновенными къ оболъщенію, довелъ до паденія, и человѣкъ отлученъ отъ общенія съ Ангелами, потому что паденіемъ прервано единомысліе; падшему потребно стало много трудовъ и пота, чтобы, поборовъ и свергнувъ съ себя налегшаго на него въ паденіи, снова возетать, въ награду за побѣду надъ противникомъ получивъ право на Божественное лико-стояніе. Посему, когда слышишь, что падши-саніе: *о Маелеопъ* соединено съ выраженіемъ *въ конецъ*, тогда знай, что въ этой загадкѣ предлагается тебѣ совѣтъ, не ослабѣвать въ борьбахъ съ искушеніями, но взирать на конецъ—побѣды, то есть, на вчиненіе въ Ангельскій ликъ и твоей души, очищенной приращеніемъ искушеній. Такъ, слышимъ отъ Господа,

(х) Въ рукописяхъ вмѣсто *тѣ ѡмѣстѣ*, читается: *тѣ ѡмѣстѣ*.

было и съ Лазаремъ, который, поелику терпѣишемъ страданій на цѣломъ поприщѣ жизни сохранилъ себя ненадшимъ, по разрушеніи на немъ этой скинии (ц) послѣ побѣды надъ борющимся съ нимъ на жизненномъ поприщѣ, немедленно оказался среди Ангеловъ; ибо сказано: *бысть узрети нищелу, и несену быти Ангелы* (Лук. 16, 22.). Вотъ ликованіе—совершенство пути съ Ангелами, и лоно патріарха, присмлющее на себя Лазаря, и само представляющее не чуждымъ сего радостнаго согласія съ ликомъ (ч). Ибо не погрѣшитъ, кто, услышавъ слово: *лоно*, представитъ себѣ, что это полнота благи, какою наименованъ патріархъ, подобно какому-то обширному объему моря, и въ ней-то пребываетъ Лазарь;—потому что у отличившихся подобными подвигами ни у кого нѣтъ ничего собственного, но благо общимъ дѣлается для всѣхъ, одною и тоюже добродѣтелию достигшихъ равнаго блага.

Надписаніе, въ которомъ упоминается: *исходъ скинии*, и еще другое: *о обновленіи дому Давидова* близки между собою и по положенію и по смыслу. Ибо одно имѣетъ мѣсто въ двадцать осьмомъ псалмѣ, а другое въ слѣдующемъ за нимъ. Каждое изъ нихъ читается слѣдую-

(ц) По рук. вмѣсто *τῆς κοινῆς* читается: *τῆς σκητῆς*.

(ч) Слово: *ταῦτο χοροῦ* читается въ рукописяхъ.

щимъ образомъ: надписаніе первое: *псаломъ Давиду, исхода скинии*, а надписаніе слѣдующаго псалма: *псаломъ пѣсни, обновленія дому Давидова*. Если не вышли мы изъ этой чувственной скинии, не обновится истинный домъ нашъ. А смыслъ сказаннаго таковъ: въ естество чловѣческомъ умопредставляются двѣ жизни: плотская, водящаяся чувствами, и духовная, невещественная, преуспѣвающая въ разумномъ и безплотномъ житіи души. Но невозможно содѣлаться въ одно и тоже время причастнымъ той и другой жизни; потому что тщательность объ одной изъ нихъ производитъ лишеніе въ другой. Потому, если будемъ стараться содѣлать душу жилищемъ Божиимъ, то надлежитъ плотию выйти изъ плотской скинии. Чтобы домъ нашъ обновленъ былъ Тѣмъ, Кто обновляетъ насъ Своимъ вселеніемъ, сему невозможно совершиться иначе, какъ развѣ когда совершится исходъ скинии отчужденіемъ отъ жизни тѣлесной.

Псаломъ изступленія, слѣдующій за обновленіемъ, предъ которымъ положено слѣдующее надписаніе: *въ конецъ, псаломъ Давиду, изступленія*, согласенъ съ разсмотрѣнными прежде, и совѣтусть удаляться отъ тѣхъ, съ кѣмъ связь вредна.

Въ псалмахъ же съ надписаніемъ: *въ воспоминаніе* (Пса. 37. 69.), предлагается намъ краткое нѣкое ученіе о спасеніи. Поелику преслу-

шаніе заповѣди Божіей содѣлалось для людей путемъ къ погибели (мы не погибли бы, если бы сохранили въ памяти заповѣдь); то писаніе поэтому, какъ врачевство отъ недуга забвенія, предлагасть намъ памятованіе о заповѣди, дѣлая это въ двухъ псалмахъ.

А въ псалмахъ, къ которымъ прилагается слово: *исповѣданіе*, реченіемъ симъ научаемся слѣдующему: поелику, по обычаю писанія, слово: *исповѣданіе* имѣетъ двоякое значеніе, и указываетъ, то на исповѣданіе грѣховъ, то на благодареніе; здѣсь въ томъ и другомъ разумѣніи онаго руководимся имъ къ жизни добродѣтельной; потому что исповѣданіе грѣховъ производитъ удаленіе и отчужденіе отъ худыхъ дѣлъ, а усердіе въ благодарности увеличиваетъ милость Благодѣтеля къ пріемлющимъ благотворенія съ добрымъ чувствомъ. Посему псаломъ предлагается *во исповѣданіе*: въ такомъ случаѣ, когда безпокоитъ тебя какое-либо воспоминаніе о грѣхѣ, совѣтуетъ тебѣ прибѣгнуть къ очистительному средству, покаянію; а если жизнь твоя благоуспѣваетъ въ лучшемъ, доброе твое произволеніе дѣластъ твердымъ за благодарность твою къ Богу.

Слова: *столпописаніе*, и: *да не растлѣши*, въ совокупности ли, отдѣльно ли, находятся въ какихъ надписаніяхъ, содержатъ въ себѣ совѣтъ о добродѣтели долготерпѣнія. Ибо сіе: *да не растлѣши* сказано Давидомъ, когда запре-

тилъ онъ оруженосцу панести ударъ Саулу; а смыслъ слова: *столпотисаніе* тотъ, что такое реченіе должно имѣть начертаннымъ въ памяти, какъ на нѣкоемъ столпѣ, чтобы въ подобныхъ дѣлахъ, если какое обстоятельство возбудитъ нашу раздражительность къ отмщенію за оскорбленіе, прочитывая мысленно сіе повелѣніе, запрещающее убійство, сами въ себѣ усыпляли мы раздражительность, пріучая къ долготерпѣнію. Но точнѣйшее о семъ разсужденіе оставимъ до будущаго времени, переходя къ обзорѣнію прочихъ надписаній. Ибо надлежитъ уразумѣть, что когда значитъ слово: *аллилуія*, которое служитъ надписаніемъ многихъ псалмовъ.

ГЛАВА 7.

Итакъ слово: *аллилуія* есть таинственное побужденіе къ пѣснопѣнію Бога; оно взываетъ слуху, что означаемое имъ тоже, что: *хвалите Господа*. Ибо въ какихъ частяхъ святаго Писанія встрѣчаются напередъ эти слова: *хвалите Господа*, въ еврейскихъ писаніяхъ означается это словомъ: *аллилуія*. Или, можетъ быть, слово сіе даетъ паче видѣть силу псалмопѣнія, которому служитъ надписаніемъ, сказуя о немъ, что-это хвала Богу. Такъ какъ на еврейскомъ языкѣ естество Божіе означается

различно разными именами, употребляемыми въ нѣкоемъ иносказательномъ значеніи; то въ числѣ именъ, означающихъ Бога, находится (ш) и слово: *іа*, а слово: *аллилу* у Евреевъ значитъ хвала. И не дивись, если таковой видъ сего реченія въ косвенномъ падежѣ имени показывается, такъ называемый, именительный падежъ: потому что не по нашему обычаю у Евреевъ видоизмѣняются слова, напротивъ того у нихъ иное сравнительно съ нашимъ видоизмѣненіе въ произношеніи именъ. Такъ, имя Пророка, придавъ ему еллинское видоизмѣненіе, произносимъ: *Иліа*, а у Евреевъ по правиламъ языка именительный падежъ сего имени говорится: *Иліу*. Такъ и здѣсь, когда слово: хвала требуется означить въ именительномъ падежѣ, языкъ еврейскій выговариваетъ: *аллилу*. Посему же хвала непременно относится къ Богу, а имя: *іа* есть одно изъ именъ, означающихъ сестество Божіе; то дѣло вообще слово: *аллилуіа* толкуется: хвала Богу. Посему, когда реченіе сіе приписано къ псалмопѣнію, надлежитъ разумѣть, что слѣдующее ниже непременно должно возводить къ славословію Бога. Какъ въ книгѣ псалмовъ таковыя надписанія находятся всего болѣе надъ послѣдними псалмами; то можно изъ сего уразумѣть,

(ш) Мѣсто сіе переведено по рукописамъ.

что достигшимъ уже совершенства въ жизни добродѣтельной, и очистившимъ себя согласно съ тѣмъ, что выразумѣли при обзорѣши предыдущихъ отдѣловъ псалмопѣнія, прилично хвалить Бога, и быть въ такомъ состояніи, въ какомъ, какъ вѣруемъ, пребываетъ естество ангельское. Ибо у нихъ, извѣстно намъ, нѣтъ другаго занятія, какъ только хвалить Бога, и у совершенныхъ въ добродѣтели нѣтъ иной заботы, какъ только устроить жизнь свою, чтобы была хвалою Богу. Итакъ, послыку псалмы, имѣющіе надписаніе: *аллилуія*, всѣ почти находятся въ послѣднемъ отдѣлѣ псалмопѣнія; то ясно можно уразумѣть, что выше всякаго восхожденія на высоту съ помощію псалмовъ — послѣдній отдѣлъ псалмопѣнія, въ которомъ большею частію заключается хвала Богу, или приглашеніе хвалить Бога.

ГЛАВА 8.

Остается уразумѣть по возможности причину того, что нѣкоторые псалмы не надписаны. Но что найдено нами по этой части, да будетъ предоставлено суду читателей, или принять наше мнѣніе, или возвести разумѣніе свое къ высшему взгляду. И такъ въ ненадписанныхъ псалмахъ примѣчаемъ мы слѣдующее различіе: однимъ изъ нихъ вмѣсто надписанія служить самое содержаніе псалмопѣнія,

въ нихъ, и у Евреевъ и у насъ это общее, что у предлагаемаго нѣтъ другаго надписанія, кромѣ одного только смысла, открывающагося въ реченіяхъ. А въ прочихъ псалмахъ, хотя есть надписанія церковныя и таинственныя, знаменательныя для таинственнаго нашего благочестія, однакоже нѣтъ ихъ у Евреевъ, согласно съ обвиненіемъ, какое сдѣлано имъ въ евангеліи, что постановили опредѣленіе: *да, аще кто исповѣсть Христа, отлученъ отъ снѣмища будетъ* (Іоан. 9, 22.). Посему, въ какихъ надписаніяхъ Евреи замѣтили, что заключаютъ въ себѣ какое-либо указаніе на таинство, тѣхъ они не приняли; поэтому въ Писаніи о такихъ псалмахъ съ точностію замѣчено это, и къ чтенію церковнаго надписанія прибавлено: *не надписанъ у Еврей*. Итакъ, указавъ предварительно на сіе раздѣленіе псалмовъ ненадписанныхъ, благовременно будетъ предложить о семъ свидѣтельство изъ самыхъ псаломскихъ изреченій.

Псаломъ, предпоставленный всѣмъ, не имѣлъ нужды въ надписаніи, потому что для читающихъ ясна цѣль сказуемаго въ немъ; а именно, служить онъ введеніемъ въ любомудріе, совѣтуя удаляться отъ зла, пребывать въ добрѣ и по возможности уподобляться Богу.

Но какъ въ самомъ началѣ ученія о блаженствѣ предписано, что не должно нечестивать; то, чтобы намъ избавиться отъ нечестія, при-

лагается второй псаломъ, предвѣстившій евангельское таинство, такъ что первый псаломъ нѣкоторымъ образомъ служить надписаніемъ втораго. Ибо Пророкъ сказуетъ тамъ о плотскомъ рожденіи ради насъ рожденнаго *днесь* (а *днесь* составляетъ часть времени), но всегда отъ Отца и во Отцѣ сущаго, Сына и Бога. Сказуетъ и о царствѣ у непризнававшихъ царства, у тѣхъ, которые за то, что неслужили Богу, причислялись къ язычникамъ, были какими-то самозаконниками, лучше же сказать, — беззаконниками; потому что не приняли закона Божія, но свергли съ себя *шо* (а *шо* нѣ Пророкъ называетъ заповѣдь). Когда же превысшее всего царство пришло и на нихъ, тогда и они, непризнававшіе нѣкогда надъ собою владычества, дѣлаются наследниками Божиими по вѣрѣ въ Рожденнаго *днесь*, разумѣю Того, Кто поставленъ надъ ними въ царя; тогда и родились, и стали царями тѣ самые, которыхъ желѣзный жезлъ, то есть, непреложная сила, сокрушивъ въ нихъ земное и скупдѣльное, претворила въ чистое естество, научивъ тѣмъ, что одно только блаженно—уповать на Царя. Вотъ смыслъ сего псалма, по моему изложенію; желающій можетъ миѣніе наше повѣрить самыми божественными реченіями, точно ли сказанное нами согласно съ богодухновеннымъ словомъ.

Прочіе же изъ ненадписанныхъ псалмовъ,

по высказавшой нами выше причинѣ, таковы въ еврейской синагогѣ, а не въ церкви Божіей. Ибо при всѣхъ можно найти непременно какое либо надписаніе, котораго не припимаетъ Еврей за слово благочестія, и которое не допускается ими по невѣрію. Такихъ псалмовъ (говоря вообще о числѣ ихъ) двѣнадцать. Но чтобы и точнѣе изложить, что нужно сказать о нихъ, укажемъ порядокъ послѣдованія каждаго: именно, псаломъ тридцать второй и сорокъ второй, за ними семидесятый, потомъ третій по семидесятому, и послѣ нихъ девяностый, потомъ девяносто второй и слѣдующіе до шестаго, далѣе девяносто восьмой, и послѣдній изъ ненадписанныхъ сто третій, — вотъ порядокъ псалмовъ, ненадписанныхъ у Евреевъ. Причины же, почему не приняли Евреи сихъ надписаній, не полагаю иной, кромѣ сказанной. Лучше же сказать, наше о семъ разсужденіе. если немного и мимоходомъ обозримъ нѣкоторые изъ ненадписанныхъ псалмовъ, послужить доказательствомъ, что обвиненіе Іудеевъ въ неблагопризнательности, подтверждается самымъ обзорніемъ реченій.

Псаломъ повелѣваетъ возрадоваться о Пришедшемъ съ небесъ на землю, говоря: *радуйтесь праведнии о Господь* (Пса. 32, 1.), потому что Онъ всѣмъ править, все изъ несуществующаго привелъ въ бытіе, все сохраняетъ въ бытіи, и Его повелѣніе дѣлается сущностію.

Таковъ смыслъ божественныхъ словъ: *яко Той рече, и быша: Той повель, и создашася* (9). Онъ блаженнымъ дѣлаеть о имени Его утверждающійся народъ, а народомъ называетъ Пророкъ насъ, для которыхъ надежда спасенія — имя Христово, такъ какъ по имени Его называется всякій увѣровавшій; потому что *съ небесе призръ Господь видѣть вся сыны человеческія: отъ готоваго жилища* (13. 14.). А готовымъ жилищемъ наименовалъ присносущнаго Отца. Которому принадлежитъ вѣчное бытіе, какъ ни отъ кого не происшедшему, но всегда готовому. И не почтемъ страннымъ, что изъ опаго готоваго жилища къ сынамъ человѣческимъ присоединяется Содѣлавшійся сыномъ человѣческимъ, такъ какъ мы увѣрены, что Онъ есть *создавый на единъ сердца ихъ* (15). Ибо, если естество человѣческое—Его созданіе, что поваго познаемъ изъ таинства? То, что Владыка естества *во Своя прииде*, по Евреи Его не *пріиша* (Іоан. 1, 11.). Потому-то и нѣтъ у нихъ надписанія, какъ у того, кто не видитъ, нѣтъ солнца. Потому-то и мы плотское исполненіе закона, которое Пророкъ называетъ *живымъ конемъ*, и всякое тѣлесное разумѣніе заповѣдей (это, можетъ быть, значить слово *исполнѣ*), признаемъ бесполезнымъ для спасенія, какъ и псалмопѣвецъ оуждаеть подобное сему, выражаясь загадочно: *ложь конь во спасеніе* (Пса. 32, 17.), *и исполнѣ не спасетя*

множествомъ крѣпости своея (16). Но взирая на Избавляющаго отъ смерти души наши небесною пищею (какъ говорить Пророкъ: *очи Господни на боящияся Его, уповающыя на милость Его, избавиши отъ смерти души ихъ, и препитати я въ младъ* (18)), говоримъ: *душа наша чаеъ Господа* (20), призрѣвшаго на насъ съ небеси, и: *буди, Господи, милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя* (22). Посему-то Еврей не принимаетъ надписанія псалма сего!

Такимъ же образомъ опять и сорокъ второй псаломъ не имѣетъ у Евреевъ надписанія; такъ какъ самыя слова, по моему мнѣнію, показываютъ, что заключающееся въ семъ псалмѣ таинство не было пріемлемо держащимися еврейской ереси; потому что псаломъ возвѣщаетъ, что дѣлающійся юнымъ видетъ *къ жертвеннику* (Пса. 42, 4.). Но для Еврея сіе невозможно; онъ несогласенъ въ таинствѣ спасенія обновиться рожденіемъ свыше.

А въ псалмѣ семидесятомъ, по церковному изданію имѣющемъ надписаніе: *сыновъ Юнадавовыхъ и первыхъ плѣншихся*, Евреями сіе умолчано; причина же тому ясна. Въ сихъ словахъ заключается болѣе другихъ явное пророчество о Господѣ; и ими оуждается невѣріе Иудеевъ, которые не могли принять явнаго ученія о таинствѣ. Какъ больные глазами, или страждущіе водобоязнію,

не переносятъ. одни прираженія къ глазамъ луча, а другіе взгляда на воду, но, смеживши вѣжди, отворачиваются страждущіе глазами отъ луча, а подверженные водобоязни отъ взгляда на воду: такъ и злоба Іудеевъ, поелику не хочетъ признать славы божественной проповѣди, неудобопріемлемою дѣлаетъ истину умолчаніемъ о ней. Но и изъ самаго псалмопѣнія можно познать загадочный смыслъ пророчества, Ибо въ семидесятомъ псалмѣ, у котораго это надписаніе: *о первыхъ плѣншихся*, Пророкъ, какъ бы отъ лица плѣнника, говоритъ и иное пѣчто приличное рѣчи просителя, и слѣдующее: *избави мя изъ руки грѣшнаго, изъ руки законопреступнаго и обидящаго (4)*, сими именоваціями указуя на плѣнившаго жизнь нашу. А въ остальныхъ словахъ псалма, послѣ многихъ утѣшительныхъ изреченій, описываетъ совершившееся возвращеніе изъ плѣна, когда говоритъ: *слики явилъ ми еси скорби многи и злы, и обращя оживотворилъ мя еси, и отъ безднъ земли пакы возвелъ мя еси: умножилъ еси на мнѣ величествіе Твое и обращя утѣшилъ мя еси (20, 21.)*. Сіе же, какъ изводится изъ бездны увлеченный въ нее тяжестию грѣха, лениѣе уразумѣемъ изъ ученія великаго Павла; о такомомъ говоритъ онъ: *да не речеши въ сердцы твоємъ: кто въздетъ на небо? сиречь Христа свести. Или: кто спидетъ въ бездну? сиречь Христа отъ мертвыхъ возвести (Римл. 10,*

6. 7.). Ибо отъ чего взошла въ міръ смерть, тѣмъ оная и изгнана, взошла человѣкомъ, Человѣкомъ и изгоняется. Первый человѣкъ открылъ входъ смерти, вторымъ Человѣкомъ вводится напротивъ жизнь, вшествіе которой производитъ уничтоженіе смерти. Для сего, когда въ безднѣ смерти содержимъ быль плѣнныи смертію (щ), второй Человѣкъ страданіемъ снизшелъ въ бездну смерти, чтобы погрязшаго въ ней снова возвести съ Собою въ горнее. Ибо сіе въ точности объяснило великое слово Апостола; сказавъ о семъ многое другое, говоритъ онъ слѣдующее: *иже о Адамъ вси умираемъ, такожде и о Христѣ вси оживемъ* (1 Кор. 15, 22.). Посему-то, послику надписаніе: *о пльншихя* громко зываетъ о домостроительствѣ воплощенія Господня, то Евреи заграждаютъ себѣ слухъ, и не принимаютъ надписанія.

Такъ, ту же причину непринятію надписанія Евреями пайдешъ и въ девяностомъ псалмѣ, а именно, что надписаніе указываетъ на Христово богоявленіе. Ибо у насъ упомянутый псаломъ есть *хвала пльни*; а всякая хвала относится къ Богу; Евреи же умалчиваютъ сію хвалу и хвалящимъ Господа повелѣваютъ молчать. Они стараются воспретить и дѣтямъ во

храмъ хвалить Господа за благодѣянiя, какъ евангелiе выставляетъ на позоръ ихъ неблагодарность. Излишнимъ же было бы дѣломъ указывать въ семь обозрѣнiи на самыя изреченiя, относящiяся къ Господу въ хвалѣ этой пѣсни, такъ какъ при самомъ чтенiи написаннаго явственнѣе открывается этотъ смыслъ.

И слѣдующiй за девяносто первымъ псаломъ имѣетъ въ надписанiи также нѣчто ясно высказанное; почему iудействующiй далекъ отъ согласiя на сiе надписанiе. Читается же оно такъ: *хвала пѣсни Давиду, въ день субботный (ъ), когда населена земля.* Ибо кто изъ обучившихся слову о благочестiи не знаетъ, что въ день субботный совершенно таинство побѣды надъ смертiю, когда тѣло Господне, въ точности по закону, пребывало подвижимымъ на ложѣ во гробѣ? Кто не знаетъ и того дня, *когда населена земля* Населителемъ нашимъ, Который, сокрушивъ истребителя нашего селенiя, разрушенное снова возсоздалъ отъ основанiя? А истребителемъ нашимъ была смерть, которую Господь тогда привелъ въ бездѣйствiе, когда, пребывая недвижимымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился, казался намъ субботствующимъ (ы), поборолъ же силу смерти, про-

(ъ) По общепринятому чтенiю: *предсубботный*.

(ы) Такъ читается по рукописямъ.

лагая Собою путь всѣмъ умершимъ къ воскресенію отъ смерти. Но не пріемлетъ таинства субботы врагъ — креста Христова. Потому и сія *хвала* у Евреевъ не надписана; ибо несоглашаются они, что тотъ есть Господь. Кто, содѣлавшись подобнымъ намъ, и пріявъ на Себя наше поношеніе въ образѣ раба, снова воцарился, и облечеся въ Свою *льноту* (Пса. 92, 1.), и возложилъ на Себя силу Свою. Сила же и льнота Сына—Отець. Сей-то Сынъ разслабленное грѣхомъ естество человѣческое снова содѣлалъ твердымъ, чтобы оно не уклонялось болѣе въ порокъ и не допускало до себя грѣховной бури. Псалмопѣвецъ, и за многое другое въ загадочныхъ выраженіяхъ восхваливъ благодать, прилагаетъ къ слову какія-то, громкій гласъ издающія, *рѣки* (3), означая снмъ, какъ думаю, гласы евангельскіе. Но какая нужда повторять по порядку написанное въ семъ псалмопѣніи, когда въ Божественныхъ изреченіяхъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что пѣснопѣніе сіе относится къ Нему—Богу, вознесшему *въ восклицовеніи* (Пса. 46, 6.), свидѣнія Свои содѣлавшему достовѣрными добрымъ иновѣданіемъ, и устроившему, что собственному *дому* церкви *подобаетъ святыни* Духа (Пса. 92, 5.)?

Такъ по той же причинѣ Еврей не принимаетъ надписанія и девяносто третьяго псалма. Надписаніе же это читается такъ: *Давиду въ*

четвертый субботы, не написанъ—у Еврей. Заключающееся въ семь псалмъ таинство предвозвѣщаетъ домостроительство страданія. Поелику въ пятый день недѣли совершенно предательство Иуды; то Искупившій Собою весь міръ въ предшествовавшій сему день какъ бы продается предателемъ (ь). Такъ сдѣланное Иудою, именуется и въ пророчествѣ Іеремін: *и пріяша тридесять сребренникъ, цѣну цѣннаго* (Матѳ. 27, 9.). Для того же, думаю, продается, чтобы продажею Своею кунить проданныхъ подъ грѣхъ. Почему Пророкъ, провидя будущее, возбуждается какимъ-то гнѣвомъ на совершаемое, называя Его *Богомъ отщепеніа* (Пса. 93, 1.), и умоляя *вознесися насъ ради Смирившагося, воздать юрдымъ воздаяніе по достоинству ихъ* (2), да не *восхвалятся злобою грѣшницы* (3), къ которымъ взываетъ, именуя ихъ *безумными и буйными* (8), какъ непризнавшихъ Божества въ Явившемся. Ибо безумному свойственно, какъ говоритъ Пророкъ въ другомъ мѣстѣ, сказать, что цѣтъ Сущаго Бога (Пса. 13, 1.). Взываетъ же такимъ: *разумѣйте безуміи въ людехъ, и буйи нѣкогда умудритесь. Кто насаждеи ухо? Кто создавши око? Кто наказуи языки? Кто вѣсть помышленія человѣческая* (Пса. 93, 8 — 11.)?

(ь) Такъ читается въ рукописяхъ.

Ибо всё́мъ этимъ, какъ думаю, Пророкъ указываетъ на чудеса при исцѣленіяхъ, когда создались очи изъ плюновения и земли творимымъ брениемъ (Іоан. 9, 6.), когда перстомъ насаждался слухъ у лишенныхъ какъ либо сего чувства, когда все, сокрываемое въ тайнѣ помышленій, объявляемо было Видящимъ мысли ихъ. Поелику Пророкъ, взывая къ нимъ, не былъ услышанъ; то обращаетъ онъ слово къ Господу, и говоритъ: *блаженъ человекъ, его же аще накажеша Господи, и отъ закона Твоего научиши его* (12); какъ будто законъ самъ по себѣ не приноситъ никакой пользы, если заключающагося въ немъ тайства не уяснить какое Божественное наставленіе, какъ сказалъ это сей самый Пророкъ: *открой очи мои, и уразумлю чудеса отъ закона Твоего* (Пса. 118, 18.). Или, можетъ быть, онъ ублажаетъ увѣровавшаго въ законъ духовный язычника, который, будучи до того времени человекомъ плотскимъ и уподобляясь скотамъ, по обученіи закону Божию, когда клятва премѣнилась на благословеніе, дѣлается блаженнымъ, потому что для него *укрощается гнѣвъ отъ дней юныхъ*, а для неувѣровавшаго *изрыется яма* (Пса. 93, 13.). Потомъ чрезъ нѣсколько словъ Пророкъ скажетъ цѣль домостроительства Господня о человекѣхъ: *аще не Господь помогъ бы ми, вмаля вселилася бы во адъ душа моя* (17); потому что Господня помощь не попускаетъ

намъ быть обитателями ада; сказуетъ еще, что по множеству болѣзней, слѣдствій грѣха, Врачующимъ насъ употреблено надъ нами равносильное врачеваніе (19). Посему вдается въ высшее любомудріе, уча, что зло не отъ Вѣчнаго; ибо говоритъ: *не прибудетъ Тебѣ престолъ беззаконія, созидай трудъ на повелѣніе* (20), то есть, не вмѣстѣ съ Тобою усматривается начало злобы; потому что престолъ, устанавлиющій грѣхъ повелѣніемъ, есть начало. Симъ Пророкъ показалъ, что злоба не отъ вѣчности, и не вѣчно пребудеть; ибо что не вѣчно было, то и будетъ не вѣчно. Сказываетъ же Пророкъ и способъ истребленія зла, предрекая уничтоженіе злобы съ убіеніемъ Господа Іудеями. Ибо говоритъ: *уловятъ на душу праведницу, и кровь неповинную осудятъ* (21). Но сія кровь сдѣлается спасительною для меня. Ибо осужденный на смерть *Господь* чрезъ то дѣлается для меня *приблизившемъ*, и *въ помощь упованія* поставляется вѣрующимъ сеи *Богъ* (22). Который, на праведномъ судѣ воздая каждому по достоинству, уничтожитъ лукавство, а не естество согрѣшившихъ. Вотъ точныя слова пророка: *воздастъ имъ Господь беззаконіе ихъ, и по лукавствію ихъ поубитъ я Господь Богъ* (23). Означаетъ же сказаннымъ, что погибнуть пріявшіе на себя нынѣ образъ грѣха. А когда не будетъ злобы, не будетъ носящаго на себѣ образъ ея. Посему когда

погибнетъ злоба, и ни въ комъ не останется такого начертанія, всѣ образуются по подобію Христову, и во всѣхъ возсіяетъ одинъ образъ, какой въ началѣ вложенъ былъ въ естество.

ГЛАВА 9.

Послѣ сего Пророкъ послѣдовательно поступаетъ далѣе, не употребляя никакого музыкальнаго орудія, но собственнымъ своимъ голосомъ воспѣвая Богу благоговѣйную хвалу въ пѣсни; ибо говоритъ : *хвали пѣсни Давиду* (Пса. 94.). И этого надписанія у Евреевъ пѣть, потому что слышащихъ призываетъ оно къ общенію въ радованіи и къ побѣдному восклицованію, говоря: *приидите возрадуемъ Господеву, воскликнемъ Богу Спасителю нашему* (1), а въ концѣ заключаетъ пѣккую сильную угрозу невѣрующимъ, обнаруживавшимъ сіе злоуміе и въ продолженіе сорокалѣтняго пребыванія въ пустынѣ, когда раздражали они Благодѣтеля, и послѣ того не пріявшимъ дарованнаго намъ евангеліемъ упокоенія отъ грѣха, когда, *услышавъ гласъ Пришедшаго ради насъ въ сіе днесь, и изъ довременнаго и вѣчнаго величія снисшедшаго во временное бытіе, можно было имъ днесь* открыть для себя входъ въ покой, но они, всегда, поставляя себѣ путеводемъ заблужденіе и невѣріе, и въ

первыя и въ послѣдующія за тѣмъ времена входъ въ покой Божій заграждали клятвою. Ибо какъ вошли бы въ покой добровольно содѣлавшіе себя чуждыми благословенія?

Такъ и послѣ сихъ псалмовъ девяносто пятый у еврействующихъ читается не надписаннымъ, а у насъ есть пѣснь, воспѣтая Богу по возвращеніи изъ плѣна, когда возсоздано было разрушенное устройство естества нашего. Читается же надписаніе сіе такъ: *хвала пѣсни, внида домъ созидашеса по пльнени, ненадписанъ у Еврей* (Пса. 95.). Прямо же въ самомъ вступленіи псаломѣніе сіе благовѣствуетъ таинство новаго завета, говоря: *воспойте Господеву пѣснь нову* (1). И не безъ основанія умолчано надписаніе псалма сего у Евреевъ; ибо послѣ евангельскихъ провозглашеній, какія сдѣланы въ началѣ псалма, пророчество обращаетъ рѣчь къ обращеннымъ изъ язычниковъ, говоря: *принесите Господеву отечествія языкъ, принесите Господеву славу и честь* (7), *поклонитесь Господеву во дворъ святльмъ Его* (9). И такова вся послѣдующая рѣчь; она предсказываетъ прехожденіе благословенія на язычниковъ. *Рцыте во языцехъ*, говоритъ Пророкъ, *яко Господь воцарися*, и разрушенную злобою вселенную исправи, такъ что она навсегда пребудетъ непоколебимою (10). О семъ веселятся небеса и радуется вся земля, потому что подвиглась воды морскія съ ихъ исполненіемъ. А

симъ иносказательно изображаетъ Пророкъ сопротивную силу, потрясасмую и приводимую въ несостоятельность нашею жизнью, когда мы содѣлываемся небесами, повѣдающими славу Божию, и землею благословенною за плодоношеніе добродѣтели. *Да подвижится море, говорить Пророкъ, и исполненіе его* (11). Далѣе сказуетъ, что *возрадуются поля*, называя полями уравненную въ добродѣтели жизнь, о которой и Исаія въ словахъ своихъ упоминаетъ инымъ образомъ, повелѣвая дебрямъ наполниться, холмамъ и горамъ смириться (Иса. 40, 4.). Говоритъ же сіе, кажется мнѣ, не съ инымъ какимъ намѣреніемъ, какъ желая уврачевать недостатки и излишества въ добродѣтельныхъ предначинаніяхъ, чтобы отъ недостатка въ добромъ въ ученіи о добродѣтели не произошло пустоты, и отъ излишества—неровности. Ибо говоритъ: *возрадуются поля, и вся яже на нихъ.*

Подобнымъ образомъ и слѣдующіи за симъ псаломъ не принять у Евреевъ съ надписаніемъ; потому что говоритъ о касающемся до насъ, и благовѣствуетъ о состояніи нашей земли. Надписаніе приписываетъ Давиду сіе псалмопѣніе, и выражается такъ: *Давиду, егда земля его устроится.* Но слово: *его*, очевидно, относится не къ Давиду, а къ Богу; потому что земля, прежде отпадшая чрезъ грѣхъ, нынѣ познаніемъ Бога приобрѣла постоянство; земля

Божія—всѣ мы, неустоявшіе прежде въ добрѣ и за то подпавшіе клятвѣ, но потомъ избавленные отъ клятвы, и снова достигшіе постоянства въ добрѣ. И сіе прямо благовѣствуетъ самое начало псалмопѣнія, а именно: поелику воцарился Господь, то радуется земля. Какъ иный сказалъ бы: поелику возсіяло солнце, то освѣщается имъ земля: такъ, поелику возоблагоудало Господне царство, то въ насъ веселіе сего царства. Вотъ точныя слова псалма: *Господь воцарися, да радуется земля: да веселятся острови мнози* (Пса. 96, 1.). Прекрасно Пророкъ называлъ островами души показавшихъ твердость и неизмѣнность въ искушеніяхъ. Хотя отъсюду окружають ихъ море порока, однакоже не имѣеть оно надъ ними столь великой силы, чтобы прираженіемъ своимъ произвести какое либо возненіе въ постоянной добродѣтели. Потомъ слово среди всего этого подъ облакомъ и мракомъ представляетъ (Ѣ) неубоозримость Божія естества: *облакъ и мракъ окрестъ Ею* (2), и показавъ странное дѣйствіе карательной силы въ сказанномъ: *они предъ Нимъ предвидетъ, и поалитъ окрестъ враги Ею* (3), открываетъ евангельское свѣтоводство, молціями называя слова Божественной проповѣди, озаряющія цѣлую вселенную; ибо гово-

(Ѣ) Въ рук. вмѣсто *ἀποεργύνη* читается *ἀποσημῖτες*.

ригъ: *освѣтимиа молія Ело вселенную* (4), и въ слѣдующихъ словахъ показавъ высоту евангельскихъ таинствъ, именно, когда говоритъ: *возвѣстимиа небеса правду Ело, и видѣша вси людіе славу Ело* (6), и предвозвѣстивъ истребленіе идоловъ и упичтоженіе всякаго заблужденія въ словахъ: *да постыдятся вси кланяющіися истуканнымъ, хвалящіися о идолахъ своихъ* (7), предлагаетъ печать благъ, сказуя людямъ пришествіе Господа во плоти: *святъ возсіа праведнику, и правымъ сердцемъ веселіе* (11).

Съ концемъ сего псалмопѣнія прекрасно и сообразно съ дѣломъ связуется начало слѣдующаго ненадписаннаго псалма. Ибо одна и таже сила для праведника бываетъ свѣтомъ и веселіемъ, и гнѣвомъ для народа невѣрующаго. Сказано: *Господь воцарися, да гнѣваются людіе* (Пса. 98, 1.). Кто сей воцарившійся Господь, превышій ангельскаго и небеснаго естества? Ибо писаніе упоминаніемъ о херувимахъ показываетъ превосходство премірной силы Того, Чье воцареніе приводитъ въ разрушеніе то, что составилось худо; потому что колеблетъ не то, что въ насъ небеснаго, но то, что въ насъ земнаго, такъ выражаетъ сіе словомъ: *судія на херувимъхъ, да подвижется земля* (1). Оставляю слѣдующее за симъ, чтобы продолженіемъ разбора не причинить великаго обремененія. Скажу только, что все до конца псалмопѣнія относится къ одной и той же цѣли. Пророкъ

свидѣтельствуеть, что сей воцарившійся Богъ не первымъ намъ нынѣ явился, но Онъ же являлся и именитымъ изъ пророковъ. Поэтому упоминаеть о Моусеѣ, Ааронѣ и Самуилѣ (6), изъ которыхъ каждый знаменитъ и славенъ благочестіемъ предъ Богомъ. Присовокушяеть же къ слову и упоминае о *столпѣ облач- ной*, въ которомъ Богъ глаголаъ *къ намъ* (7), научая тѣмъ, какъ думаю, невѣрующихъ не удивляться по этому Божіей бесѣдѣ съ нами чрезъ человѣка. Ибо тогда въ столпѣ облач- номъ глаголавшій Богъ послѣ того явился во плоти; почему если скажетъ кто, что плоть не- достойна того, чтобъ чрезъ нее глаголаъ къ намъ Богъ, то не возможетъ засвидѣтельство- вать достоинства и въ облачномъ столпѣ. Ибо что въ немъ такого, что можно было бы при- знать достойнымъ величія Божія? Если же для Іудеевъ достовѣрно, что Богъ глаголаъ въ столпѣ облачномъ, то да не будетъ не вѣроят- нымъ и то, что глаголаъ Онъ во плоти. Сверхъ того и Исаія въ видѣ облака представ- лялъ себѣ плоть; ибо говорить: *се Господь съ- дитъ на облацѣ летѣць* (Иса. 19, 1.); и послѣ- дующихъ за Господомъ тотъ же опять Про- рокъ именуеть облаками, говоря: *кии суть, иже яко облацы летятъ?* (60, 8.). Сею подобо- именностію облаковъ показываетъ Онъ срод- ство Господней плоти съ остальнымъ человѣ- чествомъ. Итакъ сему-то Богу, вѣкогда чрезъ

облако, а послѣ того чрезъ плоть, глаголавшему къ людямъ, говорить далѣе Давидъ: *Господи Боже нашъ, Ты послушалъ еси ихъ: Боже, Ты милостивъ бывалъ еси имъ, и лица на вся начинанія ихъ* (Пса. 98, 8.). А чтобы иный, смотря на домостроительство, неоползнулся на какія либо низкія и человѣческія понятія о Божествѣ, Пророкъ въ концѣ псалмопѣнія, обративъ рѣчь къ намъ, присовокупляетъ сіе изреченіе: *вознесите Господа Бога нашего* (9), *и поклоняйтесь подножію ногъ Его, яко свято есть* (5). Смыслъ же сказаннаго, какъ предполагаемъ, есть слѣдующій: Божественныя тайны открыты вамъ, люди, сколько слухъ человѣческой принять можетъ; путеводимые симъ къ благочестивому боговѣдѣнію, сколько вмѣщаетъ вашъ разумокъ, столько вознесите славу Божию, зная, что, сколько бы ни возвысилось ваше разумѣніе, хотя бы престунили вы всякое высокое представленіе въ понятіяхъ о Богѣ, и тогда обрѣтаемое и поклоняемое вами—не самое еще величіе Искомаго, но только подножіе ногъ Его. Симъ-то сравненіемъ съ недоступнымъ для постиженія Пророкъ объясняетъ безсиліе и низость нашего разумѣнія.

Потомъ, мнѣювавъ послѣ сего нѣсколько псалмовъ, въ псалмѣ сто третьемъ, который вмѣстѣ съ многими другими причисляется къ ненадписаннымъ у Евреевъ, Пророкъ ясно

богословствуетъ о единородномъ Богѣ, Ему приписуя вину созданія вселенной. Ибо сказано, что псаломъ сей о сотвореніи міра—Давидовъ, и ненадписанъ у Евреевъ; а симъ означается, что Евреи непринимаютъ цѣли сего пророчества. Надписаніе же читается такъ: *Давиду о мѣстѣ бытіи*, ненадписанъ у Еврей. Смысль псалма сего изложимъ при времени; а теперь достаточно намъ будетъ сказать только то, что таже причина, разумѣю невѣріе Іудеевъ, сдѣлала, что и сего псалма надписаніе не принято Евреями.

ГЛАВА 10.

Не надлежитъ оставлять безъ изслѣдованія и слова: *діапсалма* (э). Жившіе прежде насъ полагали, что словомъ симъ означается перемѣна, или мысли, или лица, или вещи; мы не отвергаемъ мнѣній отцевъ, но не полѣнимся о значеніи сего реченія придумать нѣчто и отъ себя. Посему принять нами такой смыслъ слова: *діапсалма*, что, когда, въ послѣдовательномъ ходѣ псалмопѣнія, въ пророчествующемъ Давидѣ происходило нѣкое новое озареніе Свя-

(э) Греческимъ словомъ: *діапсалма* переводится еврейское: *сала*. Здѣсь греческое слово остается безъ перевода; потому, что въ славянской псалтири (напр. Пса. 9. ст. 21) оно никакъ не переведено, даже совершенно опущено.

таго Духа, и нѣкое приращеніе въ дарованіи вѣдѣнія, на пользу приѣмлющихъ пророчество; тогда, сдерживая свой гласъ, давалъ Онъ время разумѣнію усвоить себѣ вѣдѣніе мыслей, порождаемыхъ въ немъ Божественнымъ озареніемъ. И какъ нерѣдко иныя, или идя вмѣстѣ дорогою, или разговаривая другъ съ другомъ на пирахъ, или въ собраніяхъ, если откуда либо приразится вдругъ къ слуху шумъ, прекративъ рѣчь, напрягаютъ разумѣніе разобрать сей шумъ, безмолвіемъ доставляя слуху время узнать силу шума, а потомъ, когда производившее шумъ умолкаетъ, снова заводятъ рѣчи другъ съ другомъ: такъ великій Давидъ, служа истолкователемъ Духа, въ сладкопѣніи излагалъ, что прежде имъ было дознано; и если научался чему въ продолженіе рѣчи, преклоная душевный слухъ къ оглашающему его духовно, и заставляя умолкнуть свою пѣснь, какихъ исполненъ бывалъ мыслей, тѣ и выражалъ, снова слагая слова въ сладкопѣніе. Посему *diancалла*, какъ скажетъ иный, давая опредѣленіе слову, есть внезапно происходившій перерывъ псалмопѣнія для пріятія свыше внушаемой (ю) мысли. Или иный опредѣлитъ лучше такъ: *diancалла* есть ученіе, таинственно сообщаемое душѣ Духомъ, между тѣмъ какъ вниманіемъ къ сей сообщаемой мысли пресѣкается непрерывность

(ю) Въ рук. N 71 читается: *επισκοπικόν*.

пѣснопѣнія, такъ что, по мнѣнію многихъ, происходящее молчаніе служитъ знакомъ, что сила Святаго Духа оставила пророчествующаго. Посему-то нѣкоторые толковники вмѣсто слова: *diancaлла* въ сихъ промежуткахъ вписываютъ слово: *всегда*, чтобы изъ сего можно было дознать, что ученіе Духа Святаго было въ душѣ непрестанно, а слово истолковывающее мысли, внушаемыя душѣ свыше, было не непрестанно; но Пророкъ одно изглашалъ съ разумѣніемъ, а другое только еще принималъ. Посему, когда провѣщавалъ мысли, отпечатлѣнныя въ разумѣніи, тогда псалмопѣніе продолжалось послѣдовательно; но если душевный слухъ его оглашаемъ былъ чѣмъ либо еще болѣе божественнымъ, то весь онъ былъ слухомъ, и пѣснь умолкала. Посему, такъ какъ Духъ Святой глаголялъ въ немъ всегда (я) и во время молчанія; промежутки имѣло одно слово (сей то промежутокъ толковники наименовали *diancaллою*).

Но по обзрѣнному нами раздѣленію псалмопѣнія, во всей книгѣ разлагаемому на пять частей, и изъ этого можно доказать, что придуманная нами причина истинна, именно же изъ того, что каждымъ отдѣломъ путеводимый имъ постепенно руководится всегда къ высшему. Ибо послѣдній только отдѣлъ отъ пачала до

(я) По рукописямъ вмѣсто *so* читается: *дѣ*.

конца въ каждомъ псалмѣ имѣеть непрерывное и нераздѣльное пѣснопѣніе, нигдѣ нераздѣляемое *diapсаллюю*; это принадлежитъ каждому изъ псалмовъ, какъ называемому пѣснію *степеней*, такъ и надписанному: *аллилуія*. Соблюденіемъ такого правила, какъ думаю, доказывається, что въ другихъ псалмахъ, какъ нисшихъ, есть возможность поучать высшимъ мыслямъ, и въ связь рѣчи вводить то, что можетъ возвести разумѣніе къ лучшему; а совершенство степеней и псалмовъ съ надписаніемъ: *аллилуія*, какъ достигшее до самой высоты примышленнаго ко благу, не имѣеть нужды ни въ какомъ прибавленіи, но само собою доведено до полного совершенства въ добрѣ. О семъ свидѣтельствуетъ и смыслъ надписанія сихъ псалмовъ, именуя все надписанное хвалою Богу. Ибо какъ тѣла, проходя по возрастамъ, имѣють предѣлъ, на которомъ останавливается естество, не допуская уже большаго приращенія, но все остальное время оставаясь въ одномъ и томъ же положеніи: такъ и при Божественномъ обученіи возможны и возрастаніе и неподвижный предѣлъ, и обучающій младенчествуящихъ и несовершенныхъ умомъ, питая приличными сѣдями, млекою и подобнымъ тому, приводитъ ихъ въ возрастаніе, а совершеннымъ, у которыхъ чувствилища души обучены другими уроками, предлагаетъ твердую трапезу.

Посему, что въ послѣднемъ отдѣлѣ никакой небыло нужды истолкователю Духа высшимъ сколько нибудь мыслямъ научаться *диансалмою* (ѳ), къ разумѣнію причины сему яснымъ указаніемъ послужать здѣсь тѣ части псалмопѣнія, которыя раздѣлены *диансалмою*. Такъ въ третьемъ псалмѣ, гдѣ Пророкъ предсказываетъ замѣшательство и затрудненіе, произведенное возстаніемъ враговъ, отдѣливъ эту часть *диансалмою*, таинственно огласившему его съ упованіемъ изрекъ спасительное это слово: *Ты же Господи заступникъ мой еси, слава моя, и возносяй главу мою* (Псал. 3, 4.). И снова въ промежуткѣ сложивъ пѣспонѣіе, послѣ благодарственнаго онаго изреченія, какое произнесъ, говоря: *гласомъ моимъ ко Господу возвахъ, и услыша мя отъ горы святыя Своея* (5), научаетъ, чѣмъ рѣшится общая тягота человѣческихъ бѣдствій, и при внезапномъ озареніи Духомъ наученный таинству страданія Господня, пріемлетъ на себя самое лице Владыки, и говоритъ: *Азъ уснухъ и спяхъ, востахъ, яко Господь заступитъ мя* (6). Но въ точности излагать смыслъ заключающійся въ каждомъ реченіи будетъ дѣломъ излишнимъ, потому что слово поспѣшаетъ къ другимъ предметамъ.

(ѳ) Переводъ дополненъ по рукописямъ.

А какъ въ данномъ понятіи слова: *диансалма* увѣриться подлежитъ на основаніи самыхъ писаній, то и въ четвертомъ псалмѣ есть *диансалма* (v), изъ которой узнаемъ тоже самое. Ибо Пророкъ нѣкоторымъ образомъ всему человѣческому роду взываетъ, что суетно, чего домогаются люди, и *тяжкосердыми* именуешь сыновъ человѣческихъ, которымъ любезна суетная и несостоятельная ложь; потомъ умолкнувъ, показываетъ, въ чемъ состоитъ истина. Ибо говоритъ: *увидите, яко удиви Господь преподобною Своєю* (Псал. 4, 4.), словомъ: *преподобный*, указывая, думаю, на Господа, какъ говоритъ и Моисей: *праведенъ и преподобенъ Господь* (Второз. 32, 4.). Потомъ предложивъ совѣтъ, какъ можно человѣку проходить жизнь въ чистотѣ, и бывъ судіею и рѣшителемъ душевныхъ помысленій, когда говорилъ: *яже глаголете въ сердцахъ вашихъ, на ложахъ вашихъ умилилися* (Пса. 4, 5.), и снова, возвратясь къ себѣ самому, и самъ усьпичалъ, и слышащимъ провозгласилъ, уничтоженіе приношенія по закону въ жертву животныхъ; ибо имѣющему нужду въ душевномъ очищеніи повѣлываетъ не надѣяться на закланіе безсловесныхъ животныхъ, но познать, какими жертвами благоугождается Богъ. Почему говоритъ:

(v) Въ рукоп. N 71 вмѣсто: *диансалма* читается: *дианалма*.

пожрите жертву правды, и уповайте на Господа (6).

Такъ Пророкъ и въ седьмомъ псалмѣ напередъ излагаетъ свое собесѣдованіе съ Богомъ, въ которомъ оправдывается предъ праведнымъ Судією, что злоба враговъ не есть воздаяніе за зло имъ причиненное, но сами они первые виновники лукавства, и что онъ равно вмѣняетъ въ грѣхъ, какъ самому начать злое дѣло, такъ и начавшему мстить тѣмъ же. Сказавъ это, преклоняетъ снова слухъ предъ Открывающимъ великое таинство благочестія, въ которомъ совершается Господомъ отмщеніе истиннымъ врагамъ. Ибо полчище сопротивныхъ не могло быть истреблено иначе, какъ воскресшимъ за насъ Господомъ. Но воскресенію, конечно, должна предшествовать смерть. Посему возвѣстившій воскресеніе Господне, вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ и соединенное съ воскресеніемъ, разумѣю, таинство страданія. А Пророкъ, ставъ посему богодухновеннымъ, по вселеніи въ него Духа Святаго, говоритъ: *воскресни Господи швомъ Твоимъ, вознесися въ концахъ врагъ Твоихъ* (Пса. 7, 7.), означая словомъ: *швомъ* карательную силу праведнаго Судіи, а послѣдующими словами — уничтоженіе порока; потому что одинъ только врагъ у естества, — то, что представляется противоположнымъ добру, и это — порокъ, конецъ котораго — уничтоженіе и превращеніе въ ничто.

Посему Пророкъ, сказавъ: *вознесися въ концахъ врагъ Твоихъ*, даетъ видѣть, что, поелику злоба враговъ возимѣсть конецъ, то не останется болѣе въ жизни стремленія къ пороку. Ибо, какъ концемъ болѣзни бываетъ здоровье, и концемъ сна пробужденіе (спящій же, пока онъ во снѣ, не имѣетъ конца сну, и больной еще не на предѣлѣ между недугомъ и здоровьемъ; но когда съ недужнымъ послѣдуетъ выздоровленіе, а съ спящимъ пробужденіе, тогда говоримъ, что они при концѣ того, въ чемъ каждый изъ нихъ находился, одинъ—сна, другой—болѣзни): такъ и здѣсь, приведеніе человѣческаго естества въ блаженное состояніе Пророкъ наименовалъ *концемъ враговъ*.

Въ разсужденіи слова: *диансалма* одну только во всей книгѣ псалмовъ примѣчаемъ перемѣну въ одномъ девятомъ псалмѣ. Ибо не просто сказано: *диансалма*, но: *пѣснь диансалмы*. Хотя, можетъ быть, рѣчь сія извращена по какой-либо ошибкѣ писца, такъ что должно лучше читать: *диансалма пѣсни*, а не: *пѣснь диансалмы*; однакоже, поелику надлежитъ имѣть предъ глазами изображенный въ Іоанновомъ Апокалипсисѣ судъ на измѣняющихъ божественныя Писанія прибавленіемъ или убавленіемъ; то, сохраняя преданный намъ порядокъ рѣчи въ сей части Писанія, попытаемся отыскать, ежели есть, причину, по которой написано: *пѣснь диансалмы*. Итакъ соображаемъ, что отъ сей

диансалмы и до слѣдующей была одна *диансалма*, когда Духъ Святый влагалъ въ Давида пророчественныя мысли. Но, не какъ въ прочихъ случаяхъ, и здѣсь это происходило. Ибо въ другихъ случаяхъ не вмѣстѣ совершалось и оглашеніе, таинственно производимое въ душѣ Духомъ, и возвѣщеніе сообщеннаго Пророку вѣдѣнія, но пока сердце обучалось внутренно, слово безмолвствовало. Здѣсь же совокупно и въ одно время совершаются два дѣйствія; Пророкъ въ то же время, какъ пророчествуетъ, пріемлетъ отъ Духа наставленіе въ высшихъ свѣдѣніяхъ, и продолженіе пѣснопѣнія не пресѣкается, но соприсущій органу Пророка, Духъ Святый Самъ по Своему изволенію приводитъ въ движеніе издающія гласъ чувствилища, чтобы и пѣнь не умолкала, и ученіе не встрѣчало препятствія въ звукахъ; потому что самое ученіе Духа было пѣснь, какъ и называется это Симмахъ.

Но какъ таковая вставка слова встрѣчается во многихъ мѣстахъ псалмонѣнія, то для получившихъ въ сказанномъ общее напутіе къ разумѣнію слова: *диансалма* достаточно и сего будетъ, чтобы не перебирать уже въ подробности всѣхъ мѣстъ, гдѣ есть слово: *диансалма*. Ибо излишнее и вмѣстѣ напрасное дѣло, оставиваясь на извѣстномъ, длить слово разсужденіемъ о томъ, что признано всеми.

ГЛАВА II.

Но иныи основательно спросить и о томъ, почему порядокъ псалмопѣнія не согласенъ съ послѣдовательностію исторіи. Ибо, если кто обратитъ вниманіе на разстояніе времени, въ которое продолжалась жизнь Давидова, и на послѣдовательность событій; то не найдеть, чтобы расположеніе псалмовъ согласовалось съ порядкомъ исторіи. Посему, обращаясь къ первой цѣли нашего слова, скажемъ, что ни о чемъ этомъ не было заботы у нашего Учителя; а Учителемъ, думаю, должно наименовать Духа Святаго, какъ говоритъ Господь: *Той вы научитъ всему* (Іоан. 14, 26.). Итакъ симъ руководителемъ и наставникомъ душъ признается дѣломъ второстепеннымъ все иное, попеченіе же у Него только о томъ, чтобы спасти блуждающихъ въ суетѣ жизни, и привлечь къ жизни истинной. Ибо для всякаго дѣла, совершаемаго съ какою-либо цѣлію, есть иѣкій естественный и необходимый порядокъ, при которомъ послѣдовательно съ успѣхомъ исполняется желаемое. Такъ у каменотесневъ, хотя цѣль работы та, чтобы камень уподобить какому-либо существу, однакоже дѣло начинается не вдругъ съ конца, а напротивъ того, искусство вводитъ необходимый иѣкій порядокъ, безъ котораго желаемое не можетъ быть сдѣлано. Ибо сперва

надлежитъ отдѣлить камень отъ однородной съ нимъ скалы, потомъ обѣчь на немъ бесполезныя вышуклости, пренятствующія тому, чтобы онъ уподобился предположенному, и такимъ образомъ обработать камень, выдолбивъ тѣ его части, по отнятїи которыхъ въ остальномъ начинаеть быть видимъ образъ животного, которое изобразить старается художникъ; послѣ сего, надобно какими либо болѣе тощими и слегка дѣйствующими орудїями, очистить и выравнять шероховатость камня, и тогда уже остальному сообщить видъ первообраза, наконецъ поверхности камня придать лоскъ и большую гладкость, и сообщить произведенію такую красоту веѣми средствами, какія знаетъ искусство. Такимъ же образомъ, послѣку все естество наше отъ пристрастія къ вещественному какъ бы окаменѣло, то слово, которое выдѣлываетъ изъ насъ первобытное (а) божественное подобіе, нѣкимъ путемъ и послѣдовательно достигаеть конца своей цѣли. Прежде всего отдѣляетъ насъ, какъ бы отъ какой-то однородной съ нами скалы, разумѣю порокъ, съ которымъ съсидились мы какою-то постоянной дружбою. Потомъ обѣкаетъ излишки вещества; послѣ сего начинаеть тому, что обдѣлываетъ, придавать видъ подобія образцу отня-

(а) Сіе дополнено по рукописи N 71.

тіемъ препятствующаго сходству, и такимъ образомъ, обученіемъ мыслямъ болѣе тонкимъ, очищая и выравнивая наше разумѣніе, впечатлѣніемъ добродѣтели воображаетъ въ насъ Христа, по образу Котораго и первоначально мы были, и снова, сотворены.

Посему какой же порядокъ въ обработкѣ нашихъ душъ (б)? Въ первомъ отдѣлѣ псалмопѣнія, отлучены мы отъ порочной жизни, а въ слѣдующихъ отдѣлахъ непрерывною послѣдовательностію унодобленіе доведено до совершенства. Посему порядокъ псалмовъ строгъ, потому что, какъ сказано, Духу же лательно научить насъ не простой исторіи, но души наши образовать добродѣтелию по Богу, какъ требуетъ сего послѣдовательное уразумѣніе написаннаго въ псалмахъ, а не какъ сіе нужно въ исторической послѣдовательности. Ибо, какъ въ представленномъ нами примѣрѣ камнотесація много орудій потребно искусству для обработки изваянія, и орудія сіи не сходны между собою по наружному виду, но нынѣ къ концу сдѣланы винтообразными, другія имѣють остріе, на подобіе пилы, другія же устроены въ видѣ рѣзца, инымъ приданъ видъ полукружія; изъ всего же этого и подобнаго сему служить художнику каждая вещь въ свое

(б) Слово *душъ*, читается въ той же рукописи.

время: такъ и истинному искуснику, художнически приводящему души наши въ божественное подобіе, какъ бы вмѣсто нѣкихъ каменотесныхъ орудій, уготованы псалмопѣнія; употребленіе же сихъ орудій приводитъ въ порядокъ потребность дѣланія. И художнику не для чего любовитствовать, какое изъ орудій выковано прежде другаго, чтобы приготовленное прежде и въ дѣлѣ тесанія употребить первымъ. Ибо кто обращаетъ вниманіе на потребность, тотъ первымъ и вторымъ часто употребляемымъ дѣлаетъ то орудіе, которое присовѣтуетъ потребность. Посему, идетъ ли рѣчь въ первыхъ псалмахъ о Голиаѣ и Саулѣ, а въ послѣднихъ объ Авессаломѣ, объ Урин, о *словесахъ Хусіевыхъ* (Пса. 7, 1.), о встрѣчѣ съ Вирсавіею, нѣтъ до сего дѣла тому, кто образуетъ ими сердца наши, но только бы отъ каждаго псалма было какос либо содѣйствіе къ нашему благу; сіе одно имѣетъ въ виду и послѣдовательность въ дѣлѣ спасенія. Наилучшимъ порядкомъ дѣлается послѣдовательность и порядокъ въ томъ, что содѣйствуетъ намъ въ этомъ.

Такъ первый псаломъ удалилъ чловѣка отъ сродства съ зломъ, второй, предвозвѣстивъ явленіе Господа во плоти и показавъ, что блаженство наше—уповать на Него, указалъ, къ кому должны мы прилѣпиться. Третій псаломъ предвѣщаетъ предстоящее тебѣ отъ врага

искушеніе, такъ что тебя, помазаннаго уже на царство за вѣру и соцарствующаго съ истиннымъ Помазанникомъ, намѣревается свергнуть съ сего достоинства не кто либо внѣшній, но тотъ, кто отъ тебя самаго происходитъ. Ибо не со стороны заимствованную имѣеть надъ нами силу непріятель, и не бываемъ мы свергнуты съ своего достоинства кѣмъ другимъ, если сами при тяжкихъ мукахъ не содѣлаемъ отцами злаго порожденія, которое угрожаетъ нашему царству, и возстаетъ на него, тогда одерживая надъ нами верхъ, когда осквернитъ сожителъствующихъ съ нами, дѣлая открытымъ срамъ, то есть, когда объявить всѣмъ о растлѣніи въ насъ добродѣтелей, съ которыми сожителъствовали мы некогда. Посему, поелику въ первыхъ псалмахъ не укрѣплены еще наши силы къ борьбамъ, что бы при нападѣніяхъ противника лицомъ къ лицу вступить съ нимъ въ битву; то слово показало боримымъ, что не маловажно для безопасности (в) избѣгать нашествія подобнаго врага, примѣромъ изъ надписанія (Иса. 11.) (г) научая тебя, что, когда родится у тебя Авессаломъ, власатый пороками братоубійца, вознеистовавшій на честный твой бракъ и на

(в) По рукоп N 71. читается: *εις ἀσφάλειαν*, а не *εις ἀπειλίαν*.

(г) По той же рукописи читается: *κατὰ τὴν ἐπιγραφὴν*.

ложе нескверное; тогда бѣгай, какъ говоритъ Господь, изъ города въ городъ (Матѹ. 10, 23.). Ибо бѣгствомъ отъ лица такого сына—Авессалома, тому, кто собралъ свои силы при помощи древа, привязавшаго къ себѣ лукавыя власы Авессаломовы, можно тремя стрѣлами умертвить врага. Конечно же явентъ для тебя смыслъ представляемый исторіею загадки, то есть какъ значеніе древа, къ которому пригвождены были власы порока, что именуетъ Апостоль рукописаніемъ грѣховъ, говоря: *и то взятъ отъ среды, пригвоздивъ е на крестъ* (Кол. 2, 14.), то есть, на дрѣвѣ, такъ и значеніе трехъ стрѣлъ, въ средину сердца поражающихъ врага, чѣмъ наносится и смерть врагу послѣднему.

Чтобы имѣть намъ надлежащее понятіе о стрѣлѣ, выикнемъ въ пророчество Исаи, который говоритъ отъ лица Господа: *положи Мя яко стрѣлу избранну, и въ туль Своелъ вознесъ Мя* (Иса. 49, 2.). Посему стрѣла сія есть живое Слово Господне, *острыйшее паче всякаго меча обоюду остра* (Евр. 4, 12.), слово же есть Христось; и въ семъ имени именовъдуется таинство Троицы. Въ Немъ познаемъ и Помазаннаго, и Помазавшаго, и Того, Кѣмъ помазанъ. Ибо если недостаетъ одного изъ трехъ, то не составляется и Имя Христово. Посему имя сіе, когда вознесено оно въ туль нашемъ, то есть, когда вѣрою приемяется въ

душѣ нашей (потому что туль слова есть душа); тогда дѣлается губительнымъ для возстающаго на насъ и преслѣдующаго насъ, кому уничтоженіе на дровѣ.

Посему послѣ благовременнаго бѣгства отъ возстающаго (который по естеству одинъ, но дѣлается множествомъ при худомъ вспоможеніи), и послѣ сказаннаго: *умножишиа ся стужающіи ми: мнози востаютъ на мя* (Пса. 3, 2.), и послѣ всего того, что далѣе заключаетъ въ себѣ псалмопѣніе, полагается уже начало побѣдѣ. Ибо благовременное бѣгство отъ возстающихъ дѣлается причиною побѣды надъ врагами. Посему послѣдующее псалмопѣніе имѣетъ надписаніе: *въ конецъ*. А конецъ всякой борьбы—побѣда (какъ наше слово предвари-тельно установило сіе значеніе). И кто однажды извѣдалъ сію побѣду, у того побѣды надъ врагами усиѣнно слѣдуютъ одна за другою; потому что въ первой побѣдѣ, когда житейскія радости входили въ состязаніе съдушевными благами, въ тебѣ склонность къ лучшему пренобѣдила вещественное обольщеніе. Осу-дивъ ищущихъ суетнаго и любящихъ ложь, пристрастіе къ видимому обмѣнилъ ты на вождельніе невидимаго.

Въ слѣдующемъ псалмѣ побѣждаешь другимъ способомъ. Ибо двое васъ состязаются между собою объ истинномъ наследіи, и другою выставляетъ на видъ законъ, а ты—вѣру;

правдивый же подвигоположникъ тебѣ предоставляетъ награды за побѣду надъ нимъ, такъ что чистое состояніе души дѣлается для тебя восходомъ солнца, къ удалившемуся отъ тмы приводящаго начало дня, что псалмопѣніе именуется словомъ: *завтра* (Пса. 5, 4.). Такимъ образомъ у подвижника всегда слѣдуетъ побѣда за побѣдою, и преспѣянія въ слѣдствіе побѣды дѣлаются непрестанно большими и славнѣйшими.

Еще по порядку слѣдуетъ другая побѣда, одерживаемая по указанному прежде сего. Ибо кто призналъ наслѣдіе, тотъ помнитъ о *осмомъ* (Пса. 6.) днѣ, который служитъ предѣломъ настоящаго времени и началомъ будущаго вѣка. Особенность же осмага дня та, что пребывающимъ въ оный не дается уже времени на приуготовленіе добрыхъ или злыхъ дѣлъ; но чего сѣмена посеетъ кто себѣ самому дѣлами своими, рукояти того и воздадутся ему въ замѣнъ. Посему, кто упражнялся въ одержаніи сихъ побѣдъ, тому псаломъ вмѣняетъ въ законъ покаяніе приносить здѣсь, потому что во адѣ стараніе о подобномъ сему не исполнимо.

Еще къ новымъ борьбамъ отсылаетъ (д) слово; снова умащаетъ предъ прираженіемъ

(д) По рукописи читается: ἀπολύει а не: ἀπαλείφει.

искушений. Ибо тотъ же непріятель, этотъ Авессаломъ, какъ бы возродившись отъ насъ, возставляетъ ту же нами уготовляемую брань, въ которой обращаетъ въ бѣгство уготовляющаго намъ смерть наше благоразуміе въ дѣлѣ, лучше же сказать, Божія помощь. Ибо Пророкъ, причину добрыхъ для него послѣдствій отъ словъ Хусіевыхъ приписавъ Богу, воздаетъ тѣмъ благодареніе. Но излишнимъ будетъ дѣломъ въ точности излагать тебѣ исторію, какъ этотъ Хусій, вѣрный между оруженосцами Давидовыми, вмѣшивается въ число друзей Авессаломовыхъ, и у похитителя власти приобрѣтаетъ болѣе довѣрія, нежели совѣтъ Ахитофеловъ, отъ чего произошло, что, когда въ совѣтѣ одержало верхъ рѣшненіе Хусіево, подававшій Авессалому гибельный для Давида совѣтъ, самъ на себя кладетъ удавку. Стоило бы вниманія къ жизни добродѣтельной примѣнить то, что въ исторіи загадочно; почему спасающее насъ опредѣленіе дѣлается удавкою сопротивнику? и сіе спасительное опредѣленіе описывается, какъ въ исторіи, такъ и въ псалмопѣніи? Но наша цѣль въ порядкѣ псалмовъ выразумѣть ту связь, которою приводимся къ благу. Поэтому обратимъ здѣсь вниманіе на опредѣленіе губительное для подающаго намъ коварный совѣтъ. Какое же это опредѣленіе? Равно вмѣнять въ порокъ—и начинать неправду и метить начавшему. Ибо

Давидъ признаеть себя достойнымъ крайнихъ бѣдствій, и самъ себя опредѣляетъ наказаніе, если окажется, что онъ какъ бы въ обмѣнъ за зло вознаграждалъ зломъ, и за сдѣланныя ему прежде обиды воздавалъ тѣмъ же, что самъ получилъ.

И такимъ образомъ Пророкъ послѣ сихъ бореній снова оказывается побѣдителемъ. Ибо слѣдуетъ надписаніе, предуказующее *конецъ: о точильцѣхъ* (Пса. 8.); а конецъ борьбы есть побѣда. Но распространять снова рѣчь о смыслѣ сего выраженія: *о точильцѣхъ*, будетъ дѣломъ излишнимъ, когда достаточно раскрытъ оный при изслѣдованіи его въ своемъ мѣстѣ. Пророкъ, какъ послѣ перваго бѣгства отъ Авессалома за различіе дѣлъ истинныхъ съ суетною заботою удостоивается побѣды, такъ и теперь послѣ подобныхъ бореній, пользуясь сноборающимъ сопротивника словомъ: *о точильцѣхъ*, дѣлается побѣдителемъ за сокрушеніе вмѣстѣ *врага и мстника* (7), который потому и именуется и *врагомъ* и *мстникомъ*, что самыя приманки его ко грѣху служатъ для чувствующихъ всего тягчайшимъ наказаніемъ, и то самое, чѣмъ обманывая привлекаетъ онъ человѣка къ общенію съ зломъ, есть несноснѣйшій родъ мученія. Такъ объясняетъ мысль сію божественный Апостоль, сказавъ: *возмездіе, еже подобаше прелести ихъ, въ себя воспріимлюще* (Рим. 1, 27.). Ибо какое другое тягчай-

шее наказаніе могло бы быть придумано за нечистоту студа, какой сами на себѣ содѣвають дѣлатели студа? Посему ты, собственною своею жизнію сокрушившій силу такого *лестника*, который предающагося пороку наказываетъ соучастіемъ его въ порокъ, обрати взоръ на небеса (е), и на великолѣпіе, которое превышаетъ небесъ, и на достоинство естества нашего, надъ кѣмъ оно начальствуетъ, и съ кѣмъ поставлено въ одинъ рядъ. Ибо однимъ и тѣмъ же и надъ безсловесными владычествуетъ, и сравниваемое съ Ангелами не многимъ умалено въ равенствѣ съ ними. Разумъ причиною тому, что имѣетъ и начальство надъ безсловесными, и близость къ Ангеламъ.

Еще слѣдуетъ способъ новой побѣды, когда ты, Пророкъ, прешедши видимое, вступаешь съ Словомъ въ сокровенное; а Слово—Сынъ. И достаточно уже обученный предшествующими побѣдами, псалмопѣвствуешь *о тайныхъ сына* (Пса. 9.) въ благозвучномъ и стройномъ созерцаніи, и снова побѣдивъ въ тайнѣ устрояющаго намъ козни звѣря, преслѣдуешь такъ, чтобы врагу не оставалось больше повода хвалиться передъ нами. *Да не приложитъ кому величатися человекъ на земли* (Пса. 9, 39.). Тогда, по причинѣ послѣдовательно одержан-

(е) По рукописямъ читается: *τοὺς οὐρανοὺς*, а не *τοὺς ἀστέρας*.

пой тобою побѣды, имѣя еще совершеннѣйшее упованіе на Бога, говоришь: *на Господа уповахъ* (Псал. 10, 1.). А въ послѣдующей за тѣмъ побѣдѣ снова припоминаешь *объ осмій* (Пса. 11.), когда истребляются *языкъ велеръчивый и усны лживыя* (Пса. 11, 4.) и неистовство противъ Бога. Но сохранены будутъ *отъ рода сего и во вѣкъ* (8) не ходящія окрестъ нечестія, а держащіяся прямого пути, *егоже обновилъ есть намъ Богъ — путь новый и живый* (Евр. 10, 19. 20.).

И какая надобность говорить о каждомъ псалмѣ? Достаточно тебѣ и сего папутствія, предуказующаго дальнѣйшій путь къ совершенству въ порядкѣ и написаній и псалмовъ, послѣ того какъ къ таковому разумнѣю немало помогаетъ памъ въ предшествующихъ словахъ предложешное истолкованіе написаній.

ГЛАВА 12.

Но какъ кончился первый отдѣлъ восхожденія посредствомъ псалмовъ; въ сороковомъ псалмѣ снова дѣлается повтореніе о блаженствѣ, и псаломское слово иначе, нежели въ началѣ, опредѣляетъ намъ блаженство. Ибо въ началѣ блаженнымъ признано удалиться отъ зла; а здѣсь ублажается познаніе добра. Но естество добра, или если можно найти какое высшее сего реченіе или понятіе, есть сей

единородный Богъ, Который *насъ ради обнища богатъ сый* (2 Кор. 8, 9.). Его-то нищету во плоти, показанную намъ въ евангельскомъ сказаніи, предвозвѣщаетъ здѣсь слово, ублажая съ разумѣніемъ познавшаго оную нищету Того, Кто нищъ по образу раба, но благословенъ по естеству Божества. Ибо слово, въ началѣ псалмопѣнія наименовавъ Его *убогимъ и нищимъ* (Пса. 40, 2.), въ концѣ отдѣла говоритъ: *благословенъ Господь Богъ Израилевъ отъ вѣка и до вѣка: буди, буди* (14).

Итакъ достигшій сей высоты начинаетъ новое восхожденіе. Ибо, оставивъ отца Корея, который по гордости вознесся противъ священства, и за сіе попаленъ огнемъ, поглощенъ разверзшеюся землею, и за грѣхъ содѣлался преисподнимъ, вѣрою усыновляетъ себя истинному Отцу, уразумѣвъ, сколько разности въ этомъ — содѣлаться чадомъ Божиимъ, или называться сыномъ отступника Корея. Посему, улучивъ конецъ побѣды, познавъ, сколько разности между симъ Отцемъ и отцемъ лукавымъ, поглотивъ и истребивъ въ себѣ всякую звѣрскую и ядовитую мысль, подобно тому, какъ естеству еленей существенно принадлежитъ сила истреблять пресмыкающихся, уподобляется еленимъ и жаждою, и жаждетъ божественныхъ источниковъ (а это — само божественное естество, единое въ существѣ и созерцаемое въ Троицѣ). Ибо говоритъ: *имже образомъ же-*

лаетъ елень на источники водныя: сице желе-
етъ душа моя къ Тебѣ Боже (Пса. 41, 1.).
Потомъ утоляетъ жажду соединенную съ по-
желаніемъ, и поспѣшая улучшить желаемое,
даже не продолжительное замедленіе въ приоб-
щеніи благъ вмѣняя въ бѣдствіе, въ средивѣ
и въ концѣ псалмопѣнія говоритъ: *всюю при-
скорбна еси душе моя? и: уповай на Бога* (6. 12.),
потому что дѣйствительно намъ обѣщано бла-
гое услажденіе божественнымъ упованіемъ.

И такимъ образомъ Пророкъ переходитъ къ
слѣдующему псалму, въ которомъ отъ жерт-
венника Божія дѣлается юнымъ (Пса. 42, 4.);
а въ слѣдующемъ слова ведущихъ родъ отъ
Корея дѣлаетъ побѣдителями, показывая, что
худородствомъ отцевъ не ослабляется добрая
слава предъ Богомъ. Причину же истребленія
враговъ приписавъ въ семъ псалмопѣніи Богу,
когда говоритъ: *спаслѣ бо еси насѣ отѣ стужа-
ющихъ намѣ, и ненавидящихъ насѣ посрамилѣ еси*
(Пса. 43, 8.), переходитъ къ пѣсни о возлюблен-
номъ, чтобы бывшіе сперва сынами отступника,
а потомъ содѣлавшіеся побѣдителями лукаваго,
пришедши въ разумъ, достигли конца побѣды.
Ибо сказано: *въ конецѣ, въ разумѣ, пѣсь о воз-
любленномъ* (Пса. 44, 1.). Изъ сей пѣсни узна-
емъ, кто Тотъ, Котораго престолъ отъ вѣч-
ности превыше всѣхъ существъ, и кто та
дѣва, которая уневѣщивается Ему для сожи-

тельства, не иначе удостоенная сей чести, какъ уже по забвѣніи отца своего (11).

И сію пѣснь посвятивъ возлюбленному, снова слагаетъ Пророкъ побѣдную пѣснь о *сыняхъ Кореовыхъ* (Пса. 45, 1.), продолжая рѣчь о предметахъ таинственныхъ. Ибо наименованіе псаломѣнно: о *тайныхъ*, и подъ симъ именемъ описывается въ словѣ, и шумъ водъ, и движеніе народовъ, и призваніе царей, и колебаніе земли, и сказано, что *Господь* всякой силы *съ нами* (8, 12.). А всѣмъ этимъ Пророкъ предвозвѣщаетъ пришествіе Господне во плоти, когда и все естество издастъ гласъ, и съ мѣста на мѣсто переходятъ горы, — эти земныя мудрованія порока, о которыхъ древле думали, что они неподвижны и непреложны; и рѣка веселія *веселитъ градъ Божій*, и *селеніе Свое освящаетъ Вышній* (5), и все, что слѣдуетъ въ томъ же порядкѣ, и въ чемъ слово сими загадками предвозвѣщаетъ тайны.

И еще къ новой побѣдѣ переходитъ слово; ей рукоплещутъ и радуются всѣ народы, потому что *взыде Богъ въ воскликновеніи* (Пса. 46, 6.). Конечно же ясно для тебя слово: *восхождение*, по толкованію Павла, который говоритъ, что невозможно взойти, если не предшествовало нисхождение (Ефес. 4, 9.). Повелѣвъ же всѣмъ пѣть разумно (Пса. 46, 8.), Пророкъ переходитъ словомъ къ болѣе возвышенному состоянію, предметомъ пѣсни содѣ-

лавъ *вторый* день *субботы* (Пса. 47, 1.). А день сей, если смотрѣть на него по первоначальному устроению міра (ж). есть приуготовленіе неба и тверди, и отдѣленіе пренебесныхъ водъ отъ наземныхъ. Если же обратимъ взоры къ Евангелію, то подлинно онъ уготовалъ намъ небо; потому что небо называетъ Богъ твердію; а Павелъ представляетъ себѣ утверждениемъ (*τὸ στέρισμα*) вѣру во Христа. Ибо тогда подлинно создается для насъ по вѣрѣ небо, когда прошла печаль субботы, и содѣлалась для насъ вѣрною тайна нареченная *Сына Божія въ силу, по Духу святыни, изъ воскресенія отъ мертвыхъ, Иисуса Господа нашего* (Рим. 1, 4.). Который подлинно *велий Господь и хваленъ зъло* (Псал. 47, 2.), и что еще по порядку содержитъ въ себѣ псаломъ, и этотъ божественный градъ, который именуется у Пророка *горою благоденною, радованіемъ всея земли, горами сіонскими* (23.). о которомъ наипаче повѣствуется всего болѣе чудное, что бывшій нѣкогда *ребрами съверовыми* нынѣ сталъ *градомъ Царя великаго*, и что *Богъ въ тяжестехъ сіо знаемъ есть* (3. 4.), чѣмъ ясно указывается въ словѣ на то чудо, какое видимъ въ Церкви. Ибо сѣверный край земли мраченъ и холодень, всегда остается не освѣщеннымъ

и лишеннымъ солнечныхъ лучей. Посему-то сопротивная сила разумѣется подъ именемъ сѣвера. Итакъ тотъ же городъ, который нѣкогда находился на сѣверѣ и былъ ребромъ его, переведенный изъ жизни темной и холодной, содѣлался градомъ Божиимъ, и мѣстопробываніемъ царскаго жилища. *Въ тяжестехъ ея знаема есть Богъ. Тяжестями же Пророкъ называетъ объемъ зданій, построенныхъ въ видѣ четверугольниковъ, которыми гадательно означаются твердыя и высокія столпозданія добродѣтелей, усматриваемыя въ душахъ святыхъ, такъ какъ только въ держащихся такого образа жизни познается Богъ. Съ предложеннымъ прежде согласно и слѣдующее: яко царіе собираея въ немъ (5); потому что собраніе, не рабствующихъ, но царствующихъ обитаетъ въ Божественномъ ономъ градѣ: *тѣи, сказапо, видѣше тако, удивишася (6). Пророкъ объявляетъ и причину сего удивленія; тѣ, которые недостойно населяли прежде сей градъ, когда былъ онъ ребрами сѣверовыми, смятошася, подешошася: трепетъ пріятъ я. И не трепеть только, но и болзнии яко разедающія (7). Все сіе, говоритъ Пророкъ, произведено въ нихъ духомъ бурнымъ, сокрушившимъ корабли отступленія, худо плавающіе по морю житейскому. Ибо сказано: *духомъ бурнымъ сокрушиши корабли варсійскія (8.). Но кто содержитъ въ памяти исторію Дѣяній, тому не***

неизвѣстно *дыханіе бурно* (Дѣян. 2, 2.), какое ученики познали *въ горницѣ* (1, 13.); и кто внимательно читалъ пророчество Іоны, конечно знаетъ, что отступившій отъ Бога ищетъ корабля, плывущаго въ Фарсисъ. Потомъ псаломское слово, какъ бы раздѣлившись на два лица, въ первыхъ реченіяхъ принимаетъ на себя лице начинающаго рѣчь, а въ послѣдующихъ произноситъ сказанное принявшими слово. Ибо, говоритъ Пророкъ, соглашаясь въ истинѣ прежде произнесеннаго (з), какъ бы узнавъ сказанное кѣмъ-либо другимъ: *якоже слышахомъ, тако и видѣхомъ во градѣ Господа силъ, во градѣ Бога нашего* (Пса. 47, 9.). Потому съ наслажденіемъ увидѣвшихъ, что слышали (и), представилъ подающими совѣтъ другъ другу. А совѣтъ былъ таковъ: *обидите Сионъ, и обымите его, повѣдите въ столпыя его: положите сердца ваша въ силу его, и раздѣлите дома его* (13, 14.), и что еще содержитъ въ себѣ псаломъ.

Послѣ сего проповѣдь слова распространяется по порядку по всей землѣ, и какъ до смѣшенія языковъ у всѣхъ были *устны единь и языкъ единъ* (Быт. 11, 1.): такъ и теперь всѣ народы, вся вселенная, всѣ люди дѣлаются

(з) По рукописи N 71 читается: *προφουρημένον*.

(и) Въ той же рукописи читается: *ἃ ἕκασαν*.

единый слухъ и единое сердце, потому что всѣхъ оглашаетъ единое слово. Ибо, соръкупивъ въ одно собраніе весь человѣческій родъ, и цѣлый міръ претворивъ въ одно зрѣлище, всѣмъ вообще возглашаетъ слово, говоря: *услышите вси языцы, вкушите вси живущіи по вселенный, земнородныи же и сынове чловѣчестіи*, богатъ ли кто въ васъ, или убогъ (Пса. 48, 2. 3.). Сими тремя сочетаніями Пророкъ объемлетъ вообще всякое различіе въ жизни человѣческой (i). Въ первомъ сочетаніи скажутъ: *вси языцы и живущіи по вселенный*, чтобы именемъ языковъ означить мѣстныя ограниченія, а слѣдующимъ выраженіемъ обитателей сихъ мѣсть. Сказавъ же: *земнородныи и сынове чловѣчестіи*, людей плотскихъ, перстныхъ и менѣе разумныхъ отличаетъ отъ снасаемыхъ, и имѣющихъ въ себѣ нѣкую отличительную черту естества человѣческаго; а собственно отличительная черта чловѣка—подобіе Божеству. Неравенство же житейское по бѣдности и богатству есть самая общая причина различнаго и многообразнаго несходства въ дѣлахъ чловѣческихъ. Но кто этотъ вѣщающій слово въ такомъ многочисленномъ и разнородномъ собраніи слушателей? Кто иный,

(i) Въ рукописи N 71 вмѣсто *τῶν ἰσχυρῶν* читается: *τῶν ἀνθρώπων*.

кромя свидѣтельствующаго о Себѣ, что *возмогутъ премоудрость и разумъ* (4)? А глаголетъ это, кто имѣетъ духа премудрости и разума, эту великую благодать, въ которой человѣкъ преусиѣваетъ внимательностію и размышленіемъ; ибо Пророкъ, сказавъ, что не отверзеть устъ, пока не приклонитъ слухъ къ предлагаемому слову, говорить: *уста моя возмогутъ премоудрость, и поученіе сердца моего разумъ* (4). И сперва *приклоню въ притчу ухо мое*, а тогда уже *отверзу во псалтири гласаніе мое* (5). Посему какой же это *разумъ*, и какое это *гласаніе*? Тварь Божія, говоритъ Пророкъ, не видѣла приготовленія какого либо лукаваго дня, какъ свидѣтельствуеть слово міробытія, но грѣхъ день радованія содѣлалъ днемъ страха и наказанія, котораго могли бы мы не бояться, если бы блюдушій пану пятау змій, которому имя беззаконіе, не кружился на жизненномъ нашемъ пути, и пресмыкаясь по оному, не содѣлалъ его не гладкимъ и страшно колючимъ, усынавъ повсюду разными чешуями страстей. Потомъ, все псалмопѣніе раздѣливъ на двѣ части, Пророкъ въ первой части предлагаетъ совѣтъ не имѣть въ виду ни какого другого Избавителя. Ибо говорить, что *избавитъ ни братъ, ни другіи какой человекъ*, но каждый будетъ самъ о себѣ умолять, если *дастъ Богу изливку за ся, и цѣну избавленія души своей* (8. 9.). Имѣетъ же Пророкъ въ

виду ту заботливость, съ какою въ этой жизни гоняемся за суетнымъ, обратить для насъ въ совѣтъ къ презрѣнiю того, о чемъ заботимся. Почему люди проводятъ жизнь въ безразсудныхъ трудахъ, какъ будто надѣются жить всегда? Почему не чаютъ себѣ смерти и тлѣнiя тѣ, которые видятъ предъ собою умирающихъ? Подлинно неразумны и безразсудны тѣ, которые видятъ, что послѣ этой жизни другимъ оставлять свое богатство, а сами навсегда поселятся въ гробахъ, если именъ своихъ возвышенною жизнью не вписали на небесахъ, но, возжелавъ быть именитыми на землѣ, содѣлали себя безыменными въ горнемъ градѣ. А всему этому причиной то, что человекъ не разумѣетъ собственной своей чести, но добровольно вовлекается въ скотскiя удовольствiя, будучи преданъ гортани и чреву, а по чревѣ и сквернѣ. Это составляетъ часть перваго отдѣла въ псалмѣ. Остальная же часть содержитъ въ себѣ обвиненiе въ иномъ; но опять тѣмъ же изреченiемъ оканчивается слово. И симъ, думаю, пророчество даетъ намъ видѣть любознательное свое ученiе о первой причинѣ доступа къ намъ золь,—а именно, что человекъ уподобился скотамъ страстями свойственными безсловеснымъ. Да и по уврачеванiи нашемъ отъ такого зла, совершенномъ благодатию Призрѣвшаго милосердо на родъ человеческiй, люди, снова оставивъ добраго Пастыря, па-

суться смертію, уклоняясь не на небесную, но на адскую пажить, и дѣлаясь овцами ада. Ибо сказано: *яко овцы во адъ положени суть, смерть упасетъ я* (15.). Такъ грѣхомъ снова производится въ насъ нечувствительность къ чести, даруемой намъ благодатию, и стремленіе къ безсловесной жизни. Ибо все совершающееся внѣ истиннаго разума есть безсловесіе; а безсловесіе и бессмысленность свойственны скотамъ.

ГЛАВА 13.

Излишнимъ было бы дѣломъ подробно писать о содержащемся въ псалмопѣніи, разбирая съ точностію каждое выраженіе; ибо желающій съ великимъ удобствомъ можетъ изъ сказаннаго уразумѣть и не объясненное; почему, думаю, не должно рѣчи придавать длиноту многословіемъ. Развѣ изъ доселѣ изслѣдованнаго необходимо повторить то одно, что великій Давидъ два благодѣянія оказывасть естеству человѣческому, одно тѣмъ, что индифференциально предъизображаетъ наше спасеніе, а другое тѣмъ, что указываетъ людямъ способъ покаянія, для преснѣянія въ этомъ, какъ бы какому искусству, обучая пятьдесятымъ псалмомъ, которымъ уготовляется для насъ новая побѣда надъ сопротивникомъ. Ибо умѣть очищать себя отъ худаго значитъ стать гото-

вымъ, и имѣть предлогъ къ непрестанной побѣдѣ надъ врагомъ; потому что у насъ въ жизни сей ведется непрерывная *брань къ міродержителю тмы сей, къ духовомъ изъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. 6, 12.). А какъ при всякомъ приращеніи искушенія имѣемъ у себя одну только защиту — покаяніе, то воспользовавшійся имъ съиресціянїемъ во всякое время бываетъ побѣдителемъ всегда нападающаго.

Но при этомъ, хотя (к) въ надписанїяхъ есть историческая непослѣдовательность; однако же смыслъ связуется послѣдовательно. Ибо дѣло съ Вирсавїей и Уріемъ гораздо позднѣе повѣствуемаго объ Идумеяннѣхъ Донкѣхъ. Последнее происходило въ началѣ самовластія Саулова, а первое случилось незадолго до конца царствованія Давидова. Но Духъ не заботится въ словѣ о временномъ и плотскомъ порядкѣ дѣлъ. Ибо какая для меня великая польза сперва узнать объ Идумеяннѣхъ, а потомъ прїобрѣсти свѣдѣніе о Вирсавїи? Какая въ этомъ добродѣтель? Какое восхожденіе къ лучшему? Какой урокъ для изученія высшихъ пожеланій? Но если, дознавъ тайны пятидесятаго псалма, какія слово содержитъ въ глубинѣ своей, вмѣстѣ съ симъ изучу то врачевство, какое къ сокрушенію противника дано намъ въ ученїи о по-

(к) Въ рукописи N 71 вмѣсто *каѣ* читается: *каѣ*.

кавини, такъ что чрезъ это приобрѣту навѣкъ и умѣнье къ всегдашней побѣдѣ надъ врагомъ; то смотри, сколько буду способенъ къ дальнѣйшему по порядку восхожденію, одерживая побѣду за побѣдой.

Прочитаю же тебѣ историческое надписаніе, изложенное въ такой связи: *въ конецъ, разума Давиду, всегда приими Доику идумейску, и возвьстити Саулу, и рещи ему: прииде Давидъ въ долину Авилелеховъ* (Пса. 51, 1. 2.). Изъ сего научаюсь, что тогда сіе приводитъ къ концу побѣды, когда моею жизнію, какъ у великаго Давида, управляетъ разумъ; и тогда всего болѣе огорчаю Доика, этого противника моему спасенію, пребывая въ дому іерея, когда сей прислужникъ мсковъ, не имѣя болѣе возможности сойтись со мною лицомъ къ лицу, тайно составляетъ противъ меня злоумышленіе, донося моему убійцѣ о моемъ пребываніи у іерея. Да будетъ же явво, что такое и эти мски, къ которымъ приставленъ сей Идумеянинъ, пасущій безплодную породу, для которой не нашло себѣ мѣста Божіе благословеніе, въ началѣ вложившее въ тварь способность къ размноженію, какъ сказано: *раститесь, и множитесь* (Быт. 1. 22.); потому что размноженіе порока не отъ Бога; какъ и у мсковъ не другъ отъ друга преемство рода, но всегда природа вновь производитъ сіе животное, отъ себя ухищряясь и вводя въ бытіе не суще-

ствующее въ числѣ тварей. Безъ сомнѣнія же, изъ сказаннаго явствуеть, какую цѣль имѣеть въ виду слово. Ибо если *вся, елика сотвори Господь, добра злы* (Быт. 1, 31.), а мекъ внѣ списка вошедшихъ въ число тварей, то явствуеть, что имя сіе взято въ исторію для указанія имъ на порокъ. Посему не отъ Бога имѣеть существованіе, да и ставъ тѣмъ, что онъ есть, не достаточенъ въ силахъ къ продолженію собственнаго своего бытія. Ибо какъ не само себя соблюдаетъ естество мсковъ, такъ и порокъ не остается навсегда хранимымъ самъ собою, но всякой разъ бываетъ порожаемъ инымъ, когда благородное, бодрое, скорое и высокоумное въ нашемъ естествѣ поползается въ вождельніе сочетанія съ безгласнымъ и безсловеснымъ. Итакъ этотъ иноплеменникъ Доикъ, служащій Саулу вѣстникомъ о Давидѣ, этотъ пастухъ безплоднаго стада мсковъ, не иный кто, какъ злый ангелъ, различными грѣховными страстями привлекающій къ худому человѣческую душу, на которую (а), когда увидить, что она въ дому истиннаго іерея, тогда, не имѣя возможности поразить человѣка брыканьями мсковъ, доноситъ князю злобы духа, иже дѣйствуетъ въ сыльхъ противленія (Ефес. 2, 2.). Но укорененный, яко маслина плодовита въ

(а) По рукописи N 71 читается *ъ*, вмѣсто *ъ*.

дому Божію (Пса. 51, 10.), отвѣчаетъ мучителю тѣми словами, какія слышали мы въ псалмопѣніи, которое говоритъ: *что хвалишися во злобѣ сильный беззаконіемъ* (3)? Ты, у кого языкъ, *яко бритва изношена* (4), у всякаго, на кого бываетъ возложена, похищающая благолѣпіе власовъ, и остригающая *седль пленицъ* (Суд. 16, 19.) кудрей, въ которыхъ наша сила. Конечно же изъ седмеричнаго числа, такъ какъ Исаія изчислилъ седмерично подаваемую благодать Духа, составишь себѣ понятіе о духовныхъ *пленицахъ*, за остриженіемъ которыхъ, какъ было съ Сампсономъ, слѣдуетъ утрата очей, и то, что человѣкъ дѣлается посмѣшищемъ для Филистимлянъ, когда ушюются. Но Пророкъ сказавъ, какими чертами описываются отличительныя свойства сильнаго въ пороки, присовокупляетъ, что Богъ будетъ истреблять его *до конца*, пока не *восторжествуетъ* нынѣ, и не *преселитъ* отъ божественнаго селенія, и *отъ земли живыхъ* не ископаетъ корней злобы и горечи его (7), и не совершится все то, что псалмопѣніе въ слѣдъ за симъ содержитъ въ себѣ относящагося къ той же мысли, и чемъ, по словамъ божественнаго Апостола, усвершается твердость *укорененныхъ въ рою* (Кол. 2, 7.). Ибо Пророкъ говоритъ: *азъ же яко маслина плодovitа въ дому Божію: уповахъ на милость Божію во вѣкъ* (Пса. 51, 10.), и въ продолженіе времени большее еще

этого, которому мѣра — безпредѣльность, и которое Пророкъ именуеть: *вѣкъ вѣка*: а сямъ и благодареніе Богу общается приносить вѣчно, говоря: *исповѣлся Тебѣ во вѣкъ, яко сотворилъ еси мнѣ то*, за что должно благодарить. *И терплю, продолжастъ, или Твое* (11), потому что терпѣніе для прендобныхъ Твоихъ есть благо.

Но какъ многоцвѣтный отблескъ по разнообразію цвѣта красокъ печувствительно переходитъ изъ одного цвѣта въ другой, непримѣтно смѣшивая между собою разноцвѣтные лучи: такъ можно видѣть, что сіе псалмонѣіе крайній лучъ мысли послѣдовательно сливается съ началомъ свѣтлости слѣдующаго псалма, такъ что среда между псалмами дѣлается неощутительною, потому что смыслъ предыдущаго псалмонѣія и смыслъ послѣдующаго сливаются сами собою. Ибо, *яко лилія плодовита*, укоренившійся *во дому Божію*, положившій въ себѣ незыблемое и неподвижное утвержденіе вѣры, и надежду на милость Божію благодарностию сраспростершій съ безпредѣльностью вѣковъ, приходитъ въ раздраженіе на безумствующихъ, у которыхъ верхъ безумія — обистицно Сущемъ, о Томъ, Кто надъ всѣми и во всѣхъ, сказать: нѣтъ Его. При столькихъ и столь сильныхъ доказательствахъ (разсуждаеть Пророкъ, и прежде всего указываетъ на Божіе о людяхъ промышленіе; почему твер-

дость надеждъ такъ непреложна, что желаніе исполненія, простирающееся на вѣчность вѣковъ, не утомляется), почему говоритъ *безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога? растлѣша и омерзѣша* въ таковыхъ начинаніяхъ ума (Иса. 52, 2.). Ибо отпаденіе отъ подлинно Сущаго дѣйствительно есть поврежденіе и разрушеніе существующаго. Возможно ли кому существовать, не будучи въ Сущемъ? Возможно ли кому пребывать въ Сущемъ, не вѣруя въ Сущаго, что Онъ есть? Но подлинно Сущій, безъ сомнѣнія, есть Богъ, какъ великому Моисею свидѣтельствуеть о семъ видѣніе богоявленія. Посему, кто въ мысли своей не даетъ мѣста бытію Божію, говоря, что Бога нѣтъ, тотъ, ставъ виѣ Сущаго, растлѣлъ собственное свое бытіе. Посему Пророкъ говоритъ: *поелику уклонѣшася отъ Бога, то немедленно вси непотребни быша* (4), подобно какому-то брошенному сосуду, признанному ни на что негоднымъ. А что негодно для хорошаго, то своею непригодностію для лучшаго ясно показываетъ пригодность для худаго. И такъ посему-то Господь *съ небесе прииде на сыны человеческія* (3). А таковое слово предугазуетъ Господне сопробываніе съ людьми въ то время, когда предводителямъ въ цевѣріи, священникамъ, фарисеямъ, книжникамъ, съ покорностію послѣдовали всѣ. Ибо они хульными своими зубами терзали и поядали народъ. Потому ска-

зано у Пророка: *тало устрашишиася страха, идъже не бѣ страхъ, сподающіи люди Моя съснѣдъ хлѣба* (5. 6.), подобно какъ и страждущіе недугомъ водобовзпи, для которыхъ, если сдѣлается возможнымъ принять въ себя воды, для страждущаго будетъ сіе врачевствомъ отъ недуга. Но они боятся почему-то предлагаемаго въ спасеніе, и чуждаются спасающаго, по страху не погибнуть, уготовляя себѣ гибель. Такъ и Іудей, когда взываетъ къ цимъ Источникъ: *аще кто жаждетъ, да приидетъ ко Мнѣ, и пьетъ* (Іоан. 7, 37.), поелку чувствительна души были у нихъ предварительно объяты неистовствомъ невѣрія, *устрашишиася страха, идъже не бѣ страхъ*, отвращаясь отъ спасительнаго питія, не зная того, что въ родѣ праведныхъ бываетъ Богъ, дающій *отъ Сіона спасеніе Израилю, и плъненіе людей Своихъ*, отъ лукаво плѣнивашаго насъ грѣхомъ, снова возвращающій къ Себѣ (Пса. 52, 7.), когда въ веселіи и радованіи истинный Израильтянинъ и духовный Іаковъ.

По сему таковъ смыслъ псалмопѣнія, какъ, по сказанному теперь, можно находить въ выраженіяхъ сего псалмопѣнія. Но съ снмъ смысломъ согласно и надписаніе псалма. Ибо надписаніе даетъ видѣть, что псалмопѣніе сіе есть побѣдная пѣснь, разумно возглашаемая ликомъ. Ибо сказано: *въ конецъ, о Малееѣ, разумна Давиду* (Пса. 52, 1.); а Малееѣ толкуется

ликъ (м). И вмѣсто сего: *въ конецъ*, иные толковники написали: побѣдная пѣснь.

Послѣдовательно за симъ поступающее далѣе слово, снова соображаясь съ понятіями, приобрѣтаемыми (н) по мѣрѣ преспѣянія, примѣняетъ къ нимъ сказанное въ исторіи загадочно. Когда бездѣйственнымъ противъ насъ дѣлается Доикъ, этотъ Идумеянинъ, пасущій въ себѣ безплодную породу мсковъ (а и въ предшествовавшемъ словѣ сказано то, что животнымъ симъ означается грѣхъ; потому что и грѣхъ есть плодъ безплоднаго онаго дерева, которое въ Писаніи именуется *добрый и лукавый* (Быт. 2, 9.), добрымъ; такъ какъ грѣхъ, за которымъ гонятся плотоябцы, какъ за добромъ, прикрытъ приманками удовольствія, и также лукавымъ; ибо, за чѣмъ гонимся теперь, какъ за прекраснымъ, то приводитъ къ горькому концу: равно какъ и въ представляемомъ животномъ можно видѣть знаки двухъ породъ, коня и осла, такъ что мскъ есть вмѣстѣ конь и оселъ, но не раздѣльно тотъ и другой, а въ одномъ животномъ два, потому что двоякая природа животныхъ соединилась къ произведенію сего животного); посему, когда доносчикомъ мучителю о пребываніи

(м) Переводъ сдѣланъ по рукописямъ.

(н) По рукописямъ читается: *εὐφροσύνης*.

нашемъ у іерея содѣлается оный умопредставляемый нами иноплеменникъ; а потомъ сего величающагося порочностію и приобрѣтшаго силу въ беззаконіи, при помощи Божіей, лишимъ мы владычества, и исторгнувъ изъ земли живыхъ, искоренимъ его; содѣлавшись масляною, увеселяемою и обременяемою множествомъ плодовъ, и будучи уснаены надеждою на Бога, ликовствуя, воспоемъ побѣдную пѣснь надъ побѣжденнымъ: тогда по всему праву поступимъ въ вышнее, въ подлинномъ смыслѣ, по словамъ Пѣсни, *скача на горы, и прескача на холмы* (П. Пѣсн. 2, 8.). Итакъ что же это за гора, на которую (о) теперь перескакиваетъ слово съ прежней горы мыслей? Иная снова побѣда, и иныя по побѣдѣ *пѣсни разума*, слагаемая *Давиду*. Вызываетъ же здѣсь на подвиги не стадо уже мекковъ, но племя Зифеевъ, которые, засѣвши въ тѣнищахъ злойнаго восхожденія, когда не возмогутъ воспринятьствовать намъ совершить шествіе тѣнищами, тогда снова поспѣшать къ Саулу (и) опечаленному нашимъ спасеніемъ. Ибо сказано: *въ конецъ, въ пѣсняхъ разума Давиду, внигда приити Зифеемъ, и рещи Саулови: се Давидъ скрися въ насъ* (Пса. 53, 1. 2.). Конечно же, кому не

(о) По рукописи N 71 вмѣсто $\epsilon\phi^{\circ} \delta\alpha$ читается $\epsilon\phi^{\circ} \delta$.

(и) Переводъ долженъ по рукописи N 71.

неизвѣстна исторія, тотъ знаетъ пѣкое тѣсное и знойное мѣсто, упоминаемое въ этой страницѣ. А подъ симъ утѣсеннымъ проходомъ поимамъ евангельскій путь царства, на которомъ преграждаютъ шествіе Зифен, то есть иноплемешное полчище демоновъ, эти служители сопротивной силы, и которыйи находятъ не многіе, отвращающіеся пути широкаго. Буквально же исторія сія читается такъ: *не се ли Давидъ скрыся у насъ въ Мессаръ во узинахъ на холмъ* (1 Цар. 23, 19.)? Ибо дѣйствительно въ сей тѣспотѣ укрываются живущіе по Богу. А путь сей указываетъ намъ новый завѣтъ, съ помощію котораго можно взойти на самую высокую вершину горы, въ историческомъ разсказѣ именуемую холмомъ. Посему, когда безпреткновенно проходимъ оный тѣсный путь, Зифен о нашемъ спасеніи доносятъ мучителю; а мы имени Спаснаго предоставляемъ власть судить насъ ко благу, говоря: *Боже, во имя Твое спаси мя, и въ силу Твоей суди ми* (Пса. 53, 3.). Ибо совершившееся изображено въ словѣ, какъ ожидаемое. Такъ Писаніе не обращаетъ вниманія на точность показаній времени. Ибо пророчество и о будущемъ многократно повѣдывало, какъ о прошедшемъ, и о бывшемъ, какъ объ ожидаемомъ, что можно видѣть (р)

(р) Въ рукописи N 71 читается *לעין ידעו*.

и въ семь псалмопѣннѣ къ концу его. Не сказалъ Пророкъ: воззрѣть, но *воззрѣ око мое на врати моя* (9). Изъ сего дознаемъ, что для Бога нѣтъ ничего, ни будущаго (с), ни прошедшаго, но все въ настоящемъ, такъ что при реченіяхъ о Божіей силѣ, имѣютъ ли они какое значеніе прошедшаго, или будущаго, попятіе не выходитъ изъ предѣловъ настоящаго. Посему вступившій на путь знойный и тѣсный, и обратившій въ бѣгство сконище Зифсева, говоритъ Богу: во имя Твое совершилось наше спасеніе, и въ Твоемъ владычествѣ имѣеть силу судъ нашъ во благо, и всегда будетъ это. А за сіе Пророкъ призываетъ Божіи слухъ выслушать благодаренія, сказуя о возстаніи чуждыхъ и сильныхъ въ злобѣ, о взысканіи души его тѣми, къмъ предводитъ не Богъ, но противникъ Божій. Ибо говоритъ поэтому: они *не предложима Бога предъ собою* (5), а мнѣ *полагаетъ Богъ* (6), возвращающій зло изобрѣтателямъ злобы, истиною же уничтожающій все, что враждебно истинѣ и иноплеменно съ нею. А я, говоритъ Пророкъ, возблагодарю Того, въ Чье имя спасенъ, потому что благодарность для меня благо съ тѣхъ поръ, какъ избавился я отъ скорбей, и своими глазами увидѣлъ уничтоженіе враговъ.

(с) Дополнено по той же рукописи.

Ибо пророческое око увеселяется этимъ, когда неусматривается болѣе ничего сопротивнаго добродѣтели. А по истребленіи порока, который, какъ врагъ, противостоятъ добродѣтели, не останется уже и имени враговъ. Ибо кто еще назовется врагомъ, когда не живетъ болѣе вражда (т), но, какъ говоритъ Апостоль, убилъ ее Мпръ (Ефес. 2, 14. 16.).

Но чтобы высказанную теперь мысль приложить къ словамъ псалмопѣнія, прочти до буквы самое псалмопѣніе, по порядку поставленное пятьдесятъ третьимъ. Пророкъ, когда преодолѣлъ уже Зифеевъ, увидѣлъ конечную гибель порока, снова пришедши въ сознание содѣйствія свыше, воспѣваетъ побѣдную пѣснь Богу. Ибо надписаніе читается такъ: *въ конецъ, въ тѣнехъ разумна Давиду.*

Но какъ въ тѣлесныхъ борьбахъ подвижники ведутъ дѣло не съ тѣми же сопротивниками, которыхъ преодолевали на поприщѣ въ молодости, напротивъ того по мѣрѣ возрастающей у нихъ силы, выходятъ на противоборниковъ, которые больше и ростомъ и крѣпостию; а если и этихъ одолѣютъ, вступаютъ въ

(т) По рукописи N 71 вся рѣчь послѣ словъ: „пророческое око увеселяется,“ выражено короче, и именно такъ: когда нѣтъ уже ничего враждующаго на добродѣтель; потому что по обнаруженіи у всѣхъ мира, не останется и силы у враговъ.

борьбу съ превосходнѣйшими и ихъ, всегда соразмѣрно приращенію силъ своихъ выбирая для борьбы сильнѣйшихъ противниковъ; такимъ же образомъ и тотъ, кто много разъ отличался побѣдами надъ врагами, дѣлаеть побѣды свои еще болѣе знаменитыми, вступая въ битву съ противоборниками болѣе знаменитыми и важными. И поэтому просить Подвигоположника объ ушельщаніи, говоря: *внуши Боже молившую мою, и не презри моленія моего* (Иса. 54, 2.). Просить также обратить вниманіе на подвигъ его, продолжая рѣчь: *воини ми, и услыши мя* (3). Указываетъ въ словѣ на трудности подвиговъ, описывая печаль, затрудненіе, смятеніе сердца, *вражій гласъ, стуженіе грѣшнице* (4), открывая сіе Самому Подвигоположнику, какъ цѣкія пораженія, нанесенныя на поприщѣ противоборниками, и сверхъ этого еще *смятеніе сердца, боязнь смерти, страхъ и трепетъ, мракъ*, объявшіи всю его жизнь, (5. 6.); почему, чтобы преодолѣть столько трудностей и стать выше ихъ, для всего этого нашелся одинъ только способъ—окрыться ему крыльями голубиными, и поднявшись выисрѣ, тамъ остановить полетъ въ такомъ мѣстѣ, которое, будучи безопасно отъ всѣхъ золъ, изобилуетъ дарами божественными. Ибо говоритъ Пророкъ: *водворившись въ пустыни отъ дольняго малодушія и бури искушеній* (8. 9.), тамъ я получилъ спа-

сеніе Божіе, гдѣ уничтожается порокъ. Такъ какъ слово: потопъ у Пророка означаетъ уничтоженіе, потому что все поступившее въ глубину уничтожается. Посему погруженіе въ глубину и гибель грѣха есть сокрушеніе порочнаго общества. Потому сказано, что топчется Богомъ зло, когда раздѣляются Имязъики соумьняющихъ злое. И что еще дальѣе содержитъ въ себѣ смыслъ сего псалмопѣнія, изображеніе города, населеніе его дурными предначнаніями,—все это клонится къ тому же. Ибо Пророкъ именуешь и перечисляетъ худыхъ обитателей сего города, сказуя, что *беззаконіе и прерываніе во градѣ* (10), *пощюю* *входятъ по стѣны*, и еще *беззаконіе, трудъ и неправда* ищутся *посредь* града (11). Показываетъ же, какая злая толпа наполняетъ стогны его, именуя *лихбу и леть* (12), самое же тяжкое изъ всего этого, здѣсь поименованнаго, по словамъ Пророка, есть *лицемѣріе*, которое, принимая на себя равнодушную и показывающую знаки любви царужность, подъ этимъ добрымъ покровомъ скрываетъ обманъ. Посему правдивый Судія посылаетъ поселенцевъ, которые достойны таковыхъ жителей. Хочешь ли знать имена сихъ поселенцевъ? Сказано: *да придетъ смерть на ны, и да снудутъ во адъ живи* (16.). И изобразивъ словомъ все горести, какія постигнутъ ихъ, Пророкъ прилагаетъ это утѣждающее изреченіе, кото-

рымъ и препобѣдилъ градъ со всѣмъ его наполненіемъ, говоря: *азъ же уповаю на Тя* (24). Полноту же сего города называетъ *мужали кровей и лети*, которые не преполовляютъ лукаваго дня, какаго бы рода онъ ни былъ, и не оставляютъ лукавства не доконченнымъ, но достигаютъ совершенства во злѣ. Побѣдителемъ всѣхъ ихъ дѣлается Пророкъ симъ единымъ изреченіемъ, которымъ выражаетъ расположеніе къ Богу, говоря: *азъ же уповаю на Тя*.

ГЛАВА IV.

Человѣкъ трудолюбивый, дошедши до сихъ мыслей, пусть самъ читаетъ богодухновенныя изреченія псалмопѣнія, чтобы не утруждать его намъ, излагая все до буквы, и продолжая дѣлать свой взглядъ на каждую мысль. Какъ совершающіе путь, который простирается далеко въ высоту и съ трудомъ проходимъ, когда встрѣчаютъ на дорогѣ мѣсто, гдѣ можно сѣсть, отдыхаютъ тамъ долго, смотря по труду, какой ими подъятъ, а когда силы ихъ снова укрѣпляются, побуждаютъ себя къ продолженію остальнаго пути: такъ и идущій путемъ добродѣтели, для котораго совершаемые имъ переходы суть побѣды надъ сопротивниками, какъ свидѣтельствуешь надписаніе предыдущаго псалма, подкрѣпивъ себя одержанною побѣдою,

снова простирается къ другой предстоящей ему побѣдѣ. Велико и то бореиіе, которое преодолевъ онъ въ упомянутомъ псалмѣ: скорбь, затрудненіе, смятеніе, вражду, молву (ибо это значитъ *гласъ вражій*), *стуженія зрънища* и гнѣвъ негодующихъ, отъ чего происходятъ: смятеніе ума, боязнь смерти, страхъ, трепеть, тма и тому подобное. Посему, кто превозмогъ столь многихъ и сильныхъ противниковъ, на крылахъ какъ бы голубицы, явившейся міру, и отъ презобилующихъ пороками преселился въ пустыню, не произращающую плевель лукавства, гдѣ пріобрѣтается унокосіе одолѣніемъ цѣлаго города сопротивниковъ и всей полноты населяющихъ его (а населяютъ городъ сѣи беззаконіе, трудъ, прерѣканіе, лихва, лѣсть, смерть, истрежденіе жизни во адъ, и злѣйшій всѣхъ родъ — всегдашнее лицемеріе обитателей, которое подъ видомъ единодушія дѣйствуетъ злокозненно, и побѣдителемъ котораго бываетъ тотъ, кто во все время собственной жизни своей непрерывно сохраняетъ упованіе на Бога; ибо словами: *вечеръ и заетра и полудне* (Иса. 54, 18.), объемлетъ Пророкъ цѣлую дневную мѣру, въ продолженіе которой говорилъ онъ то, что благоволилъ услышать Богъ, избавляющій жизнь миромъ отъ приближающихся къ нему въ такомъ великомъ множествѣ, которыхъ онъ именуеть мужами крови и лети и совершенными въ порокѣ); итакъ

кто надеждою на Бога одержалъ верхъ надъ столь многими и сильными врагами, тотъ, какъ бы приведя въ нѣкое забвеніе показанные имъ труды, снова востаетъ на борцевъ еще болѣе сильныхъ и могущественныхъ.

Ибо вотъ какой новый трудъ беретъ на себя Пророкъ за прежніе подвиги. *О людехъ*, говоритъ онъ, *отъ святыхъ удаленыхъ* (Иса. 55, 1.). Люди же эти—вся полнота человечества, которую удаленіе отъ святыхъ заповѣдей на какое-то великое и безпредѣльное разстояніе, какъ бы стѣною, поставленною въ среднѣ, отдѣлило отъ Бога. Сихъ-то людей призываетъ побѣдою надъ сопротивникомъ, въ награду подвиговъ назначая спасеніе погибшихъ; почему заслугу сію выставляетъ на столбѣ въ неизгладимыхъ писменахъ памяти, увѣковѣчивающей событіе. Посему побѣда одерживается *Давиду въ столѣписаніе*, *всегда*, говоритъ онъ, *удержаша и иноплеменицы въ Гевѣ* (1). Но чтобы не укрылся отъ насъ смыслъ, сотканный въ этомъ словѣ изъ историческихъ загадокъ, повторю сію исторію, сокративъ въ немногія слова. Зависть къ Давиду при побѣдѣ его надъ Голиаѳомъ въ жестокой душѣ Сауловой порождена похвазоутѣхъ, которые лгуя веселились во причинѣ сей побѣды. И Сауль всѣми способами, и тайно, и явно, уготовлялъ Давиду смерть: то скрытно строилъ ему козни, то, въ слѣдъ за

симъ, явно припимаяся за оружіе, и возстав-
лялъ на него подданныхъ. Но послѣ многихъ,
многократно дѣланныхъ Сауломъ, покушеній
на жизнь Давида, наконецъ принедни къ Зи-
феямъ, Давидъ поселился въ одномъ городѣ у
иноплемешниковъ, добровольно принявшихъ его
къ себѣ. Тамъ жилъ онъ съ своими сподвиж-
никами, имѣя при себѣ двухъ законныхъ жещъ,
изъ которыхъ одна была Израильтянка, а дру-
гая, бывъ прежде женою одного изъ владѣте-
лей на Кармиѣ, по смерти его стала сожи-
тельницею Давидовою. Вотъ что содержитъ въ
себѣ исторія.

Посему то, что Давидъ удержанъ у инопле-
менниковъ, не означаетъ, что удержаніе сдѣ-
лаю съ худымъ намѣреніемъ, ибо не то было
на дѣлѣ; а напротивъ того означалось симъ
исполненное любви и дружеское расположеніе,
ибо Гееи поселяютъ у себя изгнаннаго изъ
земли отечественной. Итакъ что же? Ужели
это сынъ Іессеевъ Давидъ—человѣкъ отъ чело-
вѣковъ, столько преуспѣлъ своими подвигами,
что весь человѣческій родъ, удаленный отъ
Бога за преступленіе святыхъ заповѣдей, снова
призвалъ къ Богу, и показалъ ему гадатель-
ный смыслъ столпописанія? А кто столпописа-
ніемъ наименоуетъ Писаніе богодухновенное,
тотъ не погрѣшитъ. Или не явствуетъ изъ
самой связи исторіи, что столько великъ Тотъ,

Кто сталъ внѣ предѣловъ естества (у); поселилъ городъ у иноплеменныхъ Себѣ, нашель Себѣ покой въ двойномъ бракѣ, взявъ одну супругу изъ Израильскаго рода, и другую съ ложа иноплеменниковъ, такъ что, если слово о Немъ надлежитъ привести въ большую ясность, то Онъ есть вмѣстѣ Побѣдитель и Женихъ. Ибо, какъ сильный въ брани, преодолѣлъ имѣющаго державу смерти, и тѣмъ нещестный народъ, содержимый въ адѣ, извелъ на свободу; а когда народъ Израильскій по зависти и ревности устремился на убіеніе Его, удерживается Онъ по благорасположенію иноплеменниками, и у нихъ созидаетъ градъ, разумью Церковь; и здѣсь-то утверждаетъ царство Свое Изрекшій подчищеннымъ Сауловымъ: *отбимется отъ васъ царствіе, и дастся языку творящему плоды его* (Матѣ. 21, 43.). Въ этомъ-то градѣ есть нѣсколько и благородныхъ Израильтянъ, но пророческому изреченію, въ которомъ сказано: *въ церквахъ благословите Бога, Господа отъ источниковъ Израилевыхъ* (Пса. 67, 27.), ибо начавшіе слово вѣры, проповѣдники истинны, основатели Церкви, разумью учениковъ и Апостоловъ, были *отъ источниковъ Израилевыхъ*. *Князи Иудовы, говоритъ Пророкъ, владыки ихъ,*

(у) По рукописи N 71 вмѣсто τῆς Ἰουδαίας читается: τῆς γῆς.

князи *Завулони*, князи *Нефѳалимлі* (28). Сими признаками и указаніями пророчество предозначаетъ родовыя отличія учениковъ. Между ними и *Веніаминъ юнѳий*, во ужасъ обученный тайнамъ, отъ сѣмени Авраамова и колѣна Веніаминова, божественный Апостоль Павелъ. Впрочемъ, если и повѣствуется, что Царь имѣеть въ сожительствѣ Израильтянку, то больше любима имъ Авигея, съ которою сожительствовалъ сперва обитатель Кармила Навая, по прозванію — *человѣкъ звироправекъ* (1 Царств. 25, 3.), суровый горецъ, стригущій овецъ, по смерти котораго жена сія сожительствуетъ съ царемъ, и дѣлается матерью царей.

Итакъ надписаніе псалмонѣнія заключаетъ въ себѣ столько тайнъ, означая побѣду (Ф) надъ людьми, *отъ святыхъ удаленными* (Пса. 55, 1.), и за успѣхи надъ иноплемениками воздвигнутой столпъ, который начертанными на немъ писменами держащимся іудейскаго невѣрія служилъ въ укоризну, а спасающимся вѣрою—въ путеуказаніе къ добру и въ образецъ. Самыя же изреченія псалмонѣнія, какъ мнѣ болѣе кажется, относятся не столько къ пришедшему отъ Давида (х) царю, сколько къ самому Давиду, борцу съ порокомъ, и дѣла-

(Ф) Слово: побѣду (*νίκη*) читается во пѣтихъ рукописяхъ.

(х) Сіе: *отъ Давида* допущено по рукописяхъ.

телю добродѣтели. Но никто не можетъ сказать, будто бы заключающіяся въ псалмопѣніи мысли не согласны съ загадочными указаніями надписанія (ц). Ибо кто истинно, и какъ должно, взираетъ на богословіе; тотъ, безъ сомнѣнія, покажетъ жизнь согласную съ вѣрою. А сіе не иначе возможно, какъ по изложеніи плотскаго возстанія уиращеніями въ добродѣтели. Для добродѣтели же главное—Божія помощь, которой сподобляется своею жизнію пресвоившій себѣ Божию милость. Какъ инойъ при внезапномъ нашествіи какого либо разбойника, или убійцы, для избѣжанія опасности, не довольствуясь самимъ собою, призываетъ на помощь кого-либо изъ друзей; такъ и здѣсь вступающій въ битву для борьбы съ челоуѣкомъ (а именуя челоуѣка, Пророкъ собирательнымъ снмъ именемъ указываетъ на немощи естества) призываетъ помощь свыше, говоря, что попираетъ его борющій, что онъ подавленъ и приведенъ въ отчаяніе продолженіемъ борьбы во весь день; что не одинъ врагъ вступаетъ съ нимъ въ борьбу; напротивъ же того одинъ этотъ челоуѣкъ есть цѣлая толпа враговъ. *Попраша мя, говоритъ Пророкъ, врази мои весь день, съ высоты (З), низлагая тѣмъ са-*

(ц) По всѣмъ рукописнямъ вмѣсто τῆς γραφῆς читается: τῆς ἐπιγραφῆς.

мымъ, что они выше попираемаго. И не днемъ, не при свѣтѣ совершается это; вспомошествоемый свѣтомъ неубояся бы я; почему говорить: *въ день не убоюся* (4), и даетъ видѣть умалчиваемымъ, что тмою наводятъ на него страхъ враги. Впрочемъ таковой борецъ дѣлаетъ для себя днемъ надежду на свѣтъ, которымъ уничтожается тма. *Въ день не убоюся, азъ же уюв аина Тя.*

Но, можетъ быть, иный лучше постигнетъ смыслъ написаннаго, принимая во вниманіе загадочный смыслъ надписанія. Пока *людіе* (родъ человѣческой) удалены были отъ святыхъ Ангеловъ; попирали ихъ немощи естества, подавляла и сокрушала продолжительность брани, пизлагами высшіе, и имѣли они страхъ во время почи. Но когда стали надѣяться на Бога, свергнувъ съ себя, какъ бремя, обманчивую надежду на суетное; тогда восхвалили слова свои, которыя не иное что, какъ неовѣданіе вѣры. Ибо Пророкъ говоритъ: *о Бозь похвалю слова мои* (11). Но сими похвальными словами, говоритъ онъ еще, враги мои *инушаются*, изобрѣтая на мя *помышленіа на зло* (6), пока живу съ ними, строятъ мнѣ тайныя и скрытныя козни; дѣлая свое дѣло, не перестаютъ всегда подстерегать *пяту мою* (7), такъ какъ изъ начала дѣломъ *человѣкоубійцы—блюсти пяту* *человѣка* (Быт. 3, 15.). Но если и тяжело прираженіе неприятелей; при

Твоемъ содѣйствіи будутъ они отражены; потому что спасеніе даруется Тобою людямъ, не за дѣла праведности, но по одной Твоей благодати. Сказано: *ни о чесомъ спасешь ихъ* (8) (ч). И все дальнѣйшее послѣдованіе сего псалмопѣнія объясняетъ призваніе человѣческаго рода, а самое главное въ немъ — неизгладимый памятникъ побѣды надъ сопротивникомъ, какъ бы на столпѣ Божіа человѣколюбія показуемый всей твари въ поводъ къ славословію. Посему Пророкъ, какъ бы взирая на этотъ столпъ, въ послѣднихъ стихахъ псалмопѣнія говоритъ: *о Бозь похвалю магомъ, о Господь похвалю слово* (11). *На Бога уповахъ.* При Его помощи страха плотскаго уже *неубоюся* (12). *Во мнѣ, продолжаетъ, молитвы, яже воздамъ хвалы: яко избавилъ еси душу мою отъ смерти, и нозъ мои отъ поползновенія* (13. 14.). А поползновеніемъ называетъ уклоненіе отъ хожденія по заповѣдямъ, отъ котораго произошло паденіе. Посему, будучи избавленъ отъ смерти и возставленъ отъ паденія, представляется лицу Божію, отъ котораго былъ удаленъ, когда первоначально вкусилъ отъ запрещеннаго заповѣдію, и отъ стыда сокрылъ себя подъ тѣнію смоковницы. Итакъ, воспріавъ

(ч) Славянскій переводъ предполагаетъ другое чтеніе 8-го стиха. Ибо переведено: *ни о чесомъ же отринеши я.*

снова дерзновеніе, возстановляется для оживляющаго свѣта. Ибо говоритъ: *благоволѣху предъ Господемъ во свѣтъ живыхъ* (14), откуда въ началѣ отчужденъ былъ грѣхомъ.

И о семъ довольно. Ибо думаю, что не должно, изслѣдывая неутомимо каждое реченіе, безъ мѣры длить слово. Но поелику въ священныхъ пѣснопѣніяхъ много псалмовъ побѣдныхъ, на которые указываетъ надписаніе: *въ конецъ*, и въ нихъ побѣда надъ сопротивниками разсматривается со многихъ сторонъ; то естественно имѣть особое нѣкое значеніе той побѣды надъ противоборствующими, которая изображается историческими загадками, разумѣю же исторію, описывающую дѣла Сауловы. Порядокъ сихъ псалмовъ состоитъ не въ послѣдовательности историческихъ событій, но онъ слѣдовалъ оказываемымъ преспѣніямъ въ добродѣтели. Каждое изъ открывающихся событій поставлено такъ, чтобы служило доказательствомъ возрастанія въ добродѣтели, и первое и послѣднее приведено въ послѣдовательную связь относительно къ добродѣтели, и порядокъ не порабощенъ вещественному стеченію событій. Посему послѣ многого другаго описывается прежде многихъ событій бывшая встрѣча въ нещерѣ Саула, стремящагося къ убійству, и Давида, уклоняющагося отъ убійства; гдѣ возможность совершить убійство извратилась до противоположности. Кого

преслѣдовали, чтобъ предать смерти, тому открывається случай убить желающаго его смерти; онъ имѣеть возможность, а съ возможностью и силу совершить казнь надъ врагомъ; но вмѣсто врага убиваетъ въ себѣ свою раздражительность.

Хотя, конечно, всякому, кто поверхностно не занимается божественнымъ, известна эта исторія; однако же перескажемъ ее кратко, сколько можно будетъ, сокративъ повѣствованіе о семъ въ немногихъ словахъ. Въ Іудеи было нѣкое пустынное мѣсто, въ которомъ въ нуждѣ своей имѣлъ пристанище гонимый Давидъ. Тамъ находилась какая-то просторная пещера, которая однимъ только устьемъ принимала въ себя укрывающихся въ нее. Когда же Саулъ искалъ Давида, и со всѣмъ воинствомъ осматривалъ сію пустыню; Давидъ и бывшіе съ нимъ по необходимости убѣгають въ пещеру. И когда они были уже въ пещерѣ, входитъ за ними въ устье ея и Саулъ исправить нѣкоторую пужду, не зная впрочемъ о вопеднихъ туда случайно вонпахъ, угрожающихъ его безопасности. Посему Саулъ, оставшись одинъ, снялъ съ себя верхнюю одежду, и положилъ подлѣ себя, но скрывающагося внутри во мракѣ былъ онъ виденъ, освѣщенный лучемъ изъ устья. Всѣ прочіе, бывшіе съ Давидомъ, возимѣли рѣшительную мысль броситься на врага, и пришедшему для убійства

отмстить, когда какъ бы Самъ Богъ далъ врага въ руки гонимымъ на смерть. Но Давидъ удержалъ ихъ порывъ, признавъ непозволительнымъ поднять руку на царя своего. Обнаживъ же мечъ, вынутый изъ ноженъ и непримѣтно ставъ позади Саула, когда покушеніе на жизнь могло совершиться безъ свидѣтелей, потому что мракъ въ пещерѣ, затрудняя зрѣніе, все дѣлаемое въ ней укрывалъ отъ обличенія, и потому была возможность однимъ ударомъ въ спину вопзять весь мечъ въ сердце, онъ не коснулся, даже не подумалъ коснуться Саулова тѣла. Но тайно мечемъ отрѣзываетъ *воскриліе* верхней одежды (1 Цар. 24, 6.), чтобы въ послѣдствіи эта риза свидѣтельствовала о Давидовомъ человеколюбіи къ Саулу, отрѣзаніемъ *воскрилія* показывая возможность нанести ударъ и его тѣлу. Риза дѣлала явнымъ, какому долготерпѣнію обучился Давидъ; въ рукѣ былъ у него обнаженный мечъ, а подъ рукою тѣло врага; имѣлъ онъ возможность и убить сего врага, однакоже, и раздраженіе преобѣдивъ разсудкомъ, и возможность нанести ударъ—страхомъ Божиимъ, не только превозмогъ собственный гнѣвъ, но и оруженосца, стремившагося къ убіенію Саула, удержалъ произнесеніемъ достославныхъ этихъ словъ, сказавъ ему: *не убивай Христа Господня* (1 Цар. 26, 9.). Итакъ Саулъ выходитъ изъ пещеры, не зная, что тамъ было, и надѣвъ на

себя обрѣзанную одежду. Выходить съ нимъ, но сзади, съ безопасностію для себя самаго, и Давидъ, и взошедши на бывшій надъ пещерою холмъ, показываетъ въ рукѣ воскресиле (а это было не иное что, какъ безкровный памятникъ побѣды надъ сопротивниками), и громнымъ голосомъ вскричавъ Саулу, извѣщаетъ его объ этой новой и чудной доблести, которой не осквернилъ онъ, обагривъ кровію, при которой, и доблестный мужъ побѣдилъ, и побѣжденный спасается. Ибо не паденіемъ врага свидѣтельствуется Давидова доблесть; но поелику сопротивникъ спасенъ отъ опасности, то еще болѣе явнымъ содѣлывается превосходство силы въ имѣющемъ столько упованія, что не въ гибели противоборствующихъ поставляетъ онъ свое спасеніе, но, и окруженный злоумышляющими, какъ бы никто не думалъ оскорбить его, почитаетъ себя безопаснымъ. Лучше же сказать, Писаніе сею исторіею участь, что преимуществующій добродѣтелию оказываетъ мужество свое не противъ соплеменниковъ, но противъ страстей. Посему таковою Давидовою доблестію охлаждается раздраженіе въ обоихъ. Давидъ собственнымъ разсудкомъ истребляетъ въ себѣ личный свой гнѣвъ, угашаетъ гнѣвъ (ш), располагающій ко

(ш) По рукописямъ читается: *καταβίβατος* а ис: *κατασκινα-
σатос*.

мщенію. А Саулъ оказаннымъ ему человеколюбіемъ умертвилъ въ себѣ злобу на Давида. Ибо изъ той же исторіи можно дознать, что говоритъ онъ послѣ сего побѣдителю, приводимый въ стыдъ тѣмъ, на что покушался, плачемъ и слезами, доказывая внутреннее свое отвращеніе отъ злобы.

Посему, сколько видно сіе изъ исторіи, таково содержаніе пятьдесятъ шестаго псалма; самыя же реченія надписанія, которыми указывается на встрѣчу въ пещерѣ, изложены въ слѣдующемъ видѣ: *вз конецъ, да не растлшиши, Давиду вз столпописаніе, внигда ему отбѣгати отъ лица Саулова въ пещеру* (Пса. 56, 1.). Но чтобы видно было, сколько съ симъ надписаніемъ согласны содержащіяся въ псалмопѣвни мысли, время теперь въ немногихъ словахъ замѣтитъ, какой въ нихъ образъ воззрѣнія, изложивъ напередъ богодухновенныя изреченія. *Помилуй мя Боже, помилуй мя: яко на Тя упова душа моя, и на стнь крилу Твоею надьюся, дондеже преидетъ беззаконіе* (2). Псалмопѣвецъ молить за упованіе на Бога и за твердую на Него надежду воздать Божиимъ милосердіемъ. *Дондеже преидетъ беззаконіе*, говоритъ онъ. Но чтобы мысль сія сдѣлалась для насъ болѣе ясною, разберемъ слово сіе такъ: свойство грѣха—быть непостояннымъ и преходящимъ. И въ началѣ не вмѣстѣ съ тварію все Сотворившимъ и Осуществившимъ при-

веденъ онъ въ бытіе, и не всегда пребываетъ съ существами. Ибо что существуетъ отъ Сущаго, то и въ бытіи всегда пребываетъ. А если что происходитъ не отъ Сущаго, и сущность чего имѣетъ состоятельность не въ томъ, что оно есть, но въ томъ, что оно не добро; то сіе — какая-то трава, растущая на кровлѣ, немѣющая корня, не сѣянная, невоздѣланная; хотя въ настоящемъ безноконтѣ она своимъ несостоятельнымъ прозябеніемъ, но въ послѣдующее время, при возстановленіи вселенной въ доброе состояніе, конечно проходитъ и уничтожается, такъ что зла, встрѣчающагося (ш) намъ нынѣ, въ той жизни, какая предстоитъ по упованію, не останется слѣда. Ибо сказано: *еще мало, не будетъ грѣшника: и възвѣщи мѣсто его, и не обрящѣши* (Пса. 36, 10.). И такъ пророческое слово въ началѣ сего псалмопѣнія любомудрствуетъ, въ возвышенныхъ ученіяхъ излагая естествословіе порока. Оно учитъ, что до тѣхъ поръ имѣемъ пужду въ содѣйствіи милосердія, *дондеже* жизнь нашу *прейдеиъ беззаконіе*, ко вреду нашему вошедшее въ жизнь. Таковое же содѣйствіе даруетъ намъ упованіе на могущество Содѣйствующаго и вооруженіе себя сѣнію криль Божіихъ. И

(ш) Въ рукописи N 71 читается: *επιπελάζοντας*, а не *επιπολάζοντας*.

кто подъ сѣнію крилъ Божіихъ, служащею для насъ покровомъ, будетъ разумѣть добродѣтели, тотъ не погрѣшитъ. Ибо само Божество, каково Оно въ естествѣ Своемъ, пребываетъ недоступнымъ и нестижимымъ естеству человѣческому, по неизреченности Своей паря горѣ превыше человѣческаго разсудка. Но въ сѣннописаніи добродѣтелей взирающимъ на оное открываются нѣкоторыя существенныя черты неизреченнаго Естества, такъ что всякая мудрость, благоразуміе, вѣдѣніе и всякій способъ постигающаго что-либо мышленія суть не самыя крила Божіи, но сѣнь Божіихъ крилъ. Но великое для насъ благодѣяніе и сѣнь. Ибо Пророкъ говоритъ: *воззову къ Богу вышнему, Богу благодѣявшему мнѣ* (Пса. 56, 3.). Этою сѣнію, которую дольнему міру послалъ Богъ съ высоты, *спасе мя* (4) осѣнившимъ въ облакѣ Духомъ, и тѣхъ, которые, по сказанному въ прежнихъ псалмахъ, попирали меня, поставилъ цынѣ въ рядъ укоряемыхъ. Ибо *посла Богъ милость Свою и истину Свою, и избави душу мою отъ среды скимновъ* (5). Подлинно скимнами были для меня прежде грѣхи, скимнами львовъ, которые страшли настію и остріями когтей терзали меня. Но пришли помощники, *милость и истина*—эта прекрасная чета; потому что и милость не безъ суда, и истина не безъ милости. И ими-то избавлюсь отъ сопревыванія съ сими скимнами.

Звѣри же сіи, говорятъ Пророкъ, *сынове чело-
вѣчестіи, зубы ихъ оружіи и стрѣлы, и языкъ
ихъ мечь остръ* (5). Устройство естества на-
шего не знало сихъ чувственныхъ стрѣлъ (ъ),
вмѣсто зубовъ вложенныхъ въ уста человѣче-
скія; но если кто уподобится звѣрю по стра-
сти, и преобразится въ него по овладѣвшему
имъ пороку, то, утративъ естественный свой
образъ, подлинно дѣлается звѣремъ. Посему
Пророкъ, упомянувъ о львахъ, наименовалъ
сыновъ человѣческихъ звѣрями (ы), у которыхъ
бранными орудіями зубы и языкъ. Потому,
кто столько возвысился умомъ, что водворяется
подъ сѣнію крилъ Божіихъ, и на землѣ вос-
пріялъ небесный жребій (ибо сказано: *посла-
съ небесе и спасе мя* (4)), тотъ не взираетъ уже
на земное, но трудится для славы пренебес-
ной, говоря: *вознесися на небеса, Боже, и по
всей земли слава Твоя* (6). И описывая напа-
денія враговъ, сказываетъ имъ Пророкъ, что
впадутъ они въ яму, и на нихъ самихъ обра-
тятся уготовляемые ими бѣдствія. Ибо гово-
рятъ: *сѣть уготоваша ногамъ моимъ, и слякоша
душу мою: ископаша предъ лицемъ моимъ яму,
и впадоша въ ню* (7). Самъ же, какъ извѣщаетъ,
готовъ онъ воспѣвать Божію славу съ благо-

(ъ) По рукописямъ читается: *вѣлѣ*, а не *мѣлѣ*.

(ы) Слово сіе дополнено по рукописямъ.

хваленіемъ; потому что при такомъ величїи души блаженъ тотъ, чье сердце уготовано къ благохваленію Божіей славы, вмѣщая въ себѣ невмѣстимое, утверждая о себѣ, что онъ расположенъ и готовъ, и не отлагаетъ пѣсни, но живыя орудія свои поименно приглашаетъ къ служенію въ пѣснопѣніи, взывая: *востани псалтирю и гусли* (9), чѣмъ указывается стройное согласіе въ божественномъ славословіи двоякаго человѣка, и видимаго, и сокровеннаго. И орудія повинуются призывающему. Временемъ же для такого мусикійскаго пѣснопѣнія служитъ раннее утро; потому что для тѣхъ, которые не отложили дѣлъ тмы, не пробуждается Божія слава. Посему и псалтирь и гусли отвѣтствуютъ взывающему: *востану рано* (9). Такъ Пророкъ обѣщается воздать Богу благодареніе, которое называетъ исповѣданіемъ, исполняемымъ *въ людехъ и во языцехъ* (10); потому что благодать вѣры равно удѣляется носящимъ оба сїи имени, и *людямъ и языкамъ. Не Іудеевъ Богъ токмо, но и языковъ, понеже единъ Богъ, Иже оправдитъ обрѣзаніе отъ вѣры, и необрѣзаніе вѣрою* (Рим. 3, 29. 30.). Посему такъ какъ Божіе благословеніе, какъ бы двойнымъ какимъ потокомъ, излилось на тѣхъ и другихъ, раздѣляясь то на *людей*, то на *язычниковъ*; пророчество за тѣхъ и другихъ приноситъ благодареніе Богу; потому что до безконечности возросшій грѣхъ превосходитъ вели-

чіємъ своимъ Божія милость, содѣлавшаяся превысшею и самой небесной высоты. Ибо сказано: велика превыше *небесъ милость Твоя* (Пса. 56, 11.). Изреченіями воздаваемого за сіе славословія почитаю окончательныя слова псалмопѣнія, въ которыхъ сказано: *вознесися на небеса Боже, и по всей землѣ слава Твоя* (12). Ибо въ какой мѣрѣ Божіе славословіе, распространенное спасаемыми вѣрою, умножается на землѣ, въ такой же пренебесныя силы, радуясь нашему спасенію, воспѣвають и славословятъ Бога, какъ и то небесное воинство, когда Ангелы увидѣли на землѣ миръ, явившійся нашему міру по благоволенію *въ челоуцнцѣхъ*, говоритъ пастьорямъ: *слава въ вышнихъ Богу* (Лук. 2, 14.).

ГЛАВА 15.

Но при такой высотѣ этого псалмопѣнія слѣдующій за нимъ по порядку псаломъ столько отличается еще большимъ величіемъ, сколько можно дознавать сіе изъ того самаго, что написано. Какъ у скороходовъ опередившій побѣдителя другихъ пріобрѣтаетъ большую предъ прежнимъ побѣдителемъ славу, оказавшись лучшимъ бѣжавшаго впередъ: такъ пятьдесятъ седьмое псалмопѣніе въ сравненіи съ предыдущимъ, которое оказалось высокимъ по мыслямъ, преспобѣждаетъ его величіемъ своихъ

мыслей. Какъ тотъ псаломъ имѣлъ превосходство предъ другими псалмами, такъ этотъ имѣеть преимущество предъ тѣмъ, который имѣеть превосходство предъ прочими. И о побѣдѣ сего псалма свидѣтельствуесть надписаніе: *въ концѣ*. Но мнѣ кажется, въ разсужденіи сей побѣды слово свидѣствуется не столько поражениемъ противниковъ, а напротивъ того болѣе обиліемъ благъ. Надписаніе же читается такъ: *въ концѣ, да не растлиши, Давиду въ столпописаніе* (Пса. 57, 1.). Сколько разъ объ этомъ подвижникѣ великодушія Самимъ Подвигоположникомъ провозглашается, что онъ увѣнчанъ за сію побѣду! А, можетъ быть, и самъ Духъ Святыи перѣдко чудеснымъ образомъ пріемлетъ на Себя сей гласъ, такъ какъ оный выше силъ человѣческихъ, и выходитъ изъ предѣловъ естества. Ибо сказать подобное сему свойственно только естеству безплотному и невещественному, котораго не касается ни одна изъ человѣческихъ немощей. А кто человекъ, кому по естеству существенна раздражительность, — и тотъ тернитъ зло отъ неполучившаго ни малѣйшихъ поводовъ къ злу, даже отъ удостоеннаго многихъ и великихъ благъ, тѣмъ самымъ, кому оказалъ добро, изъ за пустаго начальства, за сдѣланное въ его же пользу, доводится до пресельщичества, принужденъ стать бѣглецемъ изъ собственнаго дома, до смерти говимыи облагодѣтельствован-

нымъ, по трудности жизни переходя съ мѣста на мѣсто, вселяется въ пустыняхъ, укрывается на вершинахъ горъ, выпрашиваетъ себѣ убѣжище у иноплеменниковъ, бѣдствуетъ отъ недостатка въ самомъ необходимомъ для жизни, многое терпѣть, живя подъ открытымъ небомъ; неоднократно бываетъ въ опасности утратить жизнь отъ гонителя, который однажды стремился изъ своихъ рукъ убить его копьемъ, даже домъ, въ которомъ жилъ, чтобы не избѣжать ему смерти, занявъ своими оруженосцами; потомъ всюду развѣдывалъ, у кого поселился, чѣмъ питается, гдѣ теперь, къ кому переходить. И когда терпѣвшему все это двукратно представлялся удобный случай убить врага: Саулъ, однажды въ пещерѣ неосмотрительно впадалъ въ руки Давиду, а въ другой разъ въ шатрѣ погруженъ былъ въ сонъ, Давидъ же стоялъ надъ спящимъ, и убійствомъ гонителя могъ вполне удовлетворить своему гнѣву; тогда и самъ онъ не поднялъ руки, и порывающемуся на умерщвленіе говорить: *да не растлиши!* Вотъ изреченіе подлинно свойственное Богу,—изреченіе, воспреещающее губить человѣка!

Поэтому, какъ дѣлающіе явственныя на камняхъ надписи, глубоко вырѣзываютъ очертанія буквъ, много разъ вода рѣзцемъ по изображеніямъ; такъ Духъ Святый на столпѣ нашей памяти приводитъ въ большую ясность и ви-

двимость сіе важное для насъ изреченіе, чтобы писмена сіи, ясно и неслитно въ насъ отпечатлѣнные, могли быть прочитываемы во время страданій. Сіе-то, думаю, было цѣлю въ домо-строительствѣ Святаго Духа—предшествовавшія преслѣбнія святыхъ мужей поставить въ путеводство жизни тѣмъ, которые будутъ въ послѣдствіи, такъ какъ подражаніе приводитъ насъ къ равному и подобному благу. Ибо когда душа готова отмстить огорчающему, и кровь въ предсердіи кипить отъ раздраженія на оскорбившаго; тогда воззрѣвшій на этотъ столпъ, какой воздвигнуть Давиду Духомъ Святымъ, и прочитавшій на немъ слова, какія Давидъ изрекъ о намѣревавшемся убить его, безъ сомнѣнія, утишитъ въ душѣ смятеніе помысловъ, усмиряя страсть желаніемъ подражать въ подобномъ дѣлѣ.

Но величіе того, кто съ успѣхомъ восшелъ на степень сего псалмопѣнія, а именно, сколько сталъ онъ выше достигнутаго прежде величія, можно усмотрѣть и изъ самыхъ реченій псалмопѣнія. Ибо не жалуется уже, что попирають его враги, не призываетъ въ помощь себѣ милосердія, но, ставъ выше сего, какъ бы съ высокаго какого подзорнаго столпа, живущимъ внизу въ междугорьи, при самой подошвѣ жизни человѣческой, съ обличеніемъ взываетъ, говоря слѣдующее: что говорите и дѣлаете вы, о человѣки? правду ли произносите вы?

но правотѣ ли ведете судъ? вижу, что сердца ваши на землѣ, и всякое сердечное движеніе есть уже дѣло, а не мысль. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ появляется зло въ разумѣніи, и руки медленно соединяють съ мыслями дѣло. Для большей ясности своими словами замѣнивъ нѣсколько псаломскихъ реченій, изложилъ я читасмое такъ: *аще воистинну убо правду глаголете, правая судите сынове чловчестім: ибо въ сердцѣ беззаконіе дѣлаете на земли: неправду руки ваша сплетаютъ* (Пса. 57, 2. 3.). Потомъ, негодуя на лишившихъ себѣ спасенія, Пророкъ присовокупляетъ слѣдующія за симъ реченія, говоря: *отчуждишася утробницы отъ ложеснѣ, заблудиша отъ чрева* (4).

Уразумѣешь же сказанное, изслѣдовавъ, какія это первоначальныя *ложесна* чловчческаго состава, и какое это чрево, посившее въ себѣ чловччество. Не иное что, думаю, означается симъ, какъ Божіе чловчколюбіе и Божія благодать, по которой мы сотворены и родились. *Ибо сотвори мѣ чловчка по образу нашему и по подобію* (Быт. 1. 26.), сказалъ *Создавый на единѣ сердца ихъ* (Пса. 32. 15.), и еще говоритъ: *сыны родихъ и возвысихъ, тѣ же отвергошася Мене* (Иса. 1. 2.). И въ святомъ Писаніи можно прочесть тысячи подобныхъ мѣстъ, изъ которыхъ познается, какое чрево образовало насъ, и какая мать произвела на свѣтъ рожденіемъ. Сіе-то имѣя въ виду, негодующій

на погнбель отступниковъ Пророкъ сѣтуеть; ибо подлинно плачь—это изреченіе, которымъ выражаетъ онъ скорбь свою о грѣшникахъ: какъ *отчуждишася грѣшницы отъ ложеснъ?* какъ *заблудиша отъ чрева, ложь предпочтя истинѣ?* Ихъ раздражительность подобна ярости отца жи, этого перваго змія (б), *яко аспида глуха и затыкающая уши свои: иже не услышитъ гласа обавающихъ, обаваемъ обавается отъ премудра* (Пса. 57, 5. 6.). Ибо свойство этого звѣря такимъ замѣтили мудрые въ этомъ, а именно, что, воспылавъ яростию, задерживаетъ въ гортани дыханіе, и недвижится отъ задержанія въ себѣ воздуха, раздуваясь какъ мѣхъ, такъ что напрасными и недѣйствительными остаются всѣ какимъ либо естественнымъ противодѣйствіемъ смягчающія звѣрей средства, какія изобрѣтены мудрыми въ подобномъ сему. А симъ Пророкъ даетъ разумѣть, что сердце одержимыхъ порокомъ, когда учителя предлагаютъ имъ врачеваніе, остается непослушнымъ.

И все продолженіе псалмопѣнія составляетъ плачь воздыхающаго о гибели людей достойныхъ сожалѣнія. Ибо предвозвѣщаетъ ихъ будущее, говоря: *Богъ сокрушитъ зубы ихъ во устьехъ ихъ* (7). Какіе зубы? Не очевидно ли, что тѣ челюсти преслушанія, тѣхъ прислужниковъ наслажденіямъ чрева, которыхъ Про-

(б) Последнее слово читается по рукописямъ.

рокъ въ предыдущемъ псалмопѣніи наименовалъ *оружіями и стрѣлами* (Пса. 56, 5.), и которыми растерзывается слово истины? И сказано: *членовыми львовъ сокрушилъ есть Господь* (Пса. 57, 7.). Узнаешь же, кого Пророкъ назвалъ львами, если изучишь отличительныя свойства сихъ звѣрей. Сказываютъ, что у львовъ глаза извращены, что естество ихъ плотоядное и кровожадное. Конечно же знаешь загадочный смыслъ и извращенія глазъ у тѣхъ, которые смотрятъ непрямо, и неприятнаго дыханія у тѣхъ, которые на хулу употребляютъ уста свои, и поэтому имѣютъ сродство съ зловошіемъ грѣха, а также всего, что разумѣется подъ дыханіемъ; потому что плоть и кровь, чѣмъ наипаче питается львиное естество, какъ мерзость, неприемлются въ царствіе Божіе. Ибо, когда достойные сподобятся чести, въ то время, они, какъ сказано, *уничижатся* (8), протекая жизнь вмѣстѣ съ непостояннымъ естествомъ вещественнаго, съ которымъ они освоились. Ибо сказано: *уничижатся яко вода ли. потекущая* (8); потому что лукавый стрѣлецъ душъ нашихъ, направляя въ человѣческую жизнь разжженные стрѣлы грѣха, не престаётъ поражать ихъ, пока не приведетъ силъ ихъ въ изнеможеніе. Сказано: *напряжетъ лукъ свой, дондеже изнемогутъ* (8), и сдѣлаются *растаявшими воскомъ*, изъ котораго не трудно выѣпить всякаго вида подобіе грѣха.

Къ сему Пророкъ прилагаетъ еще оныя плачевныя слова о достойныхъ сожалѣнiя, сказуя: *паде огнь на нихъ, и не видѣша солнца* (9). Значенiе же сего реченiя объясняетъ другой толковникъ, сими словами выражаясь о преждевременномъ изверженiи изъ матернихъ ложесть недоношеннаго младенца. *Извергъ* женскiй, говоритъ онъ, не увидитъ солнца (Іов. 3, 16.). Итакъ, поелику въ началѣ псалмопѣвiя сказано: *отчуждишася врѣшницы отъ ложесть, заблудиша отъ чрева* (Пса, 57, 4.), а это значить тоже, что рождены недоносками, и причиною такого ихъ недостатка, какъ утверждаетъ Пророкъ, уподобленiе змiю и аспиду; то посему и теперь, возвращаясь къ тому же образу рѣчи, продолжаетъ, что, будучи несовершенными въ отношенiи къ естеству, по своей порочности содѣлавшись недоносками, изринуты и ниспали изъ умопредставляемыхъ нами ложесть, ставъ сами для себя огнемъ, по причинѣ вещественнаго произволенiя, по чему не узрѣли и солнца. А солнцемъ указывается истинный свѣтъ, къ которому не обратилъ взора недозрѣлый родъ Іудеевъ.

И послѣдующая за симъ рѣчь состоитъ въ строгой связи съ предыдущю. Ибо, что Пророкъ наименовалъ тамъ *мужимъ аспидомъ*, то теперь, измѣнивъ образъ рѣчи, называетъ неразумнымъ *тернiемъ*; потому что разумѣнiе бываетъ слѣдствiемъ слышанiя, а кто не

пріемлетъ слуха, тотъ вмѣстѣ съ слухомъ отвергаетъ, безъ сомнѣнія, и разумѣніе. Посему, какъ тамъ, упомянувъ о родовомъ наименованіи змія, выставляетъ самый злой въ цѣломъ родѣ видъ этого звѣря, называя *аспида*: такъ и здѣсь, наименованіе терна представивъ, какъ бы родовымъ какимъ, выставляетъ самый не-носный видъ терна, назвавъ его *рамномъ* (ѣ), котораго иглы остры, спицы часты, уязвленія приближающимся вредны и ядовиты. Однакоже будете ли вы терніями, говоритъ Пророкъ, или даже въ терніяхъ *рамномъ*, такъ какъ почитаете себя еще *яко* живыми (ибо не въ подлинномъ смыслѣ живъ, кто не имѣетъ истинной жизни); гнѣвъ *пожретъ* васъ (10). И какъ жизнь грѣшниковъ не въ подлинномъ смыслѣ есть то, чѣмъ называется, а только именуется симъ (что разъединено съ истинною жизнью, то не жизнь); такъ и гнѣвъ въ Богѣ, хотя грѣшникамъ представляется гнѣвомъ, и такъ ими именуется, тѣмъ паче не есть гнѣвъ, но *яко* гнѣвъ для именующихъ гнѣвомъ воздаяніе, праведно Богомъ распредѣляемое. Посему вотъ что значать слова: *яко живы*, и: *яко во гнѣвѣ* *пожретъ* васъ;—васъ, которые не въ дѣйствительной жизни, пожретъ Онъ, Который недѣйствительно во гнѣвѣ.

(ѣ) Сей видъ терна иначе называется: *придорожная шля*.

Потомъ Пророкъ говоритъ: *возвеселится праведникъ, егда увидитъ отмщеніе* (11), не тому радуясь, что другіе гибнуть, но когда въ сравненіе съ ихъ положеніемъ приведетъ онъ свое, тогда ублажить себя за благоразуміе, по которому не дѣлалъ того, за что, какъ видитъ, отмщено грѣшникамъ; да и чистоту собственныхъ рукъ лучше усмотритъ при сравненіи съ окровавленными руками грѣшниковъ. *Руцѣ свои, сказано, умоетъ въ крови грѣшника* (11). Знаемъ же, что не для инаго чего моемъ руки, какъ для того, чтобы водою свести съ нихъ скверну; а обагреніе кровію не очищаетъ прежде бывшей скверны, напротивъ того само дѣлается скверною. Посему, какъ бѣлый цвѣтъ при сличеніи съ кровію дѣлается виднѣе; такъ и чистота рукъ праведника, при сравненіи съ руками противника, оказывается болѣе блестящею. Невѣроятное нынѣ, а именно, что въ понесшихъ добровольно труды за добродѣтель есть нѣкое приобщеніе совершеннѣйшаго, тогда обнаружится на опытѣ. Кто увидитъ сіе, тотъ скажетъ: вѣроятно, что правдивымъ судомъ Божиимъ уготованъ былъ праведнику плодъ. Смотри, на какія высоты взшло слово! Сколько величіе сіе превышаетъ то, что показано въ предыдущихъ псалмахъ?

ГЛАВА 16.

Но для преснѣвающихъ въ добродѣтели и это еще—не предѣлъ восхожденія на высоту. Ибо слѣдующее за симъ въ связи порядка высотой взгляда оказывается превьсившимъ и это. Надписаніе снова провозглашаетъ увѣнчиваемаго. Снова воздвигаемый столпъ свидѣтельствуеть, что одержанная побѣда выше силъ человѣческихъ. Сказано: *въ конецъ, да не растлѣши* (Иса. 58, 1.). Много разъ говорено, что словомъ: *конецъ* означается побѣда, и нѣтъ надобности словомъ снова объяснять, что извѣстно. Но это человѣколюбивое изреченіе, превосходящее всякій избытокъ великодушія: *да не растлѣши*, въ настоящемъ мѣстѣ получило высшій смыслъ. Кому неизвѣстно, что и всякій, къ кому ни обратись, готовъ дѣлать добро не причинившимъ никакого зла? А кто великодушнѣе другихъ, тотъ, и послѣ сдѣланнаго ему какого либо малаго оскорбленія, нерѣдко переносилъ небольшую непріятность, и при благотвореніи не мѣшало ему это сдѣлать добро и оскорбившему его нѣсколько. Но малодушный, если встрѣтится какая огорчающая его малость, употребляетъ всю, какая есть у него, силу на отмщеніе, воспользовавшись удобнымъ временемъ сдѣлать зло. Посему не равно чудно, если одинаковое благодѣяніе ока-

зано будетъ и тѣмъ, кто не потерялъ прежде ничего худаго, и тѣмъ, кто воздаеть благодареніями оскорбившему. Поэтому-то всего болѣе несравненнымъ и неподражаемымъ окажется великодушіе Давидово, которое, если кто сравнитъ его съ этимъ лукавымъ неистовствомъ Сауловымъ, едва не угодобляется даже безстрастію Божественнаго естества. Слова сии: *да не растлѣши*, которыя Давидъ, какъ на столпѣ, начерталъ въ памяти потомковъ, произнесены Давидомъ, не тогда, какъ мучитель былъ расположенъ къ нему дружественно, но уже послѣ того, какъ Саул посылалъ умертвить Давида въ домъ его. Безъ сомнѣнія же тебѣ, какъ любовѣдущему, извѣстна эта часть исторіи, на которую указываетъ надписаніе, а именно, когда на Саула было нападеніе лукаваго духа, святой Давидъ игрою на псалтири уснокоилъ происшедшее отъ недуга смятеніе, а Саулъ, нашедши стоящее предъ нимъ копье, пустилъ въ своего благодѣтеля, направивъ въ него остріемъ. И какъ Давидъ при Божіемъ содѣйствіи уклонился отъ удара, брошенное копье остріемъ своимъ глубоко вонзилось въ стѣну; а Давидъ изъ царскаго дворца бѣжалъ въ свой домъ въ надеждѣ, что раздраженіе царя замѣнится раскаяніемъ. Поелику же Саул вокругъ Давидова дома поставилъ коньеносцевъ и служителей своихъ, давъ имъ приказъ убить Давида; то онъ едва избѣгъ опасности,

тайно отъ стражи въ одно окно бросившись на открытій воздухъ, и удалившись, переходилъ съ мѣста на мѣсто, по нуждѣ ища убѣжища у незнакомыхъ (э) ему людей. Но и при этомъ поймалъ его Саулъ, со всѣмъ войскомъ окруживъ тотъ холмъ, на который прибѣгъ Давидъ съ присоединившимися къ нему. И въ ночь, на которую замедлена была смерть его, потому что Саул умерщвленіе гонимаго отложилъ до утра, Давидъ входитъ въ шатеръ непріятеля, и нашедши его на какомъ-то ложѣ погруженнымъ въ сонъ, не только удерживаетъ свою руку, которая можетъ быть, поспѣшала принести даръ раздраженію, но и оруженосца, наклонившагося уже надъ Сауломъ, чтобы нанести ему смертельный ударъ (ибо говорить: *поражу, и не повторю* (1 Цар. 26, 8.)), останавливаетъ въ этомъ порывѣ симъ высокимъ и славнымъ изреченіемъ, сказавъ: *да не растлѣши* того, кто спѣшитъ истребить насъ. Но не это одно достойно удивленія въ семъ дѣлѣ, что Давидъ даруетъ жизнь тому, кто все дѣлаетъ противъ его жизни, но и то, что Давидъ, помазанный на царство, и зная, что не иначе достигнетъ царскаго сана, какъ развѣ когда не станетъ уже Саула, признаетъ за лучшее по великодушію злострадать въ уни-

(э) По рукописи N 71 читается: *τοῖς ἀγθέτοις*.

женіи челоуѣка частнаго, нежели взойдти на царство, удовлетворивъ раздраженію на оскорбившаго. Посему-то къ изреченію челоуѣколюбія приложено и сіе: *всегда посла Саулъ въ домъ Давида, еже умертвити его* (Пса. 58, 1.). Ибо не тогда изречено, когда происходило сіе; но присовокуплено это для возбужденія большаго удивленія, что произнесъ сіе тотъ, кто испыталъ на себѣ это.

Но излишнимъ почитаю теперь, когда рѣчь носиѣшаетъ заняться другимъ, вносить въ нее что либо требующее объясненія въ исторіи: почему послѣ сказаннаго: Саулъ поразилъ Давида копьемъ, исторія прибавляетъ, что копье вонзилось въ стѣну, *Давидъ же спасеся*, и что на одрѣ Давидовомъ не найденъ самъ онъ, найдены же вмѣсто него *тщепогребальная и печень козій* (1 Цар. 19, 10—13.), что въ тѣ времена, по какому-то обычаю, въ отвращеніе смерти дѣлалось такимъ образомъ: больнаго сводили съ одра, и на постелю клали ризу, возлагасмую на умершихъ, и козью печень? Ибо для трудолюбцевъ явно, что исторія сія есть пророчество о Господнемъ домостроительствѣ. Въ мучителѣ Саулѣ были демоны. Ихъ прогоняетъ помазанный на царство, приводя въ ужасъ музыкальнымъ орудіемъ—гуслями. Одержимый же пребывающими въ немъ демонами того, кто при помощи гуслей показалъ свою силу надъ демонами, поражаетъ копьемъ, но

ударъ вмѣсто Давида принимаетъ на себя стѣна, а онъ спасается. Послѣ этого преслѣдуемаго злоумышляющимъ Сауломъ ищутъ на одрѣ, и не находятъ; а одръ вмѣсто его поѣщаетъ на себѣ *щеногребильная* и *козью печень*. Безъ сомнѣнія же очевидно, къ чему клонится рѣчь загадокъ, изъ которыхъ слагается сія исторія (10). Давидомъ предугадывается Тотъ, Кто отъ Давида. Помазанный означаетъ Христа; а гусли суть тѣлесное человѣческое орудіе; пѣснь на гусяхъ—слово откровенное намъ Воплотившимся, дѣломъ Котораго уничтожить наважденіе демоновъ, чтобы не были уже *бози языкъ блсове* (Иса. 95, 5.). А этотъ царь, имѣющій въ себѣ демоновъ, какъ скоро духи бѣгутъ отъ игры на гусяхъ, съ пользою употребившаго на сіе это орудіе поражаетъ копьемъ (копье же есть древо вооруженное желѣзомъ), но копье вмѣсто игравшаго на гусяхъ принимаетъ въ себя стѣна; а подъ стѣною разумѣемъ земную храмину, и въ ней дознаемъ то тѣло, при которомъ усматриваемъ древо креста и желѣзо. Но этотъ Давидъ, и помазанныкъ и царь, неподлежитъ страданію, потому что Божество не пригвождается ко кресту гвоздями. Услышавъ и о Мелхолѣ, происходящей отъ Саула, съ которою вступилъ въ общеніе Да-

(10) Переводъ славянъ согласно съ рукописями.

видъ, не подивимся сему, взирая на послѣдствіе. Ибо знаемъ, что Богъ смерти не сотворилъ, по отцемъ смерти содѣлался царь злобы, самъ себя лишившій жизни. Ибо *завистію діаволою смерть вниде* (Прем. Сол. 2, 24.); *царствова же смерть отъ Адама* и до закона (Рим. 5, 14.). Но Апостолу желательшо, чтобы не царствовала она болѣе въ насъ, *въ мертвеннѣль* нашемъ *тѣль* (6, 12.). Посему за веѣхъ Вкусившій смерти пребываетъ въ дому у произшедшей отъ мысленнаго нашего Саула; ими же сѣ Мелхола, и значеніе сего имени есть царство, потому что дотолѣ надъ естествомъ человѣческимъ царствовалъ грѣхъ. Но пребывающій въ семь домѣ, Самъ исходитъ въ окно; окно же означастъ возвращеніе снова во свѣтъ Того, Кто явилъ Себя *судящимъ во тмѣ и сльнн смертнѣль* (Матѣ. 4, 16.). А *щценогребальная* Его усматриваются на одрѣ. Ибо и Ангелъ ищущимъ Господа во гробѣ говоритъ: *что ищете живаго съ мертвыми? нсть здѣ, но воста* (Лук. 24, 5. 6.): *вотъ мѣсто, идѣже лежа* (Матѣ. 28, 6.). Гробъ, въ которомъ погребенъ былъ Господь, ищущіе Его увидѣли пустымъ безъ некомаго ими тѣла; были же въ немъ однѣ погребальныя пелены. Посему разумѣемъ, что востаніе Господне изъ гроба означаютъ собою *щценогребальная* на одрѣ Давидовомъ, которыми совершается дѣйствительное отвращеніе отъ насъ смерти. Послику же въ про-

зенной стѣнѣ, которую приняли мы за тѣло, нѣтъ крови; то, чтобы небыло недостатка въ самомъ существенномъ изъ представляемаго нами въ таинствѣ, которымъ мы искуплены, сказываю, что это—кровь, находится она въ *тщепогребальныхъ* (я). Ибо во внутренностяхъ одна печень служитъ источникомъ крови и мѣстомъ, гдѣ она составляется; безъ печени невозможно образоваться и естеству крови. Посему, если кровь изъ печени, а въ *тщепогребальныхъ* есть печень, то нѣтъ недостатка крови и въ томъ, что для естества человѣческаго содѣлалось средствомъ, отвращающимъ смерть. Да и родъ животнаго, отъ котораго взята печень, тотъ же, какой назначенъ для умиловительныхъ жертвъ за грѣхи. А сверхъ сего, изъ этого же рода берется животное и для пасхи (Исх. 12, 5.). И также Моисей говоритъ, что сіе же животное должно избирать для отпущенія за грѣхъ народа (Лев. 16, 7—10.), когда изъ двухъ представленныхъ козловъ по жребію отдѣляются они на два дѣла, одинъ приносится въ жертву Богу, а другой съ возложеннымъ на него грѣхомъ отпускается въ пустыню. А въ слѣдствіе всего этого и подобнаго тому печень сего животнаго взята въ знаменованіе крови, которою совершилось от-

(я) По рукописамъ въместо: *ἐν τοῖς* читается *ἐν τοῖς*.

вращеніе смерти отъ заболѣвшихъ смертельно, по причинѣ воскресенія изъ мертвыхъ Господа нашего, которое означаютъ *таценоур-бальная*.

Но благовременно будетъ изложить кратко мысль, заключающуюся въ псалмопѣніи, именно слѣдующую. Пророчество дѣлитъ рѣчь свою на двѣ. Одна отъ всего человѣческаго рода обращена за насъ къ Богу; другая Пріившимъ за насъ страданіе приносится намъ. Посему изреченное за насъ таково: *изми мя отъ врагъ моихъ Боже, и отъ востающихъ на мя избави мя, и отъ дѣлающихъ беззаконіе, и отъ мужей кровей, которые уловиша душу мою, нападоша на мя крѣпко* (Пса. 58. 2—4.), не потерпѣвъ отъ насъ ничего худаго. Ни въ чемъ не погрѣшилъ я противъ нихъ; не учинено нами во вредъ врагамъ никакого беззаконія, которымъ бы и огорчились они. *Безъ беззаконія было первое мое теченіе* (5). Но вотъ все, какъ что было, говоритъ Пророкъ, *виждь, и вонми послѣдствіи: не отлагай по человѣколюбію отмщенія погрѣшившимъ, да не уцѣдриши, продолжастъ, вся дѣлающія беззаконіе* (6). Потомъ влагаетъ рѣчь въ уста высшему лицу, и какъ бы отъ лица Внявшаго молитвѣ говоритъ, что враги сіи *возвратятся на вечеръ* (а это не иное что значитъ, какъ то, что изгнаны будутъ во тму кромѣшнюю; потому что *вечеръ*— начало и мать тмы), и *взлчутъ яко пещь* (у

кого нѣтъ напутія ко спасенію, тѣхъ по необходимости будетъ сопровождать бѣдствованіе отъ глада благъ: такъ взакала въ адѣ богачь, лишенный божественнаго орошенія; и какъ не заготовилъ себѣ таковаго блага (ѳ), то сгаралъ пламенемъ). Но и *обидутъ градъ*, говоритъ Пророкъ (7). А это, кажется мнѣ, даетъ разумѣть нѣчто подобное слѣдующему. Поелику все ненужное и негодное къ употребленію живыхъ, будетъ ли это трупъ, или что повредившееся, или какой зловонный гной, выбрасывается внѣ города; то около сего находятся голодные псы, питающіеся выбрасываемою изъ города нечистотою. Писаніе, научая симъ различію между живущими добродѣтельно и порочно, означаетъ сіе загадочнымъ представленіемъ города, благоприличный и упрямоченный образъ жизни называя городомъ, какъ бы населяемымъ добродѣтелию. А противоположный добродѣтели порокъ изображаетъ тѣмъ, что внѣ города, гдѣ отыщется всякій грѣхъ, который есть какое-то зловонное изверженіе изъ образованной жизни, составившееся изъ гнилыхъ тѣлъ и сквернаго гноя. Поэтому житель города есть нѣчто великое и досточестное, подлинный человекъ, первоначально вложенныя въ естество черты отпеча-

(ѳ) Такъ читается по рукописямъ.

тлѣвшій въ себѣ жизнь; пребывающій же внѣ города есть песъ, а не человѣкъ. Такимъ образомъ по всему видно, какъ надлежитъ отличать пса отъ такого человѣка, каковъ онъ долженъ быть по естеству, и отличать не по наружному устройству тѣла, но по разности въ жизни. Ибо обитатель доблестнаго города подлинно есть человѣкъ. А кто прилагаетъ стараніе о зловонномъ неспотребствѣ и о домогающемся излишествѣ любостыжаніи, которое ншій назоветъ въ собственномъ смыслѣ гноемъ, или о другихъ видахъ порока; тотъ, внѣ онаго града блуждая и пресмыкаясь окрестъ его, самъ о себѣ вопіетъ, что онъ песъ, изъ Божія подобія претворившійся въ естество псовъ. Подъ псами же, безъ сомнѣнія, разумѣешь первороднаго пса, этого плотоядца и *человѣкоубійцу*, какъ называетъ его Писаніе (Іоан. 8, 44.). Продолженіе псалма описываетъ жизнь псовъ, сказуетъ, что изъ устъ ихъ вмѣсто дая исходитъ какой-то гласъ, и вмѣсто песьихъ зубовъ сокрытъ мечъ во устнахъ ихъ, выражая сіе такими словами: *се отвѣчаютъ усты своими и мечъ во устнахъ ихъ* (8). Но для имѣющихъ въ себѣ Бога страхованія сіи — смѣхъ. Ибо сказано: *Ты Господи посмѣшился и.иъ* (9). А я державу мою къ Тебѣ сохраню (10). И чрезъ нѣсколько словъ Пророкъ предугазуетъ человѣколюбіе, являемое Богомъ твари Своей. Ибо говоритъ: *не убій ихъ, но*

низведи я (12) съ высоты невѣрія на гладкую равнину богопознанія. Такъ и поступили великій Павелъ и Іоаннъ Креститель, — Павелъ, низлагая всяко возношеніе возмлающее на разумъ Божій (2 Кор. 10, 5.), а Іоаннъ, по пророчеству Исаи (Ис. 40, 4.), уравнивая и сглаживая всякій холмъ и всякую гору, надменную величавость порока доводя до самоуничженія и невеличавости добродѣтели. Поелику отъсюду изгоняется невѣріе, и на мѣсто его вводится боговѣдніе; то *Богъ владычествуетъ Іаковоу, и концы земли* (Иса. 58, 14.). Поелику нигдѣ не остается идолослуженія; то, безъ сомнѣнія, Господь будетъ Владыкою концевъ земли, когда искоренится надъ многими нѣкогда царствовавшій грѣхъ, который у Пророка названъ *грѣхомъ устъ ихъ, и словомъ устенъ ихъ, и гордынею, и клятвою, и ложью* (13) (v). Потомъ Пророкъ снова повторяетъ слово свое о *возвращающихся на вечеръ, объ алчущихъ яко пещь, и обходящихъ градъ* (15), симъ повтореніемъ сказаннаго, какъ думаю, давая знать, что люди въ томъ и другомъ, и въ худомъ и въ хорошемъ, какими бывають здѣсь, такими будутъ и послѣ сей жизни. Кто теперь по причинѣ нечестія ходитъ кругомъ, не живетъ во градѣ.

(v) Мѣсто сіе, начиная съ сказаннаго выше: „и чрезъ нѣсколько словъ“ переведено по рукописи N 71.

не хранить въ себѣ отличительныхъ чертъ
человѣческой жизни, но произвольно дѣлается
звѣремъ и псомъ; тотъ и тогда, недопущен-
ный въ горній градъ, будетъ мучиться гла-
домъ благъ. А побѣдитель сопротивныхъ, какъ
говоритъ псалмопѣвецъ въ другомъ гдѣ-то мѣ-
стѣ, и восходя *отъ силы въ силу* (Пса. 83, 8.),
и вознаграждаемый за побѣду, говоритъ: *вос-
пою силу Твою, и возрадуюся завтра о милости
Твоей: яко былъ еси заступникъ мой, и прибли-
жище мое* (Пса. 58, 17.), и Тебѣ подобаетъ
слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

6. НА ПСАЛОМЪ ШЕСТЫЙ.

О ОСЛОМЪ.

—

По пророческому благословенію восходящіе *отъ силы въ силу* и прекрасныя *восхожденія въ сердцѣ своемъ* полагающіе (Пса. 83, 6. 8.), когда возмущаются за какую нибудь добрую мысль, руководствуются ею къ высшей еще мысли, при помощи которой и совершается душою восхожденіе на высоту. И кто такимъ образомъ простирается непрестанно *въ предняя* (Фил. 3, 13.), тотъ никогда не прекратитъ добраго восхожденія, всегда возвышенными мыслями путеводимый къ уразумѣнію того, что еще выше. Сказалъ я это, братія, вникая въ смыслъ шестаго псалма, и обращая вниманіе на необходимую послѣдовательность порядка, почему къ слову *о наследствующемъ* (Пса. 5, 1.) присовокуплено для насъ слово *о осломъ* (Пса. 6, 1.)?

Конечно же, не неизвѣстна вамъ тайна ос-
маго. Ибо неразумно то, что мысль иныхъ
увлекается іудейскими предположеніями. А
Іудеи, великую тайну объ *осмомъ* низводя до
псблагообразныхъ тѣлесныхъ чиселъ, утвер-
ждаютъ, будто бы симъ числомъ: *осмый*, ука-
зуются на законъ объ обрѣзаніи, объ очище-
ніи послѣ родовъ и о подобномъ сему. Но мы,
научившись у великаго Павла, что *законъ ду-
ховенъ есть* (Рим. 7, 14.), хотя число сіе имѣетъ
значеніе въ упомянутыхъ законахъ при узаконеніи
мужескому полу обрѣзанія, а женскому
жертвы при очищеніи, какъ не отвергаемъ
закона, такъ не принимаемъ его въ унижитель-
номъ смыслѣ, зная, что истинное обрѣзаніе
дѣйствительно бываетъ въ осмый день, и со-
вершается камешнымъ ножомъ. А подъ симъ
камнемъ, обрѣзывающимъ нечистоту, безъ со-
мнѣнія, уразумѣешь тотъ Камень, который есть
Христосъ (1 Кор. 10, 4.), то есть, Слово
истины, и поймешь, что оскверняющее тече-
ніе житейскихъ дѣлъ тогда прекращается,
когда человѣческая жизнь претворена въ бо-
жественное. Но чтобы разумѣемое подъ симъ
для всѣхъ стало явнымъ, сколько можно, яснѣе
изложимъ то, о чемъ у насъ рѣчь.

Время настоящей жизни при первомъ созда-
ніи твари измѣрено было одною седмицею
дней; потому что съ перваго дня начато соз-
даніе существъ, и днемъ седмымъ положенъ

копецъ творенію. *Бысть день единъ* (Быт. 1, 5.), сказано о днѣ, въ который приведены въ бытіе первыя твари; а также во второй сотворены вторыя, и послѣдовательно до дня шестаго, когда сотворено все. День же седьмой, содѣлавшись кощемъ творенія, заключилъ собою время, спротяженное устройству міра. Посему, какъ не послѣ этого времени приведено въ бытіе небо, и всякая другая часть міра не въ послѣдствіи присоединена къ приведеннымъ уже въ бытіе въ началѣ, а напротивъ того тварь сама по себѣ пребываетъ не требующею дополненія и не умаляемою въ мѣрахъ своихъ: такъ не происходило инаго времени, кромѣ показаннаго устройствомъ міра; напротивъ же того естество времени опредѣлено седмицею дней. И посему-то, когда измѣряемъ время днями, начавъ однимъ и заключивъ число седьмымъ, снова отступаемъ къ единому, цѣлое продолженіе времени измѣряя непрестанно кругомъ седмиць, пока, по минованіи движимаго и по прекращеніи скоротечнаго движенія, какъ говоритъ Апостоль (Евр. 12, 27.), не придетъ то, что уже непоколебимо, и къ чему не касается болѣе превратность и измѣненіе.

Послику въ одномъ и томъ же состояніи и въ послѣдующіе вѣки всегда одинаково пребываетъ та тварь, надъ которою совлеченіемъ тѣлесной жизни совершается истинное обрѣ-

заніе естества человѣческаго, и истинное очищеніе отъ дѣйствительной скверны; скверна же для человѣка грѣхъ, умерщвляемый вмѣстѣ съ естествомъ человѣческимъ (потому что *во грѣсѣхъ роди мя мати моя* (Пса. 50, 7.)), которое Сотворившій *очищеніе грѣховъ нашихъ* (Евр. 1, 3.) очищаетъ тогда совершенно, истребляя въ естествѣ существъ все, что есть въ нихъ кроваваго, нечистаго и необрѣзаннаго; то въ этомъ смыслѣ приедемъ законъ объ осмомъ днѣ,—законъ объ обрѣзаніи и очищеніи; потому что, по прекращеніи седмичнаго времени, по седьмомъ днѣ наступитъ день осмый, осмымъ называемый, потому что за седьмымъ слѣдуетъ, но не допускающій по себѣ преемства въ числѣ; потому что постоянно пребываетъ единымъ, не раздѣляемый на части ночнымъ мракомъ. Ибо производитъ его иное солнце, которое сіяетъ истиннымъ свѣтомъ, и какъ скоро однажды явилось намъ, какъ говорить Апостоль, не скрывается уже на западѣ, но, все объявъ свѣтовною своею силою, въ достойныхъ производитъ непрерывный и непреемственный свѣтъ, самыхъ причастниковъ сего свѣта содѣлывая новыми солицами, какъ въ евангеліи говоритъ Слово: *тогда праведницы просвѣтятся яко солнце* (Матѣ. 13, 43.).

Итакъ, послѣ въ предыдущемъ псалмѣ шла рѣчь о *наслѣдствующемъ*, а наслѣдство берегається для достойныхъ ко дню осмому,

въ сей же день совершится и правдивый судъ Божій, удѣляющій каждому по достоинству; то Пророкъ съ воспоминаніемъ о *оснона* прекрасно соединилъ и слово о покаяніи. Ибо кто, приведя себѣ на память страшный судъ Христовъ, не смутится тотчасъ же въ собственной своей совѣсти, не будетъ объятъ страхомъ и невѣдніемъ? Если и сознаетъ въ себѣ исправленіе жизни; то, взирая на строгость суда, на которомъ и малѣйшіе недосмотры подвергаются изслѣдованію, конечно придетъ въ ужасъ отъ ожиданія страшныхъ наказаній, не зная, чѣмъ для него заключится конецъ суда. Посему-то, какъ бы имѣя у себя передъ очами страшныя мученія, эту геенну, этотъ темный огонь, этого неумирающаго червя совѣсти, всегда грызущаго душу стыдомъ, и возобновляющаго страданія напоминаніемъ о сдѣланномъ въ жизни худо, онъ обращается уже съ моленіемъ къ Богу, прося, *да не оною яростию предасть его обличенію, ниже онымъ ильвома* положить на него наказаніе за все, въ чемъ прегрѣшилъ (Иса. 6, 2.). Ибо для осужденныхъ на жестокое наказаніе страшнымъ онымъ мученіемъ приговоръ суда представляется дѣломъ ярости и гнѣва. И потомъ Пророкъ, какъ бы уже страдая въ мукахъ, усволяетъ себѣ реченія мучимыхъ, для которыхъ яростию и гнѣвомъ кажется то, чтó на нечестивыхъ налагается въ наказаніе имъ. Посему говоритъ: не дожи-

даюсь того, чтобы ярость эта страшными бичами произвела обличеніе тайныхъ монахъ дѣлъ; а напротивъ того необходимое слѣдствіе онаго гнѣва предупреждаю исповѣданіемъ. Что въ бичуемыхъ производитъ боль, тайны беззаконія противъ воли ихъ дѣлая явными; то произволеніе совершаетъ само собою, бичуя и муча себя покаяніемъ, и обнаруживая сокрытый въ тайнѣ грѣхъ. Посему, сказавъ: *да не яростію Твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеша мене*, въ слѣдъ за сими Пророкъ прибѣгаетъ къ милосердію, причину въ себѣ худаго приписывая, не столько произволенію, сколько немощи естества. Въ худомъ я положеніи; уврачуи меня по милосердію; потому что по немощи впалъ я въ страсть. Какая же это немощь? Изъ мѣстъ своихъ вышли кости мои, разорвалась взаимная между ними связь. Костями же называетъ цѣломудренныя помыслы, поддерживающіе собою душу. *Исцѣли мя Господи, яко смятошася кости моя* (3). И объясняетъ загадочную рѣчь, присовокупивъ къ сказанному: *душа моя смятется зло* (4). Посему, что медлишь исцѣленіемъ? говоритъ Пророкъ. *И Ты Господи доколы не окажешь милости?* Не видишь ли, какъ близка къ смерти жизнь человѣческая? Рѣшительную минуту жизни нашей предупреди обращеніемъ души моей, чтобы застигшая смерть не сдѣлала бездѣйственнымъ всякаго средства къ уврачева-

нію. Ибо въ смерти никому не будетъ уже возможности болѣзнь, причиненную ему грѣхомъ, уврачевать памятованіемъ о Богѣ; потому что исповѣдь имѣеть силу на землѣ; а во адѣ сего нѣтъ.

Потомъ, какъ бы на чей либо вопросъ: почему къ уврачеванію прегрѣшеній призываешь милосердіе? чѣмъ умилосердилъ ты Божество?— Пророкъ отвѣчаетъ такъ: *утрудихся воздыханіемъ моимъ, омою отъ грѣха постелю мою слезною водою* (7). Почему же это? Потому что, говоритъ Пророкъ, *слятеса отъ ярости око мое* (8), и поэтому сталъ я какимъ-то ветхимъ и изсохшимъ, потому что раздраженіе, произведенное во мнѣ врагами, зародило въ душѣ гнилость. Если же одна раздражительность производитъ такой страхъ въ погрѣшившемъ отъ оной, то колыми паче естественно будетъ отчаяться въ спасительной надеждѣ тѣмъ, которые сознали въ жизни своей, не только страсти происходящія отъ раздражительности, но и всѣ поражаемыя похотию, любостыжательностію, кичливостію, честолюбіемъ, завистію и прочимъ роємъ худыхъ человѣческихъ склонностей. Почему, обративъ рѣчь къ врагамъ всякаго рода, Пророкъ говоритъ: *отступите отъ мене вси дѣлающіи беззаконіе* (9).

Но въ продолженіи сего слова Пророкъ показываетъ добрую надежду, что при покаяніи

и мы преуспѣемъ въ добрѣ. Ибо немедленно, и въ одно время обращаетъ рѣчь къ Богу о покаяніи, и пришедши въ соощуеніе Божія о немъ благоволенія, возвѣщаетъ милость, и радуется дару, говоря: *услыши Господь гласъ моленія моего, Господь молитву мою пріимѣ* (9. 10.). Посему, чтобы навсегда осталось при немъ благо, пріобрѣтенное покаяніемъ, и чтобы жизнь не возымѣла снова потребности во вторичномъ покаяніи, молитъ отвратить враговъ его, наказуя ихъ стыдомъ. Ибо постыженный во время худаго предиріятія, употребивъ для себя стыдъ наставникомъ, удерживающимъ отъ такихъ дѣлъ, въ послѣдующее время воздержится отъ подобныхъ покушеній.

Вотъ послѣдованіе добраго восхожденія! Псаломъ четвертый отъ блага тѣлеснаго и плотскаго отличилъ невещественное, пятый такого блага исправивалъ въ послѣдіе; а шестый, упомянувъ о *осмогъ*, указалъ время наслѣдія. *Осмый*—далъ видѣть страхъ суда. Судъ подобнымъ намъ грѣшникамъ подалъ совѣтъ, страшное рѣшеніе суда предварить покаяніемъ. Потомъ покаяніе, разумно припесенное Богу, благовѣствовало намъ о выгодѣ, какая имъ доставляется, сказуя: *услыши Господь гласъ обращающагося къ Нему со слезами*. А чтобы и послѣ сего, въ послѣдующее время, непреложнымъ оставалось у насъ благо, Пророкъ молитъ, стыдомъ произвести въ насъ уничто-

женіе враждебныхъ мыслей. Ибо иную враждебную и незаконную мысль и невозможно угасить иначе, какъ приводя ее въ уничтоженіе стыдомъ; потому что стыдъ отъ сдѣланнаго въ жизни худо дѣлается глубоко утвердившеюся пропастію, и отдѣляетъ собою человека отъ грѣха. Посему скажу: *да постыдятся и посрамятся зѣло вси врази мои* (11), *врази же человеку, очевидно, домашніи его* (Матѳ. 10, 36.), *которые отъ сердца исходятъ, и сквернятъ человека* (15, 18.), и за которыми, если вскорѣ отвратятся со стыдомъ, послѣдуетъ для насъ упованіе славы, не стыдомъ оканчивающееся, по благодати Господа. Ему слава во вѣки. Аминь.

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

Должно читать:

страни. строк.			
4	5	св. Божеству	Божеству
22	10	св. другияъ	другими
—		въ прим. <i>ἐπιφορέην</i>	<i>ἐπιφορέην</i> .
35	13	св. науки	науки
44	8	— смиреніе. Трудъ	смиреніе, — трудъ
49	9	св. мѣсто	мѣста
80	13	— потому сей день	потому что сей день
92	8	— и точиѣ	точиѣ
164	7	— поверхность не зани- мается	не поверхность занимается
182	11	— Словомъ снова	Слову снова
219	7	— <i>трудодающему</i>	<i>трудодающемуся</i>
223	1	св. предается	предается
232	10	— Израильтиъ	у Израильтиъ
231	14	— <i>вион</i>	<i>вийъ</i>
239	8	св. смотрящему	смотрящему уже
247	1	— слодеповой	слоновой
—	4	— и всему	и все
249	6	св. драгоцѣнѣ	драгоценнаго
260	6	— естество?	естество? Не тоже ли устройство внутренностей?
261	12	св. предложеніе	предположеніе
276	5	— преграждающая	преграждающаго
	12	— сущее отъ несущаго	сущее отъ не сущаго
278	15	то да	тогда

П

283	1 св. благить	благотѣ
298	2 — поставить	воставитѣ
299	6 — соврешный	сокращенный
301	8 св. ехидцыль	ехидцыль
314	10 св. членомъ	одинакъ членомъ
333	13 — въ словѣ	въ славѣ
336	4 св. несправедъ произведетъ	несправедъ, произведетъ
342	1 св. сему	сму
353	7 св. шныѣ	донпыѣ
377	15 — отрыть	открыть
424	въ прим. <i>περιπρωτος</i>	<i>περιπρωτος</i>
429	10 св. аккъ	какъ
430	11 — себѣ для страстныхъ	себѣ себесто для страстныхъ
431	2 — на основаніи мн	на основаніи
434	13 — ускорять	укорать

СОДЕРЖАНІЕ

ТРИЦАТЬ ОСЬМАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

ТВОРЕНІЯ СВЯТАГО ГРИГОРІЯ ЕПИСКОПА НИССКАГО.

(часть II.)

	Стран.
5 О надписаніи псалмовъ.....	1
6 На псаломъ шестый.....	194
7 Точное истолкованіе Екклесіаста Соломонова...	203
8 О блаженствахъ.....	359
